

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 2 (62)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2026**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геворкян Е. Н. председатель	доктор экономических наук, профессор, академик РАО, и. о. ректора ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
Азранат Д. Л. заместитель председателя	доктор социологических наук, доцент, проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
Комаров Р. В. заместитель председателя	кандидат психологических наук, доцент, проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Виклова Л. Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А. И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н. И.	доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Аминева В. Р.	доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Афанасьева О. В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Богданова Л. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Васильев С. А.	доктор филологических наук, профессор
Геймбух Е. Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джумайло О. А.	доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)
Журавлева Е. А.	доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан)
Колесников А. А.	доктор педагогических наук, доцент
Колмогорова А. В.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)
Курдюмов В. А.	доктор филологических наук, профессор
Лесневская Д. С.	доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)
Матвеева И. И. ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Матюшина Н. В. ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Меркулова М. Г.	доктор филологических наук, профессор
Романова Г. И.	доктор филологических наук, доцент
Серебренникова Е. Ф.	доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)
Собянина В. А.	доктор филологических наук, профессор
Сулейманова О. А.	доктор филологических наук, профессор
Тивьяева И. В.	доктор филологических наук, доцент
Турамуратова И. И.	доктор филологических наук, доцент (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан)
Чернявская В. Е.	доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Чупрына О. Г.	доктор филологических наук, профессор
Якушевич И. В.	доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

EDITORIAL BOARD:

Gevorkyan E. N. Chairman	Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Acting Rector of the Moscow City University, Moscow, Russia
Agranat D. L. Deputy Chairman	Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector of the Moscow City University, Moscow, Russia
Komarov R. V. Deputy Chairman	Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Vice-Rector of the Moscow City University, Moscow, Russia

EDITORIAL TEAM:

Tareva E. G. Editor-in-Chief	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Vikulova L. G. Deputy Editor-in-Chief	Doctor of Philology, Professor
Smirnova A. I. Deputy Editor-in-Chief	Doctor of Philology, Professor
Almazova N. I.	Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Peter the Great Saint Petersburg State Polytechnic University)
Amineva V. R.	Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan (Volga Region) Federal University)
Afanasyeva O. V.	Doctor of Philology, Professor
Belyaeva I. A.	Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University)
Bogdanova L. I.	Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University)
Vasiliev S. A.	Doctor of Philology, Professor
Geimbukh E. Yu.	Doctor of Philology, Professor
Dzhumailo O. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (Southern Federal University)
Zhuravleva E. A.	Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
Kolesnikov A. A.	Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kolmogorova A. V.	Doctor of Philology, Professor (HSE, St. Petersburg School of Humanities and Arts)
Kurdyumov V. A.	Doctor of Philology, Professor
Lesnevskaya D. S.	Doctor of Philology, Associate Professor (University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria)
Matveeva I. I. Executive Secretary	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Matyushina N. V. Executive Secretary	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Merkulova M. G.	Doctor of Philology, Professor
Romanova G. I.	Doctor of Philology, Associate Professor
Serebrennikova E. F.	Doctor of Philology, Professor (Irkutsk State University)
Sobyanina V. A.	Doctor of Philology, Professor
Suleymanova O. A.	Doctor of Philology, Professor
Tiyyaeva I. V.	Doctor of Philology, Associate Professor
Turamuratova I. I.	Doctor of Philology, Associate Professor (Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan)
Chernyavskaya V. E.	Doctor of Philology, Professor, Member of the Saint Petersburg Union of Scientists (Peter the Great Saint Petersburg State Polytechnic University)
Chupryna O. G.	Doctor of Philology, Professor
Yakushevich I. V.	Doctor of Philology, Associate Professor

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation should be published.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Яковлев М. В.</i> Апокалиптические мотивы в мифопоэтике С. А. Есенина	8
<i>Головкин В. М.</i> Критерии художественности в эстетической рефлексии В. М. Гаршина.....	28
<i>Иванова Е. Р., Гришина Е. И.</i> Концепция «тропизмов» Натали Саррот в контексте поэтики «нового романа»	48

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Гришаева Л. И.</i> Текст как пространство для диалога традиций, мнений, интерпретаций, мировоззрений	64
<i>Проскурин С. Г.</i> Представления о мире в индоевропейской традиции.....	82
<i>Беляева М. В.</i> Дискурс – текст – слово (на материале рекламного немецкого текста).....	93
<i>Алпатов В. В.</i> Актуальная лексика и ее стилистический шлейф	102

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Хухуни Г. Т.</i> Перевод в межкультурной коммуникации: отражение, переосмысление или искажение?	125
<i>Хутыз И. П.</i> Дискурс методологии исследования академической статьи: контрастивный аспект	136
<i>Шевченко В. Д., Шевченко Е. С.</i> Дискурсивные функции интертекстуальных включений в массмедиа	152
<i>Маркина Л. В., Глебова А. В.</i> Стереотипы маскулинности в интернет-коммуникации (на материале мемов)	166

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Тарева Е. Г., Вишневецкая Н. В., Коробко Д. А.</i> Потенциал ИИ-агентов: анализ зарубежного опыта и перспективы развития российского образования.....	184
<i>Куклина С. С., Русинова М. В.</i> Формирование читательской грамотности старшеклассников в иноязычном образовательном процессе.....	206
<i>Чистова Е. В.</i> Методы ограничения зависимости от искусственного интеллекта в онлайн-обучении китайскому языку через задания с контролируемой самостоятельностью.....	222
Требования к оформлению статей.....	235

C O N T E N T S

Literary Science

<i>Yakovlev M. V.</i> Apocalyptic Motifs in the Mythopoetics of S. A. Yesenin	8
<i>Golovko V. M.</i> Criteria of Artistry in the Aesthetic Reflection of V. M. Garshin	28
<i>Ivanova E. R., Grishina E. I.</i> The Concept of «Tropisms» by Natalie Sarrot in the Context of the Poetics of the «New Novel»	48

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Grishaeva L. I.</i> Text as a Space for the Dialogue of Traditions, Opinions, Interpretations, and Views	64
<i>Proskurin S. G.</i> Ideas about the World in the Indo-European Tradition	82
<i>Belyaeva M. V.</i> Linguistic Features of the German Advertising Text	93
<i>Alpatov V. V.</i> Vogue Words and Catch Phrases with Their Stylistic Trail	102

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

<i>Khukhuni G. T.</i> Translation in Intercultural Communication: Reflection, Reframing, or Distortion?	125
<i>Khoutyz I. P.</i> Research Methodology Discourse in an Academic Article: Contrastive aspect	136
<i>Shevchenko V. D., Shevchenko E. S.</i> Discursive Functions of Intertextual Inclusions in Mass Media	152
<i>Markina L. V., Glebova A. V.</i> Stereotypes of Masculinity in Internet Communication (Based on Memes)	166

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Tareva E. G., Vishnevetskaya N. V., Korobko D. A.</i> AI agents: Global Practices and the Potential for Language Education	184
<i>Kuklina S. S., Rusinova M. V.</i> Developing Reading Literacy in High School Students in the Foreign Language Education Process.....	206
<i>Chistova E. V.</i> Limiting Artificial Intelligence Dependency in Online Chinese Language Learning through Controlled Autonomy Tasks	222
Style Sheet	235



Научная статья

УДК 821.161.1-1ЕсенинС.А.082

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-8-27

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МИФОПОЭТИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Яковлев Михаил Владимирович

Государственный гуманитарно-технологический университет,

Орехово-Зуево, Россия;

Государственный университет просвещения,

Москва, Россия,

79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Аннотация. Статья посвящена исследованию апокалиптических мотивов в поэзии С. А. Есенина, формирующих художественное мифопространство. Образ Родины в творчестве поэта трактуется в системе русского мессианизма — веры в Россию как в богоизбранную землю. Дореволюционные произведения рассматриваются в аспекте софиологической эстетики, в которой соединяются образы земной красоты и духовные интуиции мира иного. Лирические тексты Есенина включаются в мифопоэтический контекст, сформированный русским символизмом и софиологией Вл. Соловьева. Послеоктябрьская поэзия трактуется в системе концепции апостасии — духовного отступничества. Произведения о Родине выражают деформацию небесно-земного пространства под влиянием социальной революции. Мучительный аксиологический кризис переживает и лирический герой поэзии Есенина, с одной стороны, отрицающий традиционные религиозно-мистические символы, а с другой — формирующий свою художественную версию атеистической и большевистской России. Утрата прежней веры и затемнение пророческих предчувствий определяет болезненный трагизм самосознания и чувства Родины.

На основе апокалиптической интерпретации художественных произведений С. А. Есенина, формирующих мифопоэтический образ Родины, делается вывод о мистико-религиозном подтексте его творческой эволюции, сыгравшей важную роль в развитии мессианского мифа о России как о богоизбранной земле. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о мифопоэтических параллелях и традициях

в историко-литературном контексте XX в. и возможностях интерпретации стихотворений С. А. Есенина в системе герменевтического феномена приращения смыслов.

Ключевые слова: мифопоэтика, апокалиптика, герменевтика, Родина, софийность, символ, лирический герой.

Для цитирования: Яковлев, М. В. (2026). Апокалиптические мотивы в мифопоэтике С. А. Есенина. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 8–27. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-8-27>

Original article

UDC 821.161.1-1ЕсенинС.А.082

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-8-27

APOCALYPTIC MOTIFS IN THE MYTHOPOETICS OF S. A. YESENIN

Mikhail V. Yakovlev

State University of Humanities and Technology,

Orekhovo-Zuyevo, Russia;

State University of Education,

Moscow, Russia,

79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Abstract. The article is devoted to the study of apocalyptic motifs in the poetry of S. A. Yesenin, forming the artistic myth space. The image of the motherland in the poet's work is interpreted in the system of Russian Messianism — faith in Russia as a God-chosen land. Pre-revolutionary works are considered in the aspect of sophological aesthetics, which combines images of earthly beauty and spiritual intuitions of the otherworld. Yesenin's lyrical texts are included in the mythopoeic context formed by the Russian symbolism and sophology of Vladimir Solovyov. Post-October poetry is interpreted in the system of the concept of apostasy — spiritual apostasy. The works about the Motherland express the deformation of the celestial-terrestrial space under the influence of the social revolution. The lyrical hero of Yesenin's poetry is also experiencing a painful axiological crisis, on the one hand, rejecting traditional religious and mystical symbols, and on the other, forming his own artistic version of atheistic and Bolshevik Russia. The loss of the old faith and the darkening of prophetic premonitions determine the painful tragedy of self-awareness and a sense of Homeland. Based on the apocalyptic interpretation of S. A. Yesenin's works of art, which form the mythopoeic image of the Motherland, a conclusion is drawn about the mystical and religious overtones of his creative evolution, which played an important role in the development of the Messianic myth of Russia as a God-chosen land. The results of the study expand and complement the ideas about mythopoeic parallels and traditions in the historical and literary context of the twentieth century and the possibilities of interpreting S. A. Yesenin's poems in the system of the hermeneutic phenomenon of increment of meanings.

Keywords: mythopoeics, apocalypticism, hermeneutics, Homeland, sophistry, symbol, lyrical hero.

For citation: Yakovlev, M. V. (2026). Apocalyptic motifs in the mythopoetics of S. A. Esenin. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 8–27. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-8-27>

Введение

В 2025 году состоялось всероссийское празднование 130-летнего юбилея со дня рождения С. А. Есенина. Памятной дате были посвящены научные и культурно-просветительские мероприятия, в том числе Международная научно-практическая конференция, организованная Российской академией образования, Государственным университетом просвещения и Государственным гуманитарно-технологическим университетом, состоявшаяся 22 и 23 октября 2025 года в Москве и Орехове-Зуеве. В научном контексте юбилейные форумы по традиции приобретают хвалебное звучание. Участники встреч стремятся отдать дань памяти писателя. Однако искренняя любовь порой упрощает восприятие сложного идейно-художественного мира. Устоявшиеся тенденции хвалебных оценок наследия Есенина и сочувствие его трагической судьбе превращают разговор о его личности и произведениях в содержание стереотипного медийного контекста.

Среди работ последнего времени, посвященных герменевтическому прочтению произведений Есенина, следует назвать статьи О. Е. Вороновой «Типология композиционных моделей в поздней лирике С. А. Есенина» (Воронова, 2025), Е. И. Самоделовой «Истоки образа Лады в творчестве Сергея Есенина» (Самоделова, 2025), С. Н. Пяткина «Тема памятника в поэзии С. А. Есенина» (Пяткин, 2025), Н. И. Шубниковой-Гусевой «Сергей Есенин вчера, сегодня, завтра. Есенинская группа ИМЛИ РАН» (Шубникова-Гусева, 2025), Т. К. Савченко «Изучение лирики С. А. Есенина в иностранной аудитории: “Письмо матери”» (Савченко, 2025), Н. М. Малыгиной «Сергей Есенин в журнале “Красная новь”» (Малыгина, 2025) и других известных литературоведов, объединившихся в есенинском выпуске журнала «Русский язык за рубежом», № 4 2025 года.

Несмотря на обилие религиозных образов в раннем творчестве, Есенин, так же как и Клюев, Клычков, Шириаевец, Орешин, другие «новокрестьянские» поэты, не был православным в духе официальной народности. Характерно, что Н. А. Клюев воспринимал Есенина как жертву ложной апокалиптики, заведшей его на путь апостасии, или религиозного отступничества, чему посвящена поэма «Плач о Сергее Есенине» 1926 года. Это сделало Есенина не только автором апокалиптических текстов, но и персонажем исторической апокалиптики. Цель статьи заключается в характеристике двойственных, антиномически провокационных текстов С. А. Есенина, вдохновленных апокалиптическими интуициями и во многом старообрядческим эсхатологическим фольклором.

В задачи исследования входит осознание и различение мессианских символов Царствия Божия и антихристианского проекта человеческого государства,

которые столкнулись в душах и сознании людей революционной эпохи. В современном контексте события 1917 года все чаще осмысляются не как политическая революция, а как революция духа, направлявшая коллективное бессознательное. Выразителями этой иррациональной сферы выступают пророки и поэты, или поэты-пророки. Один из них, по нашему убеждению, крестьянский поэт Сергей Есенин, крещеный во имя преподобного Сергия Радонежского.

Методы исследования

Подводя итог предварительным наблюдениям, хочется обратиться к герменевтическому прочтению отдельных произведений С. А. Есенина как к апокалиптическому посланию выдающегося русского поэта с трагическим мироощущением и личной судьбой. Жанровые границы научной статьи позволяют лишь векторно обозначить систему идей и символов художественного пространства Есенина в аспекте русского мессианского мифа о России как о Царствии Божьем, Третьем Риме, явлении Софии Премудрости. Среди апокалиптической символики, сформированной образами последней канонической книги Библии «Откровения Иоанна Богослова» и большим количеством толкований многозначного священного текста, видения «нового творения», всадников возмездия, Страшного суда, небесной войны архангела Михаила и дьявола, власти темных сил, Великой блудницы, противостояние Вавилона и Иерусалима, видение второго пришествия Христа как Всадника на белом коне, белого камня; жены, облеченной в солнце; небесного града и др. Литературоведческое применение апокалиптической герменевтики автором данной статьи представлено во втором издании монографии «Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века» (2021), а также в различных журнальных публикациях.

Работа, посвященная осмыслению апокалиптических мотивов в поэзии С. А. Есенина, имеет полемический и гипотетический характер и не претендует на единственную и окончательную версию суждений о произведениях поэта.

Результаты исследования

Софийная апокалиптика в дооктябрьской поэзии. Апокалиптические интуиции обнаруживаются уже в ранней поэзии Есенина. Она наполнена религиозной символикой, имеет жизнеутверждающее начало и реализует софийную интуицию таинственного единства небесного и земного миров. При этом у поэта возникает потребность в иной версии христианства.

В письмах Г. Панфилову 1913 года Есенин говорит о пути религиозного проповедника, восхищается образом Христа: «Христос для меня совершенство»

или: «Гений для меня — человек слова и дела, как Христос» (Есенин, 1970, т. 3, с. 203). Однако там же поэт обозначает свою оппозицию официальной религии. Он говорит, что верит в Христа «не как другие», не из страха того, что будет после смерти. В Христе поэт почитает «человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как образец в последовании любви к ближнему» (Есенин, 1970, т. 3, с. 202). Русскую религиозную культуру Есенин воспринимает не интеллектуально, а эмоционально. По его словам, Христос «не открыл цель жизни», а лишь «указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно» (Есенин, 1970, т. 3, с. 202). В поэтическом мире Есенина со всей отчетливостью выражено присутствие Христа в земном пространстве, что сближает его духовные интуиции с концептуально важными христологическими стихотворениями А. Блока «Вот Он — Христос — в цепях и розах...» (1905), Вл. Соловьева «Имману-Эль» (1892), Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

Социальное содержание народной религиозности раскрывается в стихотворении «Шел Господь пытаться людей в любви...» (1914), где «старый дед» из жалости дает поесть странствующему Христу, который решил, было, что «сердца их не разбудишь»: «На, пожуй... маленько крепче будешь» (Есенин, 1970, т. 1, с. 58).

Народный мир в его бытовой конкретности, так же как и в тютчевском стихотворении «Эти бедные селенья...», воспринимается через ощущение причастности Христа русскому пути. Есть у Есенина и образ мистического растворения Христа в природе, в чем он продолжает эстетику символизма. В стихотворении «Осень» встречаем такой образ: «Схимник-ветер шагом осторожным / Мнет листву по выступам дорожным // И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримо Христу» (Есенин, 1970, т. 1, с. 59).

Христианское самосознание Есенина включает в себя языческий пантеизм. Православные образы спроецированы у него в русский пейзаж: «Я молюсь на алы зори, / Причащаюсь у ручья», — «Я пастух; мои палаты...» (1914) (Есенин, 1970, т. 1, с. 65). Этот образ встречается и в стихотворении «Возвращение на родину» (1924), где дед сообщает внуку, что ходит молиться не в закрытый комиссаром храм, а в лес: «Молюсь осинам... / Может, пригодится...» (Есенин, 1970, т. 2, с. 86).

Г. П. Федотов в книге 1935 года (репринт 1991) «Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)» (1935) отмечает, что «в духовных стихах расстояние между Творцом и тварным миром настолько сближено, что едва ли правильно говорить о творении мира там, где, для народа, речь идет о космогонии» (Федотов, 1991, с. 65). В духе религиозного фольклора в ранний период творчества написаны стихотворения «Микола» (1913–1914), «Егорий» (1914), «Исус-Младенец» (1916) и др. Впоследствии Есенин просил относиться к этим образам в своем творчестве как к сказочному, однако, думается, что в этом был поэтический жест отказа от прошлого, потому что в этих образах заключалась глубинная национальная духовная интуиция. Федотов определяет

тип народной религиозности как софийный. Божественный и природный мир в нем неразрывно связаны. Это мироощущение приобретает у поэта эмоциональный максимализм. В программном стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914) он восклицает:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

(Есенин, 1970, т. 1, с. 64)

Здесь мир небесный и земной не только лирически противопоставлены, но и соединены в образе земного рая, России как Святой Руси, как Царствия Софии, интуиция которого зафиксирована в «Повести временных лет», когда легендарные послы кн. Владимира после посещения храма Святой Софии в Царьграде не знали, где они находятся, на небе или на земле, «ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой <...> Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми...» (Древнерусская литература, 1996, с. 59). В этом смысле русское народное христианство правильнее называть не по-византийски православным, оформившимся вокруг церковно-монархической фигуры императора Константина, а софийным, пространственным, космософским.

Поэтика ранних стихотворений Есенина строится по софийной модели мира на соединении небесного и земного: пейзажных картин, реалий сельского мира и канонических для православия религиозных образов. В этом соединении обнаруживается самобытная духовная модель крестьянской культуры, реализующая мессианский, эсхатологический символ Царствия Божия на земле. Его источником является христианская молитва «Отче наш...», апокалиптический смысл которой учитывается недостаточно: «Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» (Православный молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 5), т. е. царствие земное и Царствие Небесное соединяются в едином софийном пространстве. Это молитва о конце этого мира и явлении мира Божьего. Апокалипсис Иоанна Богослова заканчивается духовным обещанием. Воплощенный Логос, Богочеловеческий Голос сообщает: «Ей, гряди скоро!» (Откр. 22: 20). «Ей гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22: 20) — подтверждает пророк. Этот молитвенный диалог соединяет религиозный пассеизм — обращенность к прошлому, к старому, к отчему благочестию, особенно характерному для русского старообрядчества, и веру в грядущий Суд и Возмездие, в социально ориентированный апокалипсис наказания грешников, характерный для русской народной религиозности. В основе этого переживания — бесчисленные страдания крестьянства как родовой основы слова «народ».

Русское слово «крестьяне» происходит от существительного «христиане», актуализируя при этом по фонетической и смысловой линии образ креста, который в христианстве антиномичен. Он символизирует страдание и искупление, смерть и воскрешение, земное горе и пасхальную радость. На соединении

земного и небесного формируется художественный мир стихотворений «За горами, за желтыми долами...» (1916), «Опять раскинулся узорно...» (1916), «Троицыно утро, утренний канон...» (1914), «Калики» (1910), «Шел Господь пытать людей в любви...» (1914), «Осень» (1914–1916), «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (1914) и др.

Земные страдания крестьянского-христианского мира восполняются софийным ощущением полноты и красоты природы, чувством матери-земли, дома, любви. Языческое почитание священных рощ сливается у Есенина с образом храма, коим является не церковное здание, а сама природа, согласно видениям Апокалипсиса о Небесном Иерусалиме: «Храма я в том городе не видел, но Господь Бог — храм его и Агнец» (Откр. 21: 22). Это прямое богообщение. Не иерократия византийского православия, основанного на власти епископата и православного царя или императора, а беспоповское старообрядчество, где каждый христианин — священник. Показательно и близкое хлыстовскому сектантству использование в переписке с Г. Панфиловым слова «Христос» во множественном числе: «Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами?» (Есенин, 1970, т. 3, с. 205).

Также и в софийной теократии, о которой много говорил Вл. Соловьев, Бог общается с народом напрямую. Ему не нужны иереи в качестве посредников-жрецов, как это установлено ветхозаветным священством или языческими культами с их неизменным жречеством. *Иерей* по-гречески *жрец*, в функцию которого входит приношение жертвы, не символическое, а буквальное. Эту жертву раз и навсегда принес Сам Христос-Искупитель. Поэтому верующие называют Его Спасителем, или, как напоминает Вл. Соловьев в стихотворении о сакральном имени Спасителя «Имману-Эль» — «С нами Бог»: «Он здесь, теперь — среди суеты случайной, / В потоке мутном жизненных тревог / Владеешь ты всерадостною тайной: / Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!» (Соловьев, 1994, с. 389). Русская апокалиптика изначально формировалась в софийном, жизнеутверждающем аспекте. Поэты-пророки соединяли «радостную весть» Евангелия и обетование скорого пришествия Иисуса Христа: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22: 20).

В пейзажном пространстве Есенина образ Родины изначально ознаменован софийными видениями Царствия Божия на земле: «Троицыно утро, утренний канон, / В рощах по березам белый перезвон...» (Есенин, 1970, т. 1, с. 49). Это свойственно для русской народной апокалиптики, во многом сформированной старообрядчеством, упованиями мистического сектантства, легендами калик переходящих, образами духовных стихов русского странничества. Чего ищет странник? Царствия Божия на земле, праведной земли, которая является альтернативой земному аду в пьесе М. Горького «На дне» (1902).

Лирический герой Есенина осознает себя религиозным романтиком. Ему близко христианское смирение, иночество, жертвенность, которые

он переживает эмоционально-лирически, песенно. Так, в стихотворении «Опять раскинулся узорно...» (1916) находим такую антитезу:

Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.
<...>
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.
(Есенин, 1970, т. 1, с. 42)

Поэтическая напряженность этого чувства придает религиозным мотивам ранних стихотворений апокалиптическую семантику. Образ разгульной жены отсылает к многозначной символике Великой блудницы (Откр. 17: 1). По-своему Есенин переживает мистическую тайну русского духовного пространства, и его образы обращены не столько к патриархальной старине, сколько к вневременной интуиции Богоземли. Пророческие интонации, высокий апокалиптический трагизм появляются в стихотворении «Там, где вечно дремлет тайна...» (1916):

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.
(Есенин, 1970, т. 1, с. 102)

Может показаться, что после революции 1917 года эти мотивы исчезли и поэт целиком сосредоточился на социальных мотивах, двигался в сторону социалистического реализма. В исповедальном стихотворении «Письмо к женщине» (1924) он, пользуясь пролеткультовской терминологией, оптимистично сообщает о себе: «Теперь в Советской стороне / Я самый яростный попутчик» (Есенин, 1970, т. 2, с. 111). Однако в его сложном бунтующем самосознании в послереволюционном 1918 году были и иносческие видения-сновидения как свидетельства духовного раздвоения. Таково стихотворение «Не стану никакой я девушку ласкать...» (1918): «Не стану никакой / Я девушку ласкать. / Ах, лишь одну люблю я, / Забыв любовь земную, / На небе Божью Мать» (Есенин, 1970, т. 2, с. 311). Знаменательно то, что Богоматерь дает лирическому герою обещание: «И, сев со мною рядом, / Она шептала мне: / “Смирись, моя услада, / Мы встретимся у сада / В небесной стороне”» (Есенин, 1970, т. 1, с. 311).

В заметке «О себе» (1925) поэт писал: «Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле

формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности» (Есенин, 1970, т. 3, с. 188). Очевидно, что влияние Блока, Белого и Клюева не ограничивалось передачей опыта лиричности, но и включало в себя важные смысловые пласты этого переживания, в особенности в развитии мессианских интуиций, в мистической вере в Россию. В стихотворении «Исповедь хулигана» (1920) Есенин сообщает: «Я люблю родину. Я очень люблю родину!» (Есенин, 1970, т. 2, с. 83). По воспоминаниям литературоведа И. Н. Розанова, поэт сформулировал источник своей поэзии так: «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве» (Розанов, 1990).

Однако, очевидно, что там, где поэт напрямую говорит о любви к Родине, присутствует своеобразное исповедание веры в Россию как в Мать Небесную и мать земную. Образ Родины у Есенина мифологизируется и в традициях славянского язычества, как в известном письме Блока Мережковскому (Блок, 1982, т. 4, с. 156), и вслед за Блоком, А. Белым и Вл. Соловьевым, автором книги «Россия и Вселенская Церковь» (1889), — в системе апокалиптики. В понимании мыслителя, сущностью русской идеи является именно апокалиптическое призвание народа и страны. В «Третьей речи» в память Достоевского Соловьев, в частности, сообщает, что в одном разговоре Достоевский применил к России знаковое видение Иоанна Богослова о жене, облеченной в солнце (Откр. 12: 22), традиционно символизирующее Вселенскую Церковь как цель исторического процесса человечества. По Достоевскому, «жена — это Россия, а рождаемое ей есть то новое Слово, которое Россия должна сказать миру» (Соловьев, 1991, с. 259).

Что же это за слово? Соловьев использует евангельскую версию концепта «истина». Богочеловек Иисус отвечает на абстрактно-философский вопрос скептика Понтия Пилата об истине так: «Я есть путь, истина и жизнь» (Ин. 14: 16). Истина — это не «что», а «кто». В евангельском откровении непостижимая истина формулируется вербально и осознается как любовь: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16). Христианская вера — это вера в любовь Бога. В духовном смысле любовь — это не только привязанность, но и мистический опыт, сокровенное знание. Вспомним слова Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13: 34). Эти слова фиксируются и на иконе Христа-Вседержителя, который держит Евангелие, раскрытое на данных страницах. Это не только этика, как думал Л. Толстой, но и мистика реального богоприсутствия в душе человека. Повторимся: «Бог есть любовь и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16).

Важно отметить, что поэтика лиричности делает Есенина не мыслителем, а философом чувства, интуитивистом. Его философия не рациональна, а иррациональна, но именно в этом заключается подлинность его опыта, антиномическая глубина познания окружающего мира и мира своей души.

Этим объясняется устойчивая массовая популярность его поэзии, обращенной не столько к сознанию, сколько к сфере бессознательного.

В различных исследованиях Есенина стали называть чуть ли не философом, однако основанных на интеллектуальном рассуждении сочинений Есенин не создавал, да и не читал. Об этом он иронично, но искренне признается в стихотворении «Возвращение на родину» (1924) по отношению к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса (Есенин, 1970, т. 2, с. 87). В еще большей степени это можно сказать и о сочинениях Ф. Ницше, идеи которого звучат в после-революционных богоборческих поэмах. Труды философа тогда еще не были переведены на русский язык, а по-немецки, в отличие от Б. Пастернака, Есенин не говорил и не читал. Примерно та же картина была и с другим влиятельным русским ницшеанцем — М. Горьким, который познакомился с идеями и суждениями Ницше благодаря рассказам товарищей, знающих немецкий язык. В случае с Горьким, Маяковским и Есениным мы имеем дело не с цитированием, а с оригинальным русским ницшеанством, философским богоборчеством и антиклерикализмом. Аналогично это произошло и с германско-еврейским марксизмом в его вольной троцкистско-ленинской интерпретации. Ницшеанская концепция сверхчеловека в соединении с русским марксизмом причудливо реализовалась в фигурах вождей революции 1917 года.

Есенин вдохновлялся другой версией богоборчества, а точнее антиклерикализма в его православной, никонианской версии. В случае мифопоэтики Есенина можно говорить о старообрядческой и софиологической, а не об имперской версии русского православия. Символу православного государства в нем противопоставляется символика церкви как Богоземли — Царствия Божия, Святой Руси, а не царствия земного императора или квазиязыческого римского культа якобы атеистического государства. И сегодня вызывающе прозвучит тезис о том, что церковь важнее государства, что государство вторично по отношению к церкви, потому что церковь включается в православный символ веры, а государство — нет! Позволим напомнить, во что верят православные христиане: «Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь» (Православный молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 9). Причем слово «соборная» переведено некорректно, потому что греческое *καθολικός* («кафоликос») значит «вселенская», т. е. не русская, не греческая и никакая из других национально-региональных церквей, а *вселенская*! То есть общечеловеческая, интернациональная, вселенская. По слову апостола Павла: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28). Это апокалиптическое пророчество о Церкви Христовой вступает в противоречие с реальностью до сих пор, потому что границы между людьми не исчезли. Концепция вселенской, т. е. наднациональной церкви остается острым камнем преткновения и в наши дни. Воспевая Святую Русь, Есенин неизбежно вступал в конфликт с земным государством,

исторической церковью, ради церкви апокалиптической, Царства Божьего, «жены, облеченной в солнце» — видения Небесной России.

Апокалиптические мотивы в послеоктябрьской поэзии. После Октябрьской революции Есенин занял двойственную позицию: с одной стороны, он поддерживал ее как проявление бунтарской народной стихии и ждал от нее цивилизаторских преобразований, с другой — сожалел о том, что старая крестьянская Россия исчезает навсегда. Положение поэта в советской литературе осложнялось и тем, что, несмотря на политическую лояльность к новой власти, лично Есенин не вменялся в рамки строящегося социалистического общества. Прежде всего, это связывалось с тем, что Октябрьская революция идеологически была пролетарской, городской. Есенин же никогда не был пролетарием, да и крестьянином тоже был лишь условно, по происхождению. В отличие от графа Льва Толстого, землю он никогда не пахал, да и другим крестьянским трудом для пропитания не занимался. Революционеры-пролетарии с подозрительностью воспринимали мир деревни. Как бывший крестьянин, Есенин чувствовал, что социалистические преобразования в деревне скажутся катастрофически. Как анархически настроенной личности, ему были тягостны рамки квазипролетарского монопартийного тоталитаризма, который начинал насаждаться в обществе.

Деревенский мир воспринимался поэтом как хранитель и выразитель русской духовности и нового религиозного мироощущения. В мистические символы художник вводит реалии сельского мира: «Тучи с ожереба / Ржут, как сто кобыл. / Плещет надо мною / Пламя красных крыл». В стихотворении «Тучи с ожереба...» (1916) поэт провозглашает свою веру: «Новый над туманом / Вспыхнет Назарет» (Есенин, 1970, т. 1, с. 103). Апокалиптика приобретает эмоционально-анархические черты. При этом «красные крылья» отсылают не столько к миру ангелов-хранителей, сколько к иконографии Софии-Премудрости Новгородской. В стихотворении «О Русь, взмахни крылами...» (1917) поэт ощущает себя удалым молодцом фольклорно-песенного типа: «Кудрявый и веселый, / Такой разбойный я», — и с вызовом заявляет: «Но даже с тайной Бога / Веду я тайно спор» (Есенин, 1970, т. 1, с. 106). Фольклорно-песенная стихия, русское анархическое озорство и бунтарство увлекали поэта в большей степени, чем религиозные или политические ориентиры. Важно помнить, что это был совсем еще молодой человек.

Для герменевтического прочтения стихотворения «О Русь, взмахни крылами...» закономерен вопрос: откуда у Руси крылья? Предположительно, на эту метафору также повлияла символика новгородской иконы Софии-Премудрости, в центре которой ангелообразная фигура с крыльями, или одна из версий иконы Покрова Пресвятой Богородицы, где Царица Небесная закрывает коленапреклоненных верующих не платком-убрусом, а плащом. За спиной Богородицы изображаются крылья.

В отличие от символистов, Есенин не углублялся в мистические аналогии, а стремился к изобразительно-выразительному эффекту, красочности, визуальной яркости создаваемых образов. Тем не менее метафорически выстроенный текст придает ему не только имажинистский характер, но и смысловую емкость. В философско-эстетическом трактате «Ключи Марии» (1920) Есенин развивает эстетику орнаментализма (Есенин, 1970, т. 2, с. 136), близкую «эмблематике смысла» в символизме (Белый, 1994, с. 25). Он описывает три вида образов, которые называет «заставочными», «корабельными», «ангелическими» (Есенин, 1970, т. 3, с. 148–149). Они соответствуют трем уровням человеческого существа: плоти, духу и разуму. Упоминание ангелов в этом контексте показательно. Важную роль здесь играет и символика цвета, отсылающая, в частности, к статье А. Белого «Священные цвета» (Белый, 1994, с. 201). Вынесенные в заголовок книги «Золото в лазури» (1904) мистически озаменованные (Яковлев, 2021, с. 193) софийные цвета стали частью поэтического автопортрета Есенина: «златоглавый» (как храм?), «синие <...> глаза» («Годы молодые с забубенной славой...», 1924); «эти волосы взял я у ржи...» («Шаганэ ты моя, Шаганэ...», 1924); «желтоволосый, с голубыми глазами» («Черный человек», 1925) и др. Конфликт между идеальным и реальным, светлым и темным, между символами рая и ада формирует трагическое раздвоение самосознания лирического героя.

Религиозно-философские искания начала века, выразившиеся в поиске веры, альтернативной официальному государственно-епископскому православию и во многом определившие специфику литературы 1910-х годов, по-своему преломляются в послереволюционной поэзии Есенина. В 1918 году он пишет скандальную «Инонию», где выражает кризисное состояние собственной религиозности и антирелигиозные настроения, типичные для мироощущения людей периода революции. Есенин называет себя пророком новой веры, чуть ли не создателем новой религии. Лирический герой произведения стремится освободиться от аскетических, монашеских традиций прошлого. Увлекаясь, он доходит до богохульства, грубо обытовляя и снижая священные образы.

Прямым текстом, используя глагол «проклинаю» (Есенин, 1970, т. 2, с. 64–65), «пророк Есенин Сергей» отвергает «Китеж», «Радонеж», идеалы Православия и провозглашает «Инонию», страну, где живет «божество живых» (Есенин, 1970, т. 2, с. 64). Что же это за божество? Сверхчеловек, о котором экстатически писал Ницше в поэме в прозе «Так говорил Заратустра»? Или Горький в поэме «Человек»? Или Маяковский, «сегодняшнего дня крикогубый Заратустра» (Маяковский, 1978, т. 1, с. 237) в поэме «Облако в штанах»? Это человекобог, о котором говорят герои романа Ф. Достоевского «Бесы»? Или Человек из пьесы Л. Андреева «Жизнь Человека»? Или, наконец, человек-титан из стихотворений Д. Мережковского «Леонардо да Винчи», «Микеланджело», «Франческо Римини», «Уголино», «Протопоп Аввакум», «Франциск Ассизский» и др.?

Бунтарский пафос Есенина раскрывается не как языческий, который глубоко и тонко стремились передать символисты и другие выразители «эллинского» мироощущения (например, М. Волошин или О. Мандельштам), да и сам он в ранней поэзии, — а как сатанинский, антибожественный. Однако можно предположить, что все богохульство этого стихотворения имело провокационно жизнеутверждающий смысл. В последней главке поэт прославляет веру, в которой у него соединяется человеческое и Божественное, но, в отличие от Богочеловеческого, христианского, «без креста и без мук»: «Не хочу воспринять спасения / Через муки его и крест» (Есенин, 1970, т. 2, с. 63).

Здесь обнаруживается созвучие идеологии нищезанятия — книги «Так говорил Заратустра» (1883–1885) и «Антихристос» (1895) («анти» значит не только «против», но и «вместо» Христа. Традиционный перевод книги «Антихрист» вносит не совсем верную апокалиптическую семантику). Влияние Ницше на Есенина, как и на М. Горького¹, автора поэмы года «Человек» (1903), вероятно, возникает вместе с культурологическим, общим для многих литераторов бунтарским фоном Серебряного века. В поэме «Инония» также чувствуется и влияние сектанства, вероятно хлыстовства, близкие образы которого обнаруживаются в письмах другу юности Панфилову (вспомним множественное число в слове «Христы» — отчего, по одной из версий, произошло название секты). В целом же «Инония» выразила общий антиправославный, точнее антицерковный порыв, который проявился и в творчестве Блока, и в творчестве раннего Маяковского («Облако в штанах», 1915; «Флейта-позвоночник», 1915; «Человек», 1918), и в особенности в антиклерикальном бунте Л. Толстого. Самоутверждаясь, Есенин декларирует: «Наша вера — в силе, / Наша правда — в нас!» (Есенин, 1970, т. 2, с. 69).

В ком это в «нас»? В крестьянах? В поэтах? В революционерах? Собираемый образ лирического героя «Инонии» сближает поэтику произведения Есенина с программными текстами Пролеткульта, с мифологизацией коллективизма. Здесь же прочитывается и антиутопический коллективизм Е. Замятина и А. Платонова, предчувствие приближающейся партократической и грядущей техногенной матрицы.

Бунтарские умонастроения раскрываются и в революционных поэмах «Октоих» (1917) «Пришествие» (1917), «Преображение» (1917), «Иорданская голубица» (1918), «Небесный барабанщик» (1918), «Пантократор» (1919). Важно подчеркнуть, что в богоборчестве Есенина обнаруживается не столько революционная атеистическая идеология, сколько глубинная черта национального самосознания, которая раскрывается как необузданность, озорство, хулиганство. Так, Достоевский, говоря о парадоксах национального характера, сообщает в «Дневнике писателя» за 1873 год в разделе «Влас» о споре двух мужиков, которые состязались в том, кто дерзостнее сделает. Один из них предложил

¹ В псевдониме Горького семантически работает не только фамилия, но и имя Максим, происходящее от *лат. maximus* — большой, величайший.

выстрелить из ружья в Причастный Хлеб, вынутый изо рта после Евхаристии (Достоевский, 2004, кн. 1, с. 51). В стихотворении «Инония» Есенина обнаруживается близкий образ, но с религиозно-психологическим подтекстом: «Тело, Христово тело, / Выплываю из рта» (Есенин, 1970, т. 2, с. 63). Как он впоследствии объяснял Блоку, «Христово тело» он выплевывает из рта, потому что не принимает страдания. Однако в таком неприятии Есенин увлекается своей дерзостью, и эта стихийная увлеченность симптоматична. Решающую роль в таком стилевом дерзновении играет образное мышление, словоупотребление. Увлеченный эмоциональным порывом, Есенин не слишком заботился о философском содержании своей поэтики, рассчитывая на эпатирующий эффект.

В конце 1918 года он пишет поэму «Сельский часослов», в которой возникают совсем другие настроения и образный язык. Здесь нет ни бунтарства, ни хулиганства. Произведение отличается щемящим чувством связи души со своей землей и мучительной верой в ее духовное призвание. Есенин называет Русь «начертательницей Третьего Завета», вступая в контекстный диалог с выразителями этой неорелигиозной интуиции и учения об откровении Софии и Святого Духа как сути наступившей эпохи (Яковлев, 2021, с. 54) — Мережковским, Вл. Соловьевым, А. Шмидт, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, Д. Андреевым, из наших современников с О. Кандауровым и др. Мессианское предчувствие новой духовной эпохи окрашивается у поэта доминирующим ожиданием гибели. Серьезность содержания передает верлибр:

Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

(Есенин, 1970, т. 1, с. 308)

В поэме «Сельский часослов» Есенин называет три источника своего мирозерцания и творчества: Библия, сказки и стихия ветра, связанная с духовным пространством России и литературно озаменованная мифопоэтикой А. Блока. Это позволяет воспринимать Есенина как поэта собственно народного — с его верой, безверием и ожиданием чего-то нового и высшего. Даже заявленный в литературной полемике с современниками модернизм-имажинизм приобретает у него национальное содержание, сохраняя семантическую связь с первоисточниками.

После Октябрьской революции в поэзии Есенина становятся устойчивыми и социалистические мифологемы. Преодолевая сомнения, он ждет обновления жизни России. В поэме «Иорданская голубица» (1918) он формулирует свое новое «верую»: «Небо — как колокол, / Месяц — язык, / Мать мая — родина, / Я — большевик» (Есенин, 1970, т. 2, с. 60). Однако важно заметить, что социализм он воспринимал не марксистски, а в духе народной утопии, «с крестьянским уклоном». В поэме «Сорокоуст» (1920) поэт противопоставляет

цивилизацию и сельский мир, поезд и жеребенка, нежно прощаясь с «милым, смешным дуралем» (Есенин, 1970, т. 2, с. 80). Слово «Сорокоуст» обозначает сорокадневную церковную молитву. Она бывает и об упокоении, и о здравии. У Есенина звучит, вероятно, поминальная версия.

Характерный образный мир возникает в стихотворении о Ленине «Капитан земли» (17 января 1925 года). Вынесенная в название метафора созвучна с самоопределением футуриста В. Хлебникова как «председателя земного шара» и с максималистической идеологией Л. Троцкого, развивавшего проект «мировой революции». Если бы Есенин не погиб, ему бы наверняка было предъявлено обвинение в троцкизме. Или, что более вероятно в связи с происхождением, как Клюеву и другим «новокрестьянским» поэтам, — в «кулацком» заговоре. Формирующаяся мифология монопартийного государства придавала иной смысл революционному пафосу борцов за новый мир.

Образ Ленина у Есенина мифологизируется. В нем соединяются фольклорные представления о добром царе, о царе из народа, и сказочный образ Иванушки-дурачка-юродивого, и вера в Христа-Спасителя, и в вождя народа как былинного богатыря. На смену религиозному мифу большевизм выдвинул свой, и Есенин был одним из первых его выразителей. Поэт верит, что этот «капитан земли» выведет Россию к светлому будущему. Социализм становился эмблемой Царства Божьего. Образ Ленина в стихотворении идеализируется: «Он никого не ставил / К стенке. / Все делал / Лишь людской закон» (Есенин, 1970, т. 1, с. 334). Показательно, что русские цари-тираны никогда не считались преступниками. И Иван Грозный, и Петр I осуществляли свою кровавую политику так же «свято», как и большевики. Монархическое сознание народа допускало право на кровь. И у Есенина преломляется это же понимание истории. Не исчезают мифологические черты и в отрывке из поэмы «Гуляй-поле» «Ленин» (1924), хотя образ вождя здесь явно упрощается. Поэта привлекает его человеческий облик: «Застенчивый, простой и милый», однако это лишь подчеркивает титанический, мистический масштаб его дел: «Он вроде сфинкса предо мной / Я не пойму, какою силой / Сумел потрясть он шар земной?» (Есенин, 1970, т. 2, с. 127). В стихотворении «Ответ» (матери) 1924 года поэт называет Ленина Солнцем с большой буквы (Есенин, 1970, т. 2, с. 117). В христианской символике солнце является знаком Христа. В тропаре на Рождество Пресвятой Богородицы есть слова, обращенные к Царице Небесной: «Из Тебе бо воссияя Солнце правды, Христос Бог наш» (Православный молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 159).

Стихи Есенина о революционных переменах и новой власти выражают опыт апостасии — религиозного отступничества. Есенин разрывается между политическими симпатиями к новой власти и непосредственным чувством жизни, экзистенциальным чувством лирика, духовным самосознанием. К этим произведениям примыкают также «Стансы» (1924) и «Возвращение на родину» (1924), где в рассказе деда возникает картина смены культур,

уничтожения религиозных основ жизни деревни. В «Стансах» лирический герой, «самого себя / по шее глядя» говорит: «Настал наш срок, / Давай, Сергей, / За Маркса тихо сядем» (Есенин, 1970, т. 2, с. 121). Противопоставляя себя сестрам, авторский персонаж «Возвращения на родину» заявляет: «Конечно, мне и Ленин не икона» (Есенин, 1970, т. 2, с. 87), а про «пузатый» «Капитал» Маркса и работы Энгельса говорит, что «ни при какой погоде / Я этих книг, конечно, не читал» (Есенин, 1970, т. 2, с. 87). На вопрос деда: «Ты не коммунист?» — дает однозначный ответ: «Нет!...». Поэтому далее дед сообщает следующее: «А сестры стали комсомолки. / Такая гадость! Просто удавись! / Вчера иконы выбросили с полки, / На церкви комиссар снял крест» (Есенин, 1970, т. 2, с. 86). В стихотворении «Метель» (1924) находим такую характеристику о себе самом: «Вот чудак! / Он в жизни / Буйствовал немало... / Но одолеть не мог никак / Пяти страниц / Из “Капитала”» (Есенин, 1970, т. 2, с. 130). Официальная идеология не стыковалась с его мироощущением, выраженным эмоциональными оценками «гадость» и «скука».

В 1920-е годы Есенин создает и крупные эпические произведения. Это поэмы «Пугачев» (1921), «Страна негодяев» (1922–1923). Пугачев из одноименного произведения и Номах из «Страны негодяев» изображаются с явной симпатией. В последнем случае это было вызывающе двусмысленным. Как известно, прототипом Номаха был Н. Махно, что легко восстанавливается из переделанной фамилии. Оба героя-бунтаря наделялись чертами, близкими самому поэту: стихийным чувством свободы и собственного достоинства. Острое переживание личностного самосознания в единстве с чувством освобождения делало их подлинными выразителями национального мироощущения. Номаху у Есенина противопоставляется Чекистов, который говорит про себя: «Я гражданин из Веймара / И приехал сюда не как еврей, / А как обладающий даром / Укрощать дураков и зверей» (Есенин, 1970, т. 2, с. 243). Считается, что в образе Чекистова был намек на Троцкого-Бронштейна, одного из харизматичных вождей русской революции 1917 года. Чем не претендент на портрет многоликого антихриста? Драматизм восприятия истории влиял на жанровое мышление. «Пугачев» и «Страна негодяев» — это драматические поэмы. В 1950-е годы поэт-визионер и апокалиптик Д. Андреев создаст масштабное драматическое произведение «Железная мистерия» (1950–1956), вступая в метатекстуальный диалог с В. В. Маяковским, автором революционной «Мистерии-буфф» (1918). В жанровом пространстве мистерии действие осуществляется не только по человеческой горизонтали, но и по мистической вертикали миров иных, расположенных как по направлению к небу, так и по направлению к адским безднам (Яковлев, 2021, с. 326).

Следы личной апостасии Есенина присутствуют в различных лирических признаниях. 1923 год — «Мне осталась одна забава...»: «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь» (Есенин, 1970, т. 1, с. 170). 1924 год — «Письмо матери»: «И молиться не учи меня. Не надо! / К старому

возврата больше нет» (Есенин, 1970, т. 1, с. 165). Правда, в лирике намечен и путь покаянного возвращения к истокам: «Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать» (Есенин, 1970, т. 1, с. 170). Возвращение домой понимается в рамках сюжета евангельской притчи о блудном сыне, но, в отличие от рассказа Иисуса (Лк. 15: 11–32), у Есенина образ любящего отца как символа Отца Небесного заменяется образом матери: «Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет» (Есенин, 1970, т. 1, с. 165). Символическое значение в стихотворении имеет и образ цветущего сада, вызывающего аллюзию на райский сад. А словосочетание «несказанный свет» отсылает к символике духовного света: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1: 5), отсюда, в частности, название известного богословского сочинения С. Н. Булгакова «Свет невечерний: Созерцания и умозрения» (1916). Образ матери связывает мир лирического героя Есенина и с устойчивым образом Родины в стихотворении «Русь бесприютная» (1924): «Россия-мать! / Прости меня, / Прости!» (Есенин, 1970, т. 2, с. 93), и с изначальным образом-видением Небесной Матери в стихотворении «Не стану никакую я девушку ласкать...» (1918): «И в час, как полночь било, / В веселый ночи мрак / Она как тень сходила...» (Есенин, 1970, т. 1, с. 311).

Кульминацией внутреннего раздвоения лирического самосознания Есенина стала поэма «Черный человек», датированная 14 ноября 1925 года. Образный мир поэмы построен на использовании галлюцинации как явления темного мистического двойника, автобиографического демона, предвестника беды. Для Клюева гибель Есенина была закономерным результатом его отступничества. В поэме «Плач о Сергее Есенине» (1926) автор без ложной романтизации демонического персонажа, испытывая чувство отвращения от его нечистоты, обращается к «чертушке»: «Помяни, чертушко, Есенина / Кутьей из углей да из омылок банных!» (Клюев, 1999, с. 653).

В художественной исповеди Есенина видение черного человека и его обличительные слова также прерываются экспрессивным жестом: «Я взбешен, разъярен, / И летит моя трость / Прямо к морде его, / В переносицу...» (Есенин, 1970, т. 2, с. 291). Поэма воспринимается как лирический реквием, но также и как покаянный самоприговор и самоосуждение. Вспомним начало проповеди Христа: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф. 4: 17).

Дьявольская апостасия преодолевается верой в Спасителя, обещавшего быть с человеком и человечеством до конца времен: «...Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28: 20). Евангельская вера предполагает не только веру в Бога, но и веру в человека. Метафизическому смещению и распаду души и мироздания противопоставляется апокалиптический оптимизм, трагический оптимизм веры в небесного Отца и в Христа Спасителя: «Его же царствию не будет конца» (Православный молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 9).

Заключение

Таким образом, для апокалиптической мифопоэтики Есенина, так же как и для художественного мира А. Блока, А. Белого, Н. Клюева, М. Волошина, В. Сумбатова, Д. Андреева, М. Булгакова, И. Бунина, И. Шмелева и ряда других эсхатологически ориентированных писателей XX века, характерно устойчивое эсхатологическое чувство гибели России, гибельных путей человечества. Деспотическое государство оценивается как власть князя мира сего, дьявола и Антихриста. В богословском смысле марксизм, атеизм, языческий культ государства и вождя-императора понимаются как источник гибели и реализация искушений дьявола, которого отвергает в начале земного служения Богочеловек Иисус Христос. Лирическое формирование апокалиптического, софийного образа Родины и последующая утрата духовных ориентиров, запечатленная в поэзии Есенина, становится художественным документом и апокалиптическим диагнозом эпохи.

Список источников

1. Воронова, О. Е. (2025). Типология композиционных моделей в поздней лирике С. А. Есенина. *Русский язык за рубежом*, (4), 4–11.
2. Самоделова, Е. И. (2025). Истоки образа Лады в творчестве Сергея Есенина. *Русский язык за рубежом*, (4), 12–21.
3. Пяткин, С. Н. (2025). Тема памятника в поэзии С. А. Есенина. *Русский язык за рубежом*, (4), 22–29.
4. Шубникова-Гусева, Н. И. (2025). Сергей Есенин вчера, сегодня, завтра. Есенинская группа ИМЛИ РАН. *Русский язык за рубежом*, (4), 30–39.
5. Савченко, Т. К. (2025). Изучение лирики С. А. Есенина в иностранной аудитории: «Письмо матери». *Русский язык за рубежом*, (4), 40–47.
6. Малыгина, Н. М. (2025). Сергей Есенин в журнале «Красная новь». *Русский язык за рубежом*, (4), 64–74.
7. Яковлев, М. В. (2021). *Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века*. Монография. ГГТУ.
8. Есенин, С. А. (1970). *Собрание сочинений*: в 3 т. Правда.
9. Блок, А. А. (1982). *Собрание сочинений*: в 6 т. Художественная литература.
10. Соловьев, В. С. (1994). *Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе*. Художественная литература.
11. Федотов, Г. П. (1991). *Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)*. Прогресс. Гнозис. (Репринт. Впервые опубликовано в 1935 г.).
12. *Древнерусская литература*. (1996). Книга для чтения. Школа-Пресс.
13. *Православный молитвослов и Псалтирь*. (1995). Свято-Данилов монастырь: Данилов. благовестник.
14. Библия. (1990). *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами*. Издательство Московской Патриархии.
15. Розанов, И. Н. (1990). *Из воспоминаний*. https://www.booksite.ru/klyuev/3_88.html
16. Белый, А. (1994). *Символизм как миропонимание*. Республика.

17. Соловьев, В. С. (1991). *Философия искусства и литературная критика*. Искусство.
18. Достоевский, Ф. М. (2004). *Дневник писателя*: в 2 кн. АСТ.
19. Маяковский, В. В. (1978). *Собрание сочинений*: в 12 т. Правда.
20. Ключев, Н. А. (1999). *Сердце Единорога*. Стихотворения и поэмы. РХГИ.

References

1. Voronova, O. E. Typology of compositional models in the late lyrics of S. A. Esenin. *Russkij yazyk za rubezhom*, (4), 4–11. (In Russ.).
2. Samodelova, E. I. Origins of the image of Lada in the work of Sergei Esenin. *Russkij yazyk za rubezhom*, (4), 12–21. (In Russ.).
3. Pyatkin, S. N. Tema pamyatnika v poezii S. A. Esenin. *Russkij yazyk za rubezhom*, (4), 22–29. (In Russ.).
4. Shubnikova-Guseva, N. I. Sergey Esenin yesterday, today, tomorrow. Yesenin Group of IWL RAS. *Russkij yazyk za rubezhom*, (4), 30–39. (In Russ.).
5. Savchenko, T. K. Study of S. A. Esenin's Lyrics in a Foreign Audience: «Letter to Mother». *Russkij yazyk za rubezhom*, (4), 40–47. (In Russ.).
6. Malygina, N. M. Sergey Esenin in the journal «Krasnaya nov». *Russkii yazyk za rubezhom*, (4), 64–74. (In Russ.).
7. Yakovlev, M. V. (2021). *Apocalyptic trend in Russian poetry of the first half of the twentieth century*. Monograph. GSTU. (In Russ.).
8. Esenin, S. A. (1970). *Collected works*: in 3 vols. Pravda. (In Russ.).
9. Blok, A. A. (1982). *Collected works*: in 6 vols. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
10. Solovyov, V. S. (1994). *Readings on God-manhood; Articles; Poems and a poem; From «Three Conversations»: A short story about the Antichrist*. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
11. Fedotov, G. P. (1991). *Spiritual Poems (Russian Folk Faith on Spiritual Poems)*. Progress. Gnozis. (In Russ.). (Reprint. First published in 1935).
12. *Old Russian Literature*. (1996). A book for reading. Shkola-Press. (In Russ.).
13. *Orthodox prayer book and Psalter*. (1995). Svyato-Danilov monasty'r': Danilov. blagovestnik. (In Russ.).
14. The Bible. (1990). *Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. With parallel places*. Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarxii. (In Russ.).
15. Rozanov, I. N. (1990). *From memoirs*. https://www.booksite.ru/klyuev/3_88.html. (In Russ.).
16. Bely, A. (1994). *Symbolism as a worldview*. Respublika. (In Russ.).
17. Solovyov, V. S. (1991). *Philosophy of art and literary criticism*. Iskustvo. (In Russ.).
18. Dostoevsky, F. M. (2004). *Writer's Diary*: in 2 books. AST. (In Russ.).
19. Mayakovsky, V. V. (1978). *Collected works*: in 12 vols. Pravda. (In Russ.).
20. Klyuev, N. A. (1999). *The heart of the unicorn. Poems and Poems*. RXGI. (In Russ.).

Информация об авторе

Михаил Владимирович Яковлев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Information about the author

Mikhail V. Yakovlev — Dr. Sc. (Philology), Docent, Professor at Department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology; Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the State University of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1ГаршинВ.М.062

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-28-47

КРИТЕРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В. М. ГАРШИНА

Головко Вячеслав МихайловичСеверо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия,vmgolovko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

Аннотация. В статье на основе данных метапоэтического текста В. М. Гаршина рассматривается интерпретация писателем критериев и признаков художественности, характеризующих качество эстетически совершенного произведения искусства. Данные частной метапоэтики русского классика исследуются в литературоведческом аспекте: для анализа привлекается текст второго порядка, в котором воплощена эстетическая рефлексия писателя о природе классической образцовости произведений художественного творчества. Материал интерпретации собственного творчества и произведений других создателей эстетических ценностей закономерно дополняется текстами, относящимися к рядом протекающей литературной деятельности писателя, прежде всего воспоминаниями современников, которые транслируют мысли, идеи В. М. Гаршина о феномене художественности, его формулировке, язык, суждения о том, каким эстетическим требованиям должны отвечать высокие создания искусства. В процессе анализа установлено, что феномен художественности рассматривается Гаршиным в двух аспектах: с точки зрения критериев художественности и со стороны эстетических форм их творческой объективации. Рассматривая художественность как высокую степень мастерства в воплощении «красоты, простоты и правдивости», Гаршин актуализировал в качестве основных параметров художественности наличие оригинальной мысли, авторской философии; воплощение в искусстве «высшей правды» жизни; диалектику «богатства содержания» и «поэтической умелости», «искусной техники»; целостность художественного произведения; индивидуальность творческой манеры писателя (Современники..., 1977, с. 192, 180; Гаршин, 1955, с. 331, 336; Жураковский, 1903). Материал самоинтерпретации собственного творчества Гаршина показывает, что критерий «высшей правды» достигается в системе воссоздания писателем художественной действительности как условной реальности: ее образ создается на прототипической основе, она является результатом «проживания» автором жизни его героев и такого уровня творческого обобщения, когда изображаемое становится «правдивее» самой эмпирической жизни. Изучение метапоэтического текста Гаршина, его понимания и трактовки «законов искусства» позволяет устанавливать корреляции между философско-эстетическим идеалом эпохи и творческими интенциями писателя, обогащает классическую эстетику, способствует совершенствованию методологии и методики изучения в области исторической и теоретической поэтики.

Ключевые слова: В. М. Гаршин, метапоэтический текст, художественность, «высокие создания искусства», критерии и признаки художественности, художественная правда, целостность произведения.

Для цитирования: Головкин, В. М. (2026). Критерии художественности в эстетической рефлексии В. М. Гаршина. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 28–47. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-28-47>

Original article

UDC 821.161.1ГаршинВ.М.062

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-28-47

CRITERIA OF ARTISTRY IN THE AESTHETIC REFLECTION OF V. M. GARSHIN

Viacheslav M. Golovko

North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia,

vmgolovko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

Abstract. This article, drawing on data from V. M. Garshin's metapoetic text, examines the writer's interpretation of the criteria and attributes of artistry that characterize the quality of an aesthetically perfect work of art. This Russian classic's metapoetics is examined from a literary perspective: the analysis utilizes a «second-order» text embodying the writer's aesthetic reflection on the nature of classical exemplary works of art. The self-interpretation of his own work and the works of other creators of aesthetic values is naturally supplemented by texts relating to the writer's ongoing literary career, primarily the memoirs of his contemporaries, which convey V. M. Garshin's thoughts, ideas, formulations, and language on the phenomenon of artistry and the aesthetic requirements that «high works of art» must meet. The analysis revealed that Garshin examines the phenomenon of artistry in two aspects: from the perspective of artistic criteria and from the perspective of the aesthetic forms of their creative objectification. Viewing artistry as a high degree of mastery in the embodiment of «beauty, simplicity, and truth», Garshin emphasized the following as key parameters of artistry: the presence of an original «thought» and an authorial philosophy; the embodiment of life's «highest truth» in art; the dialectic of «richness of content» and «poetic skill», «skillful technique»; the integrity of the work of art; and the individuality of the writer's creative style (Contemporaries..., 1977, c. 192, 180; Garshin, 1955, c. 331, 336; Zhurakovsky, 1903). Garshin's self-interpretation of his work demonstrates that the criterion of «highest truth» is achieved through the writer's recreation of artistic reality as a conventional reality: its image is created on a prototypical basis, resulting from the author's «living» of his characters' lives and a level of creative generalization that makes the depicted «truthier» than empirical life itself. Studying Garshin's metapoetic text, his understanding and interpretation of the «laws of art», allows us to establish correlations between the philosophical and aesthetic ideal of the era

and the writer's creative intentions, enriches classical aesthetics, and contributes to the improvement of methodology and methods of study in the field of historical and theoretical poetics.

Keywords: V. M. Garshin, metapoetic text, artistry, «high works of art»; criteria and attributes of artistry, artistic truth, integrity of the work.

For citation: Golovko, V. M. (2026). Criteria of artistry in the aesthetic reflection of V. M. Garshin. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 28–47. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-28-47>

Введение

Вопросы эстетического и художественного оставались в центре внимания классика русской литературы В. М. Гаршина (1855–1888) на протяжении всей его недолгой литературной деятельности. По свидетельству современников, немного встречалось людей, кто бы «так интересовался искусством, так пылко любил и так глубоко понимал его», как этот писатель (Мальшев, 1977, с. 252). Творческая судьба Гаршина, предпочитавшего формы и жанры малой прозы, примечательна тем, что уже первый опубликованный в «Отечественных записках» рассказ «Четыре дня» получил единодушное признание собратьев по перу, читателей и критиков. И. С. Тургенев, находя в сочинениях Гаршина «все признаки настоящего, крупного», «оригинального таланта», писал П. В. Анненкову в августе 1882 года: на Гаршина «из нынешних — больше всего можно возлагать надежды» (Тургенев, 1968, кн. 2, с. 27, 50, 5). Буквально вторил ему Л. Н. Толстой, отмечавший, что «Гаршин — одно из самых симпатичных явлений в русской литературе за последние двадцать лет» (Современники..., 1977, с. 160). Более того, он считал автора «Красного цветка» «самым выдающимся писателем нового поколения» (Современники..., 1977, с. 160).

В. М. Гаршин очень тщательно, трудно работал над текстами своих произведений (Современники..., 1977, с. 174), реализуя в творческом процессе те представления об искусстве, которые формировались у него буквально с ранних лет обучения в классической гимназии. Хотя он учился в Горном институте и изучал дисциплины, не имевшие отношения к эстетике, тем не менее формулировал критерии художественности в своих текстах самого разного типа, начиная уже со студенческих лет. Собственный творческий процесс писателя был результатом его глубоких познаний и раздумий об искусстве, «идеалах правды, добра и красоты» (Современники..., 1977, с. 153), о прекрасном, о предназначении творца художественных ценностей.

Цель исследования. Как отмечал один из ближайших друзей В. М. Гаршина — известный зоолог и энтомолог В. А. Фаусек, при всем разнообразии художественных впечатлений «главным и коренным умственным интересом была... для него, конечно, художественная литература; беседы о литературе были преобладающей, почти исключительной темой в доме Гаршиных» (Современники...

1977, с. 54). Писатель «не принадлежал ни к какой партии в искусстве» (Малышев, 1977, с. 253; Современники..., 1977, с. 197), но среди всех эстетических манифестов отдавал предпочтение реализму — в живописи, музыке, литературе. При этом, когда он утверждал, что «романтиков песенка спета, и все спасение — в реализме» (Современники..., 1977, с. 183), то имел в виду не столько какое-либо «направленство» (термин Н. С. Лескова) в искусстве, сколько объективность в изображении, т. е. преодоление авторской личной пристрастности. Х., неатрибутированный автор статьи, написанной на основе впечатлений о Гаршине-художнике и опубликованной в 1890 году в журнале «Пантеон литературы», приводит такие его слова: «Бог с ним, с этим реализмом, натурализмом, протоколизмом и проч. Это теперь в расцвете, или, вернее, в зрелости, а плод внутри уже начинает гнить» (Х., 1890, URL). При этом автор статьи обращал внимание не только на то, что любое художественное явление воспринималось писателем с позиций историзма, но и на его нежелание «идти в хвосте» любой «школы» (Х., 1890, URL). Изучение того, как в реалистической парадигме интерпретируется феномен художественности Гаршиным, мыслителем и художником, позволяет рассматривать корреляции между философско-эстетическим идеалом эпохи и творческими позициями писателя.

Как можно судить по данным метапоэтического текста В. М. Гаршина, им были отрефлексированы важнейшие дефиниции, рассмотрены критерии и признаки художественности как сущностные проявления классической образцовости произведений искусства, прежде всего литературно-художественных. Их рассмотрение и описание важно не только само по себе, но и для современных теоретико-литературных трактовок феномена художественности. Изучение метапоэтического текста В. М. Гаршина показывает, что феномен художественности им рассматривался в двух аспектах: с одной стороны, устанавливались его критерии, а с другой — определялись эстетические формы объективации (например, формы выражения авторской субъективности и «художнического темперамента» писателя, способы типизации, поэтичность как оппозиция тенденциозности, специфика воссоздания вымышленной, художественной действительности, средства воплощения в мыслеобразах самобытного мирозерцания писателя, жанровая поэтика и т. д.). Остановимся на первом аспекте интерпретации художественности в литературном наследии В. М. Гаршина. Какие же основные ее критерии, выделяемые в общей системе метапоэтического текста этого писателя, стали предметом его эстетического анализа?

Методология

Сведения и познания писателя в «вопросах искусства», в «вопросах искусства были очень обширны» (Малышев, 1977, с. 252). Суждения, высказывания, оценки в этой области содержатся в эксплицированном метапоэтическом тексте

Гаршина, т. е. в «тексте художника о тексте и творчестве» (Штайн, 2007; Штайн, Петренко, 2006, с. 18). По справедливому утверждению К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, «статьи, эссе, замечания о творчестве, <...> трактаты, исследования, которые художник пишет о собственном творчестве и творчестве других поэтов, — это и есть собственно метапоэтический текст, так как он содержит развернутые данные о тексте-творчестве» (Штайн, Петренко, 2006, с. 20). Метапоэтические данные могут находиться и в художественных произведениях. В литературном наследии В. М. Гаршина нет специальных философско-эстетических работ о специфике художественного творчества, но в эпистолярии, публицистике, в критических статьях, а также в собственных сочинениях фиксируется его рефлексия критериев подлинного искусства. Этот материал метапоэтического текста писателя важно анализировать в аспекте освещения содержащихся в нем «ключевых научных и художественных идей своего времени», рассматривать с точки зрения «близости метапоэтики к искусству» и одновременной связи с наукой как «способом отталкивания от него» (Штайн, Петренко, 2006, с. 31, 25).

В творческие планы Гаршина входила подготовка «ряда статей, где ему хотелось провести те взгляды на искусство, какие он считал справедливыми», но поскольку «не удалось осуществить» это «намерение» (Современники..., 1977, с. 154) и им было «не много напечатано... по вопросам художества», то материал по метапоэтическому тексту писателя может быть расширен за счет воспоминаний его современников, тех, «кто слышал его живое, горячее слово» в защиту критериев подлинной художественности произведений искусства (Малышев, 1977, с. 252).

Рассмотрение в аксиологической парадигме исследователями разных гуманитарных направлений вопросов художественности дает представление об эстетическом идеале и теоретической глубине суждений о прекрасном многих писателей и мыслителей историко-литературных эпох классического реализма и модернизма (Давыденко, Чередникова, 2023). Работы литературоведов о художественности на материале творчества и эстетических концепций разных писателей (см.: Веселовский, 1989; Виноградов, 1990; Пospelов, 1965; Аверинцев, 2006, с. 386–394; Тюпа, 2001, 2008; и др.) формируют и систематизируют знания в области теории и истории искусства. Но интерпретации проблем художественного творчества В. М. Гаршина, его суждения о критериях и признаках эстетически совершенных произведений литературы и искусства до сих пор не были предметом специального изучения. В то же время такой анализ позволяет не только конкретизировать представление об эстетических взглядах одного из высокоталантливых русских писателей, но и существенно обогащать данные поэтики как науки, что в наши дни особенно важно и необходимо: по словам И. Б. Роднянской, сегодня понятия «художественный образ», «художественность» «выходят из употребления вместе с классической эстетикой», что не может не тревожить «профессиональную общественность» (Роднянская, 2006, с. 8).

Результаты исследования

Каждое подлинно художественное произведение как творение человеческого духа воплощает в себе идеал красоты. Феномен художественного означал в эстетике Гаршина «высокое создание искусства» (Гаршин, 1934, с. 353), исключительное и совершенное. «Художественно» значит «бесподобно» (Гаршин, 1934, с. 81), «художественность» — это то, что представляет собою высокую степень мастерства в воплощении «красоты, простоты и правдивости» (Современники..., 1977, с. 192). Произведение, по убеждению писателя, могло быть признано художественным при одном «непременном условии»: в нем «красота в высшем смысле слова» должна проявляться как в своем внутреннем содержании, так и во внешнем выражении (Малышев, 1977, с. 253). Такое произведение должно отвечать нескольким основополагающим критериям художественности.

Оригинальность и новизна художественной мысли

По глубокому убеждению В. М. Гаршина, в творчестве постигающего, познающего мир художника воплощается его интеллектуальный потенциал, способность мыслить обновляюще, нестандартно, индивидуально. Говоря о себе, писатель подчеркивал, что «хотел, мог, умел писать» только тогда, когда у него были «мысли в голове», он не представлял себе возможность публикации произведения, в котором не ощущаются «задушевные чувства и мысли» автора (Гаршин, 1934, с. 252; Современники..., 1977, с. 91, 101). Современники Гаршина отмечали, что в творчестве он добивался воплощения одного из важнейших критериев художественности — наличия «мысли», что он как писатель «мыслил серьезно, умно и здраво» (Современники..., 1977, с. 115). Его собственные произведения, «малые по объему, но многозначительные по смыслу и отчеканенные по форме», являли собою «нечто совершенно готовое... продуманное и взвешенное в горниле глубоко чувствующей и страдающей мысли» (Современники..., 1977, с. 33, 133). Гаршин не раз высказывался о том, что мысль писателя — это не плод рационального мышления, это чувство, мыслеобраз, в котором запечатлевается художественная философия автора. Мысль писателя, опредмеченная в образах, принципиально противостоит декларациям как отвлеченной, словесно формулируемой идее. Современники, беседовавшие с писателем об искусстве, отмечали, что, по его мнению, художественную «мысль» надо «чувствовать», что у самого Гаршина «мысль» выражалась «чувством», что «мысль его — можно было только “чувствовать”» (Современники..., 1977, с. 134, 208).

Показательно, что в тех случаях, когда рецензенты произведений Гаршина не чувствовали и, вопреки настоящему положению дел, указывали на отсутствие

в них мысли, писатель тем не менее отказывался от их публикации вообще. Так случилось, например, со сказкой «То, чего не было». В ее аллегории критик-рецензент, ценивший в литературном сочинении, прежде всего, социальную проблематику, не обнаружил глубоких авторских раздумий, отчетливой выраженности основной идеи, что и вызвало непоколебимое решение Гаршина вернуть себе назад рукопись из редакции журнала (Современники..., 1977, с. 91). Но показательно и то, что в письме к брату Е. М. Гаршину 24 февраля 1882 г. он убедительно говорил о недопустимости произвольной социологизации мысли и художественных образов в соответствии с направлением того или иного критика: «Мне и в голову не приходило, что эта сказка может сказать что-нибудь об конституциях, дворниках, урядниках, социалистах, мужиках, т. е. вообще о предметах нынешних разговоров», что «можно... подразумевать под действ<ующими>, лицами “правительство”, “народ” и прочие вещи...» (Гаршин, 1934, с. 247). Мыслеобразы писателя, по логике аргументаций Гаршина, могут быть полноценно восприняты и объективно истолкованы лишь в процессе постижения их художественного смысла.

В работе «Вымысел и слог» Ж. Женетт, строго противопоставляя реальную и художественную действительность, писал: «Вымышленный текст не выводит к какой бы то ни было внетекстуальной реальности, и все, что он из реальности заимствует... превращается в элемент вымысла...» (Женетт, 1998, с. 364). Но для Гаршина такой текст не только не транзитивен: как объективированный мир, как новая реальность, он дает представление о жизни в универсальном значении. Здесь фиксируется та идея, которая современными исследователями онтологизма художественности рассматривается при анализе специфического «способа бытия» «другого мира», воссозданного в литературном произведении (Тюпа, 2001, с. 12–14). Это и актуализировало в метапоэтическом тексте Гаршина проблему роли воплощенной в произведении мысли автора-творца как постулата, реального, неоспоримого условия художественности. «Мирозерцание» творца объективируется в эмоционально-образном переживании. Поднимая вопрос о мирозерцании художника в связи с проблемой наличия мысли в произведениях искусства как критерия художественности, писатель предвосхищал исследовательские теории будущего, например концепции теоретика литературы XX века Г. Н. Пospelова (Пospelов, 1983, с. 144–156; Андреев, Лебедев, 2018, с. 55), рассматривавшего роль субъективного фактора в творческом процессе в качестве важнейшей предпосылки созидания художественности. Гаршин актуализировал идею новизны и оригинальности мысли в художественном произведении и ценности ее чувствования с позиций понимания того, что, поскольку у писателя преобладает образное мышление, то его мирозерцание заключено, прежде всего, в созданных им художественных текстах.

И важно то, — подчеркивал писатель, — чтобы «всякий честный голос... говорил *свое*, пусть не соглашался с другими, но пусть говорил: пусть честные

говорят что бы то ни было» (Гаршин, 1934, с. 209). «Свое» — это не голос направления, это выражение оригинальности, творческой индивидуальности писателя, это неперемное условие создания высоких творений искусства. Направление, в противовес миросозерцанию, — это, как писал Гаршин Ю. Н. Говорухе-Отроку 23 февраля 1880 г., «какой-то бронзовый палладиум или просто вывеска...» (Гаршин, 1934, с. 209). Поддерживая идею законности воплощения миросозерцания в творчестве, писатель говорил о том, что оно «не должно быть вывеской, под которую подгоняются статьи; напротив, оно вырабатывается в процессе воплощения мысли, создающей основу для подлинной художественности произведения (Гаршин, 1934, с. 209). Именно мысль и определяет богатство идейного содержания создаваемого образа. Это положение Гаршин конкретизировал, когда, выступая против теорий бессознательного творчества, ссылаясь на авторитет Л. Н. Толстого и говорил о том, какое значение имеет мировоззрение для художественной практики автора-творца: «Лев Толстой однажды сказал мне: “В писателе три главные элемента: искренность, миросозерцание и внешний талант”. Без искренности ничего нельзя сделать, без внешнего таланта также, но лишь миросозерцание устанавливает значение писателя в истории» (Современники..., 1977, с. 172). Гаршин аргументировал это положение, когда, «набрасывая литературные портреты» Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, рассматривал их незаменимую роль в истории и культуре России (Современники..., 1977, с. 172).

«Высшая правда» — основополагающий признак эстетической реальности и критерий художественности

Писатель был убежден в том, что «цель искусства — отражать жизнь, объяснять жить», а «писатель — учитель и должен быть учителем» (Современники..., 1977, с. 173). Но вымышленная художественная действительность — это, как полагал Гаршин, вовсе не аналог самой реальности, в каком бы аспекте она ни воспринималась — как источник образа, как прототипический материал персонажной системы, сюжетных коллизий или метафизический универсум.

Художественная действительность предстает в эстетике Гаршина в трех аспектах. Прежде всего, как имеющая реальные источники (см.: Современники..., 1977, с. 168). В его собственном творчестве это та реальность, которую он «задается мыслью изображать» (Гаршин, 1934, с. 51). Любое произведение писателя, начиная с рассказа «Четыре дня», имеет прототипическую основу, в том числе и «Красный цветок», содержание которого «носит в высокой степени автобиографический характер» (Современники..., 1977, с. 65). В «Очень коротеньком романе» автор-повествователь раскрывает «проницательному читателю» особую

природу художественной реальности: это не «чистая выдумка» с точки зрения как отражения жизни, так и выражения того, что «делается в душе» автора-творца (Гаршин, 1955, с. 403).

Второй аспект — это ситуации проживания писателем жизни его героев. Как отметил литературный критик Е. Д. Жураковский, «Гаршин любил сливаться с жизнью рисуемых им персонажей» (Жураковский, 1903, URL). Подтверждает это очеркист и журналист И. А. Павловский, имевший возможность наблюдать за творческим процессом Гаршина-писателя: «...Когда Гаршин писал новую вещь, он переживал ее точно болезнь, — до такой степени автор сливался в нем с человеком» (Современники..., 1977, с. 190). Писателю предстояло и важно было не только проживать жизнь изображаемых героев, но и смотреть на реальность их глазами. Так, работая над «Записками рядового Иванова», Гаршин «хотел, по его словам, представить военный поход с точки зрения солдатской шкуры» (Современники..., 1977, с. 193). Для продолжения цикла произведений «Люди и война» ему была совершенно необходима поездка «в Бердичевский уезд на старые квартиры (зима [18]76–[18]77 г.)» полка, в котором он служил. «А без этого писать невозможно...», — заметил он в письме А. Я. Герду в марте – апреле 1880 года (Гаршин, 1934, с. 213). О том же он говорил и А. И. Эртелю в апреле 1880 года: «После выхода мартовской кн<иги> <“Русского богатства”> через 2 недели вышлю продолжение “Людей и войны”, в том случае, если мне удастся после Х<арькова> съездить в Кишинев, без чего писать невозможно» (Гаршин, 1934, с. 213). Все «приходящие в голову исключительные сюжеты» (Гаршин, 1934, с. 308) — это результат проживания писателем той реальности, в которой находятся его герои. Чтобы закончить «повестушку» (Гаршин, 1934, с. 338) «Надежда Николаевна», Гаршин должен был окунуться в жизнь «плачущей души», т. е. «перечувствовать ее» своей душой: без этого он «не мог написать главной страницы» (Современники..., 1977, с. 133). Художественная реальность, таким образом, «не сочинялась» им; описывая страдания героев, он погружался в эти картины, виртуально «присутствовал при страданиях, которые считал реальными» (Современники, 1977, с. 190). У поэта Н. Минского <Н. М. Виленина>, поддерживавшего с Гаршиным тесные творческие отношения, были все основания говорить о том, что «жизнь такого писателя кажется одною из созданных им поэм, и каждая из его поэм кажется повторением его жизни» (Современники..., 1977, с. 179). Правдивое изображение жизни обеспечивалось особым авторским ее переживанием, результатом которого и становился образ художественной действительности в произведениях В. М. Гаршина самых разных жанров. В аллегории «Красного цветка», например, он ценил то, что ему удалось выразить «правду» — мысль о том, что необходимо «плодотворно любить людей и бороться за их счастье» (Современники..., 1977, с. 159, 183).

Суть третьего аспекта высокой художественности воссоздаваемой писателем реальности как правды жизни в рецепции и истолковании Гаршина —

особый уровень типизации, когда изображенная писателем жизнь оказывается правдивее самой действительности. Примечательно, что он ставил высоко творчество такого писателя, коему было доступно искусство художественного обобщения, чьи произведения принципиально отличались от поверхностного быто- и нравоописания. В сочинениях Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина Гаршина восхищали, например, типы «распоясовцев», неплательщиков, крестьян, находящихся под властью земли, Иудушки и пр.: при их изображении обобщение доходило до уровня символов (Гаршин, 1934, с. 125, 249). В статье «Конкурс на постоянной выставке художественных произведений» Гаршин упрекал художника А. Д. Кившенко за то, что его полотна являются не картинами, а, скорее, «пособиями при изучении этнографии России»: это не картины «с богатым содержанием», а нечто «снятое хорошим фотографом» (Гаршин, 1955, с. 336). «Богатое содержание» появляется только в тех произведениях, в которых художник обобщает наблюдения над жизнью. Как отмечал публицист-народник Л. Ф. Пантелеев, вспоминая творческие диалоги с Гаршиным, писатель был «необыкновенно чутким к восприятию художественной правды» (Современники..., 1977, с. 206). Н. Минский буквально вторил ему, говоря о том, что «сердце» Гаршина «жаждало... высшей правды и свободы» (Современники..., 1977, с. 180). С таким эстетическим требованием он подходил к оценке творчества не только собратьев по перу, но и своего собственного. Перерабатывать и переписывать тексты цикла «Люди и война», например, его заставляло ощущение того, что в них вместо анализа имели место «просто типы» (Гаршин, 1934, с. 184, 169), а это еще не обеспечивало высшей правды.

Таким образом, по мнению Гаршина, правдивое изображение действительности и жизни — важнейший критерий художественности, ведь настоящий писатель «вечно стремится к идеалу правды» (Современники..., 1977, с. 153). Высшую правду он находил в творчестве Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Успенского, Достоевского, Короленко, Чехова, Альбова и других его современников, в произведениях зарубежных авторов: Бальзака, Диккенса, Флобера, Андерсена. Феномен художественности Гаршин видел в том, что изображаемая в литературном произведении жизнь оказывалась «более реальной, еще более действительной, чем настоящая жизнь» (Современники..., 1977, с. 69). Это очень ценное высказывание для понимания гаршиновских трактовок художественности донесено до наших дней благодаря воспоминаниям Г. А. Фаусека. «Предметом безусловного поклонения» для писателя были, например, человеческие характеры и образы обстоятельств в романах Толстого, которые воспринимались им как «нечто вполне реальное», а не как вымысел (Современники..., 1977, с. 69). Это свидетельствует о том, что Гаршин рассматривал и трактовал художественную действительность как «вторую реальность», отражающую «высшую правду» жизни, содержащую в себе новые смыслы и «объяснение» изображаемого (Современники..., 1977, с. 180; Гаршин, 1934, с. 295).

Даже в «прелестном... художественном произведении... объяснения жизни» будет «ни на грош», — писал Гаршин В. М. Латкину в июне 1883 года, — если оно с самой жизнью «мало связано» (Гаршин, 1934, с. 295). Закон объективной правды писатель распространял не только на все жанровые формы художественной гносеологии, но и на все другие способы и средства познания человека и мира.

Идейно-художественная целостность произведения

Ресурсы смыслообразования в словесном творчестве в трактовке Гаршина охватывали все стороны произведения как идейно-художественного единства. Эстетическое качество феноменов искусства непосредственно связывалось писателем с органическим выражением взаимообусловленности и взаимосвязи содержания и формы художественного целого. Суждения Гаршина о произведении, о его целостности, с одной стороны, формировались в контексте той эстетической традиции, которую объективно создавало учение о художественности Гегеля, Шеллинга, Белинского, а с другой — предшествовали специальным исследованиям этой проблемы многими выдающимися учеными неклассического и постклассического этапов развития гуманитарной науки (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, Г. Н. Пospelов, П. В. Палиевский, Ю. М. Лотман, Р. Барт, М. М. Гиршман, Б. О. Корман, С. Т. Вайман и др.), а также литературоведов последних десятилетий (В. Е. Хализев, С. И. Кормилов, В. И. Тюпа и др.).

Анализируя целостность произведения как критерий художественности, Гаршин ратовал за гармонию «богатого содержания» и «поэтического чувства», «поэтической умелости» (Гаршин, 1955, с. 331; Жураковский, 1903). «Художник-поэт», по его словам, тем и отличается от фотографа или ремесленника из «фабрики... украшений», что способен создавать «прекрасную вещь», в которой интегрированы «поэтическое чувство», «богатое содержание», «искусная техника», «гармония» смысловой сути и формы произведения (Гаршин, 1955, с. 332–333, 336). Писатель и публицист А. И. Леман вспоминал, что Гаршин, оценивая то или иное литературное произведение, настаивал на том, что для достижения художественности необходима работа над произведением в целом, над всеми его составляющими: «Неужели Вас прельщает некоторое остроумие и бойкость изложения содержания? — обращался он к своему оппоненту, не придающему должного значения целесообразному единству содержания и формы. — Так этого мало, слишком мало» (Современники..., 1977, с. 174). Это критическое высказывание писателя основывалось на понимании того, что все элементы художественного мира в равной мере значимы в своей многосложной функциональности, поскольку они соприродны данному эстетическому целому и друг другу. Еще один современник писателя,

публицист Н. С. Русанов, анализируя свои диалоги с Гаршиным о художестве, уделил особое внимание тому, как писатель в собственном творчестве добивался гармонического единства содержания и формы, т. е. качества, которое можно фиксировать такими понятиями и определениями М. М. Бахтина, как «художественно-значимая форма», «форма содержания», «активное ценностное отношение автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию» (Бахтин, 1975, с. 56, 59). «...Уж кто, как не Гаршин, — писал Н. С. Русанов, — обращал внимание на изящество форм, кто, как не он, дорожил способом выражения, стало быть, чистым искусством, и кто в то же время, как не он, был более тенденциозен в том смысле, что во всякой его вещице была идея, глубокое чувство к людям, отзвук на их страдания?» (Современники..., 1977, с. 196). Без «художественно-значимой формы» любая, даже самая привлекательная идея лишается силы своего воздействия на читателя. Именно поэтому, по словам прозаика В. И. Бибикова, Гаршина «как художника мог тронуть только настоящий талант, и какими бы добрыми и честными намерениями ни задавался бездарный писатель, никто, как Гаршин, не умел так хорошо заметить ослиных ушей из-под самого красного колпака...» (Современники..., 1977, с. 153). В этом писатель в полной мере разделял эстетические позиции В. Г. Белинского, утверждавшего, что «в сфере искусства... никакое направление», никакие «готовые идеи» «гроша не стоят без таланта», что вне «поэтической... деятельности» эти «идеи и направления останутся общими риторическими местами» (Белинский, 1982, с. 368).

При этом в процессе восприятия произведения искусства как идейно-художественного единства Гаршин особое внимание уделял содержательности нравственно-эстетической позиции автора. По свидетельству одного из современников писателя, «у него на первом плане» всегда «стояла нравственная идея», воплощаемое художником «стремление к чему-то высшему», «духовная жажда идеала» (Х., 1890, URL). Писатель как художник, по мнению Гаршина, проявляется в создании, творении произведения, в котором взаимосвязь содержания и формы, создающая эстетическую целостность, реализуется во всей целесообразности. Это он находил, например, в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: «...Щ<едрин> <...> зарекомендовал себя как художник в “Иудушке”. За этого “Иудушку” я отдам трех Достоевских со всеми потрохами» (Гаршин, 1934, с. 178). Сопоставление Достоевского как крупного писателя со Щедриным показательно с точки зрения того, насколько значимым для Гаршина был критерий целостности художественного произведения, наличия в каждом компоненте (в данном случае — в образе Иудушки) свойств целого. Показателен в этом отношении еще один пример: писатель одобрительно отзывался о повести «День итога» М. Н. Альбова, в которой он отметил «ясность и точность анализа» внутреннего состояния главного героя и целесообразность, адекватность содержательным целям форм и средств психологического раскрытия его характера (Гаршин, 1934, с. 177).

В своих воспоминаниях о брате Е. М. Гаршин поведал о том, как реагировал писатель на его предложение при повторной публикации рассказов «Происшествие» и «Трус» отказаться от редакторской правки М. Е. Салтыкова-Щедрина и вернуться к первоначальной версии этих текстов: «Он сказал мне: “Нет, не надо, М<ихаил> Е<вграфович> был прав. Художественная цельность выиграла от этих пропусков”...» (Современники..., 1977 с. 34–35). Писатель чувствовал, что логика литературного материала, запечатлевающаяся в содержательности внутренних связей произведения, в последовательности текста, только выигрывала от сокращений редактора «Отечественных записок», и этой логикой определялась художественная цельность произведений.

С позиций данного эстетического закона-критерия он объяснял, например, причину принципиально иного завершения в «Сказании о гордом Аггее», по сравнению с древнерусской легендой из Пролога, являющейся источником этого произведения. В легенде Аггей наказывается за гордость и после трех лет нищенского существования возвращается на престол, уже став «добрым царем»; в «пересказе» Гаршина Аггей отказывается от престола, потому что «прилепился душою к нищим и убогим» (Гаршин, 1955, с. 297). Сам писатель объяснял изменение концовки в данном сюжете не субъективными причинами, не личными пристрастиями, не головным решением, а именно той высшей логикой формирования содержания, которая в максимальной степени воплощала и выражала суть идейного замысла, обуславливала идейно-художественную целостность «Сказания о гордом Аггее». «Я не знаю, как у меня сложился другой конец, — говорил он историку литературы Ф. Д. Батюшкову. — Это делается бессознательно. Сюжет мне запал в голову, я пережил его и не мог закончить иначе. Просто, мне кажется, что это выше» (Современники..., 1977, с. 166). Законы художественности в воплощении идейного замысла оказались «выше» жанровой традиции древнерусской повести-притчи и даже «самой сути народного представления о справедливости» по отношению к раскаявшемуся грешнику [Ромодановская, 1997, с. 39], потому что, по верному утверждению Ф. Д. Батюшкова, идея самоотвержения и самоотречения, воплощенная в этом произведении, безраздельно владела писателем в пору работы над «Сказанием о гордом Аггее», и ему «этот мотив — отказ от личности, чтобы служить другим», был «внушен не умом, а сердцем» (Современники..., 1977, с. 166).

Художественная целостность как внутритекстовая взаимозависимость и соприродность всех компонентов произведения рассматривалась Гаршиным как сверхзадача в творческой работе писателя. Он, «прежде, чем взяться за перо... вынашивал каждое из своих произведений, пока оно не выросло в его сознании до мельчайших деталей, во всей пропорциональности своих частей, образуя одно стройное целое» (Современники..., 1977 с. 35). Когда писатель делился сведениями о своей литературной работе, то, по сути, говорил о том, что внутренняя гармония текста, его цельность достигается во имя необходимого, должного художественного впечатления: «...Самая огромная работа

у меня — удалить то, что не нужно. И я проделываю это над каждой своей вещью по несколько раз, пока наконец покажется она мне без ненужного балласта, мешающего художественному впечатлению...» (Современники..., 1977, с. 123).

Детерминированная идейным замыслом организация всех средств изображения, направленная на создание художественной целостности, — это тот универсальный закон, выполнение которого обеспечивает эстетическое качество произведений искусства, — и не только литературного. В статье «Конкурс на постоянной выставке художественных произведений» критерий художественной целостности использовался Гаршиным для анализа-критики картины «некоего г. N.», который «изобразил известную сцену из “Бориса Годунова” Пушкина» («Пимен дописывает свое “одно последнее сказанье”»), но «испортил... прекрасный сюжет». Он не достиг в цветовой гамме органической корреляции общего, целого образа и его частей: «Все вышло желтое-прежелтое, а вовсе не освещенное лампадою. В углу видно окно; через него глядит кусочек синего ночного неба, который сильно не гармонирует с общим желтым колоритом картины» (Гаршин, 1955, с. 336–337).

Для создания текста с неаддитивной цельностью, т. е. художественной цельности, в равной мере важны все компоненты произведения, вплоть до деталей и образных средств языка. Все эти элементы целого значимы с точки зрения их содержательной функциональности. Если этого нет, то речь может идти лишь об оскудении таланта. Эту мысль в письмах своим корреспондентам 9 и 10 декабря 1881 года Гаршин иллюстрировал примерами, обращаясь к только что опубликованной в «Новом Обзрении» (1881, кн. 1) повести И. И. Ясинского (М. Белинского) «Тайна Оленьки». Так, в художественных деталях, использованных этим автором, Гаршин не увидел их мотивированности идейным замыслом, проявления в них какой-либо сюжетной, характерологической, психологической, обобщающей и т. д. функции, их глубинной связи с целым: «...Что за извращение языка (о прочем не говорю). “В красной мякоти губ сверкнула жемчужная черточка”. “На талии одиноко блестела пуговица”. Оскудела русская земля, что ли? Или это уж наше поколение? такое бездарное. <...> Это М. Белинский живописует. И еще не без таланта человек!» (Гаршин, 1934, с. 230, 231). Не вызывала у него одобрения и «вычурная форма стихов Случевского» (Современники..., 1977, с. 143). «Сжатость и силу изложения, проникнутого вместе с тем изяществом формы, безупречной со стороны слога и образов», Гаршин «считал неизбежно обязательными для истинного беллетриста» (Современники..., 1977, с. 35). Он уделял особое внимание художественным средствам языка; более того, настаивал на том, что критерий связи слова и образа должен быть определяющим при работе писателя над слогом. По сути, в этом писатель предвосхищал теорию внутренней формы А. А. Потебни, поскольку акцентировал внимание на том, что связь образа с понятием заложена в свойствах и формах языка.

Индивидуальность творческой манеры

Феномен искусства, поэзии, отвечающий требованиям художественности, по глубокому убеждению Гаршина, непременно является оригинальным созданием, воплощающим черты творческой индивидуальности творца. В статье «Заметки о художественных выставках» он писал о том, что картины настоящих мастеров «необыкновенно резко отличаются своею художественною индивидуальностью» (Гаршин, 1955, с. 352).

Оригинальность проявляется в творческой позиции любого художника, в том числе и писателя: этим он привлекателен для читателя. В письме Гаршина матери Е. С. Гаршиной 17 февраля 1879 года совершенно закономерно появился упрек критику В. П. Буренину, который в повести Альбова «День итога» усмотрел «Достоевского, разыгранного как “фрейшиц, перстами робких учениц”», т. е. не увидел и не оценил оригинальности и творческой самостоятельности молодого писателя (Гаршин, 1934, с. 177). Но именно это было поставлено Гаршиным в заслугу автора повести «День итога». С таких же позиций им высоко оценивалась повесть-сюита А. П. Чехова «Степь» (Современники..., 1977, с. 123).

В письме ближайшему другу В. М. Латкину 22 июня 1883 года Гаршин довольно сдержанно отзывался о романах «Отверженные» В. Гюго и «Жизнь» Ги де Мопассана — именно по причине их недостаточной самобытности: «“Мизераблей” читаю по-французски; удивительная смесь чувства и надутости, ума и <...> глупости, художества и балагана. Новый роман Гюи-Мопассана начал читать: умно и твердо, но только все-таки видишь Флоберова раба» (Гаршин, 1934, с. 295). Писатель довольно тонко почувствовал «флоберовское» в раннем творчестве Мопассана: в первой половине 1880-х годов молодой автор сборников новелл и первого романа «Жизнь» действительно находился под влиянием этого писателя, что нашло отражение и в написанной им тогда же статье «Гюстав Флобер». При этом в письме тому же адресату 20 февраля 1885 года Гаршин огромный успех картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», впервые демонстрировавшейся на выставке передвижников в Петербурге, объяснил и обосновал своеобразием индивидуальной манеры и художественных решений живописца: «...Такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого <...> Представь себе Грозного, с которого соскочил царь, соскочил Грозный, тиран, владыка, — ничего этого нет; перед тобой только выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара на минуту стал человеком» (Гаршин, 1934, с. 353). Не случайно его в картине Репина, по словам драматурга Н. А. Демчинского, «что-то особое влекло» (Современники..., 1977, с. 133).

В подобной аксиологической парадигме Гаршин рассматривал и собственное творчество, придавая особое значение «исключительным сюжетам», «оригинальности» каждой написанной им «вещи» (Гаршин, 1934, с. 308;

Современники..., 1977, с. 38, 82). Такого подхода к произведениям искусства он требовал и от критики. Так, резко отрицательная оценка Гаршиным брошюры Н. Шмакова «Типы Всеволода Гаршина», вышедшей в Твери в 1884 году, была вызвана тем, что автор этого критического очерка не сумел понять и показать читателям особый «тип современного российского интеллигента» (Шмаков, 1884, с. 26), изображаемый Гаршиным (Гаршин, 1934, с. 338–339). Показательно, что уже современники писателя, исходя из воплощенного в его произведениях неповторимо-индивидуального начала, стремились объяснять значение Гаршина как художника слова оригинальностью его мышления и творческой манеры. «...Он удивительно воспринимает в себя идеи и настроение своей эпохи, перерабатывает по-своему все это в своем оригинальном уме...», — писал один из них (Х., 1890, URL), ориентируясь именно на этот критерий художественности.

Заключение

Итак, судя по данным метапоэтического текста В. М. Гаршина, им были актуализированы и отрефлексированы важнейшие критерии и признаки художественности как сущностные проявления классической образцовости произведений искусства, прежде всего литературно-художественных: это оригинальность и новизна художественной мысли; высшая правда как основополагающий признак эстетической реальности; идейно-художественная целостность произведения; индивидуальность творческой манеры писателя.

Метапоэтический текст В. М. Гаршина содержит данные, согласно которым высокими критериями и признаками подлинного искусства словесного творчества является содержательность художественной философии писателя, фиксирующейся в последовательности, логике формирования текста литературного произведения как смыслового целого. Мысль писателя принципиально обновляет художественное понимание бытия, мира и человека. Идейно-эстетическая значимость и жизненная правда, будучи важнейшими критериями художественности, определяют уровень мастерства писателя, которое реализуется в достижении целостности произведения, гармонии внутреннего и внешнего, диалектике содержания и средств, способов его выражения. В эстетической рефлексии Гаршина это осознается как проявление закона красоты. Исследования о поэтике писателя и об особенностях его художественного дискурса (см., напр.: Бялый, 1969; Московкина, 1979, 1980; Генри, 1994; Эткинд, 1998; Сизова, 2025; Шелякина, 2025, и др.) показывают, что такими критериями Гаршин руководствовался в собственном литературном творчестве.

Изучение метапоэтического текста В. М. Гаршина в литературоведческом аспекте, данных самоинтерпретации собственных литературных сочинений и рефлексии по поводу словесного творчества других авторов, его трактовок тех

или иных проблем эстетического и художественного обогащает научные ориентиры в исследованиях по описательной поэтике, а в методологических и парадигматических обобщениях — по исторической и теоретической поэтике. Размытая парадигма метапоэтики (Штайн, 2007) позволяет рассматривать исследовательский потенциал писателя при конкретизации проблем его творческого процесса, обновляет арсенал понятий феномена художественности во всех его аспектах при освещении эстетических систем той или иной историко-литературной эпохи. Данные частной метапоэтики В. М. Гаршина, предвосхищающие современные трактовки основных законов художественности и включаемые ныне в систему дефиниций этого феномена (Роднянская, 1975; Тюпа, 2008), важны не только для конкретизации проблем истории классической литературы, но и для изучения эстетического и художественного на теоретико-методологическом уровне.

Список источников

1. Малышев, М. Е. (1977). Всеволод Гаршин в вопросах искусства (252–256). *Лит. наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890-е гг.* Наука.
2. Тургенев, И. С. (1968). *Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 13.* Наука.
3. *Современники о В. М. Гаршине. Воспоминания.* (1977). Саратовский государственный университет.
4. Х. [неатрибутированный автор]. (1890). В. М. Гаршин. *Пантеон литературы.* http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1890_garshin_bio_oldorfo.shtml
5. Штайн, К. Э. (2007). Метапоэтика: «Размытая» парадигма. *Филологические науки*, 6, 41–50.
6. Штайн, К. Э., & Петренко, Д. И. (2006). *Русская метапоэтика.* Учебный словарь. Издательство Ставропольского государственного университета.
7. Давыденко, М. В., & Чередникова, А. Ю. (2023). Проблема художественности в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского. *Интеллигенция и мир*, (1), 79–96.
8. Веселовский, А. Н. (1989). *Историческая поэтика.* Высшая школа.
9. Виноградов, В. В. (1990). *Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя. Избранные труды.* Наука.
10. Пospelов, Г. Н. (1965). *Эстетическое и художественное.* Издательство Московского университета.
11. Аверинцев, С. С. (2006). *Собрание сочинений: София-Логос.* Дух і літера.
12. Тюпа, В. И. (2001). *Аналитика художественности (введение в литературоведческий анализ).* Лабиринт. (РГГУ).
13. Тюпа, В. И. (2008). Художественность (288–290). *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* Intrada. (РГГУ).
14. Роднянская, И. Б. (2006). *Движение литературы: в 2 т. Т. 1. Знак: Языки славянской культуры.*
15. Гаршин, В. М. (1934). *Письма.* Akademiya.

16. Женетт, Ж. (1998). Вымысел и слог (288–341). *Фигуры. Работы по поэтике*: в 2 т. Т. 2. Издательство им. Сабашниковых.
17. Пospelов, Г. Н. (1983). Целостно-системное понимание литературных произведений (138–172). *Вопросы методологии и поэтики*. Сборник статей. Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова.
18. Андреев, А. Н., & Лебедев, С. Ю. (2018). Геннадий Пospelов как основоположник целостно-системного литературоведения. *Русский язык и литература*, (2), 48–56.
19. Гаршин, В. М. (1955). *Сочинения*. Государственное издательство художественной литературы.
20. Жураковский, Е. Д. (1903). *Симптомы литературной эволюции. Критические очерки*. Типолитография М. М. Тарчигина. URL: http://az.lib.ru/z/zhurakowskij_e_d/text_1903_05_baratynsky_oldorfo.shtml
21. Бахтин, М. М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики*. Художественная литература.
22. Белинский, В. Г. (1982). *Собрание сочинений*: в 9 т. Т. 8. Художественная литература.
23. Ромодановская, Е. К. (1997). К вопросу об источниках «Сказания о гордом царе Аггее» В. М. Гаршина. *Русская литература*, (1), 38–48.
24. Шмаков, Н. (1884). *Типы Всеволода Гаршина. Критический этюд Н. Шмакова*. Типолитография Ф. С. Муравьева.
25. Бялый, Г. А. (1969). *Всеволод Гаршин*. Просвещение.
26. Московкина, И. И. (1979). Проблемы изучения поэтики В. М. Гаршина в современном советском литературоведении (с. 24–31). *Вопросы русской литературы*. Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 2. (Львовский университет).
27. Московкина, И. И. (1980). Харьковский рассказ Гаршина. (Поэтика «Четырех дней»: конфликт – сюжет – герой – повествование). *Вестник Харьковского университета. Филология*, 193. Вып. 13, 82–88.
28. Генри, П. (1994). Импрессионизм в русской прозе (В. М. Гаршин и А. П. Чехов). *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, (2), 17–27.
29. Эткинд, Е. Г. (1998). Вс. М. Гаршин. Поэтика сиюминутности крупных планов. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. *Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв.* (с. 339–349). Школа «Языки русской культуры».
30. Сизова, К. К. (2025). Черты импрессионизма в прозе В. М. Гаршина. *Филология и культура. Philology and Culture*, 2(80), 191–197.
31. Шеякина, В. В. (2025). Поэтика экспрессионизма в рассказе В. М. Гаршина «Красный цветок»: лингвостилистический анализ. *Русский язык в школе*, 86(1), 60–71.
32. Роднянская, И. Б. (1975). Художественность. *Краткая литературная энциклопедия*: в 9 т. Т. 8, 338–345. Советская энциклопедия.

References

1. Malyshev, M. E. (1977). Vsevolod Garshin in Questions of Art (252–256). *Literary Heritage. Vol. 87: From the History of Russian Literature and Social Thought. 1860–1890*. Nauka. (In Russ.).

2. Turgenev, I. S. (1968). *Complete works and letters: in 28 vols. Letters: in 13 vols. Vol. 13*. Nauka. (In Russ.).
3. *Contemporaries on V. M. Garshin. Memories*. (1977). Saratovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
4. X. [unattributed author]. (1890). V. M. Garshin. *Pantheon of Literature*. http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1890_garshin_bio_oldorfo.shtml
5. Shtain, K. E. (2007). Metapoetics: A «Blurred» Paradigm. *Philological Sciences*, (6), 41–50. (In Russ.).
6. Shtain, K. E., & Petrenko, D. I. (2006). *Russian metapoetics: a study dictionary*. Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
7. Davydenko, M. V., & Cherednikova, A. Yu. (2023). The Problem of artistry in the philosophical and aesthetic views of P. A. Florensky. *Intelligentsia and the World*, (1), 79–96. (In Russ.).
8. Veselovsky, A. N. (1989). *Historical poetics*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
9. Vinogradov, V. V. (1990). *The language and style of russian writers: from Karamzin to Gogol. Selected works*. Nauka. (In Russ.).
10. Pospelov, G. N. (1965). *Aesthetics and artistic*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
11. Averintsev, S. S. (2006). *Collected works: Sophia-Logos*. Dukh i litera. (In Russ.).
12. Tyupa, V. I. (2001). *Analytics of artistry (introduction to literary analysis)*. Labirint. (RSUH). (In Russ.).
13. Tyupa, V. I. (2008). Artistry. *Poetics: a dictionary of current terms and concepts* (p. 288–290). Intrada. (RSUH). (In Russ.).
14. Rodnyanskaya, I. B. (2006). *The movement of literature: in 2 vols. Vol. 1. Znak: Yazyki slavyanskoj kul'tury*. (In Russ.).
15. Garshin, V. M. (1934). *Letters*. Akademiya.
16. Genette, J. (1998). Fiction and Style. *Figures. Works on poetics: in 2 vols. Vol. 2*, 288–341. Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx. (In Russ.).
17. Pospelov, G. N. (1983). A Holistic-Systemic Understanding of Literary Works. *Matters of methodology and poetics* (p. 138–172). A collection of articles. Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).
18. Andreev, A. N., & Lebedev, S. Yu. (2018). Gennady Pospelov as the founder of a holistic-systemic literary criticism. *Russian Language and Literature*, (2), 48–56. (In Russ.).
19. Garshin, V. M. (1955). *Works*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury.
20. Zhurakovsky, E. D. (1903). *Symptoms of literary evolution. Critical. Essays*. Tipolitografiya M. M. Tarchigina. http://az.lib.ru/z/zhurakowskij_e_d/text_1903_05_baratynsky_oldorfo.shtml (In Russ.).
21. Bakhtin, M. M. (1975). *Matters of literature and aesthetics*. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
22. Belinsky, V. G. (1982). *Collected works: in 9 vols. Vol. 8. Xudozhestvennaya literatura*. (In Russ.).
23. Romodanovskaya, E. K. (1997). On the sources of V. M. Garshin's «The Tale of the Proud King Haggai». *Russkaya Literatura*, (1), 38–48.
24. Shmakov, N. (1884). *Types of Vsevolod Garshin. Critical sketch by N. Shmakov*. Tipolitografiya F. S. Murav'eva. (In Russ.).

25. Byaly, G. A. (1969). *Vsevolod Garshin. Prosveschenie*. (In Russ.).
26. Moskovkina, I. I. (1979). Problems of studying poetics V. M. Garshin in modern Soviet literary criticism. *Matters of Russian literature*. Republican interdepartmental scientific collection. Issue 2, 24–31. (L'vovskij universitet). (In Russ.).
27. Moskovkina, I. I. (1980). Kharkov story by Garshin. (Poetics of «Four Days»: conflict – plot – hero – narration). *Vestnik Xar'kovskogo universiteta. Filologiya*, (193). Issue 13, 82–88. (In Russ.).
28. Henry, P. (1994). Impressionism in Russian Prose (V. M. Garshin and A. P. Chekhov). *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*, 2, 17–27. (MSU). (In Russ.).
29. Etkind, E. G. (1998). Vs. M. Garshin. The Poetics of the Immediacy of Close-Ups. In E. G. Etkind. *«The Inner Man» and External Speech. Essays on the Psychopoetics of Russian Literature of the 18th–19th Centuries* (339–349). Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury». (In Russ.).
30. Sizova, K. K. (2025). Impressionist features in the prose of V. M. Garshin. *Philology and Culture*, 2(80), 191–197. (In Russ.).
31. Shelyakina, V. V. (2025). The poetics of expressionism in V. M. Garshin's story «The Red Flower». A linguistic-stylistic analysis. *Russkij yazy'k v shkole*, 86(1), 60–71. (In Russ.).
32. Rodnyanskaya, I. B. Artistic quality. *Brief Literary Encyclopedia*: in 9 vols. Vol. 8, 338–345. Sovetskaya e'nciklopediya. (In Russ.).

Информация об авторе

Вячеслав Михайлович Головки — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института СКФУ.

Information about the author

Vyacheslav M. Golovko — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at Department of Russian and global literature, Institute of Humanities, NCFU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.133.1СарротН.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-48-63

**КОНЦЕПЦИЯ «ТРОПИЗМОВ» НАТАЛИ САРРОТ
В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ «НОВОГО РОМАНА»****Иванова Елена Радифовна¹,
Гришина Елизавета Ильинична²**^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,¹ iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>² grishinaei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7288-8232>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена двумя взаимосвязанными факторами. С одной стороны, творчество Натали Саррот, несмотря на его популярность как ключевого феномена «нового романа», остается недостаточно глубоко проанализированным в аспекте языковых механизмов фиксации довербальных психических процессов, что подтверждается существующими работами Л. А. Черницкой (1995), А. Г. Вишнякова (2011), Е. Б. Ворониной (2012). С другой стороны, хотя концепция «тропизмов» неоднократно становилась предметом анализа в отечественных и зарубежных работах, эти исследования преимущественно констатируют ее наличие как поэтологической особенности прозы Саррот, не предлагая систематической дифференциации между философским самописанием метода писательницы и его конкретной текстовой реализацией. Методологическую основу исследования составил герменевтический метод, позволивший проанализировать произведения писательницы и выявить механизмы фиксации довербальных психических процессов и их художественной репрезентации. В статье раскрываются отличия «тропизмов» Саррот от традиционных литературных приемов, а также роль природных (зооморфные, ботанические, геологические) метафор в визуализации подсознательных состояний. Дальнейший анализ касается специфики «тропизмов» как ключевого элемента поэтики Саррот, их влияния на структуру художественного текста и взаимодействия текста с читателем. Результаты исследования позволяют по-новому интерпретировать поэтику и метафорическое мышление автора, уточняют ее вклад в развитие нового типа литературного психологизма, основанного на фиксации превербальных состояний и деконструкции персонажа. Представленные материалы дополняют понимание основных художественных принципов Натали Саррот и предлагают новые подходы к анализу ее «тропизмов» в контексте литературных и культурных процессов XX века, что подчеркивает теоретическую и практическую значимость исследования.

Ключевые слова: «тропизмы», «новый роман», поэтика, литературный психологизм, фрагментарность, метафоры.

Для цитирования: Иванова, Е. Р., Гришина, Е. И. (2026). Концепция «тропизмов» Натали Саррот в контексте поэтики «нового романа». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 48–63. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-48-63>

Original article

UDC 821.133.1CapporH.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-48-63

**THE CONCEPT OF «TROPISMS» BY NATALIE SARROT
IN THE CONTEXT OF THE POETICS OF THE «NEW NOVEL»****Elena R. Ivanova¹,
Elizaveta I. Grishina²**^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>² grishinaei@mgpu.ru <https://orcid.org/0009-0002-7288-8232>

Abstract. The relevance of the study is due to two interrelated factors. On the one hand, the work of Natalie Sarrot, despite its popularity as a key phenomenon of the «New Novel», remains insufficiently deeply analyzed in terms of linguistic mechanisms of fixation of preverbal mental processes, which is confirmed by the existing works of L. A. Chernitskaya (1995), A. G. Vishnyakov (2011), E. B. Voronina (2012). On the other hand, although the concept of «tropisms» has repeatedly been the subject of analysis in domestic and foreign works, these studies mainly state its presence as a poetical feature of Sarrot's prose, without offering a systematic differentiation between the philosophical self-description of the method by the writer and its specific textual implementation. The methodological basis of the research was the hermeneutic method, which made it possible to analyze the works of the writer and identify the mechanisms of fixation of preverbal mental processes and their artistic representation. The article reveals the differences between Sarrot's «tropisms» and traditional literary techniques, as well as the role of natural (zoomorphic, botanical, geological) meta-phors in visualizing subconscious states. Further analysis concerns the specifics of «tropisms» as a key element of Sarrot's poetics, their influence on the structure of the literary text and the interaction of the text with the reader. The results of the study allow for a new interpretation of the author's poetics and metaphorical thinking, clarify her contribution to the development of a new type of literary psychologism based on the fixation of preverbal states and deconstruction of the character. The presented materials complement the understanding of the basic artistic principles of Natalie Sarrot and offer new approaches to the analysis of her «tropisms» in the context of literary and cultural processes of the 20th century, which emphasizes the theoretical and practical significance of the research.

Keywords: «tropisms», «New Novel», poetics, literary psychology, fragmentation, metaphors.

For citation: Ivanova, E. R., & Grishina, E. I. (2026). The concept of «tropisms» by Natalie Sarrot in the context of the poetics of the «New Novel». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 48–63. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-48-63>

Введение

Цель исследования — комплексный лингвостилистический анализ концепции «тропизмов» Натали Саррот как системы многоуровневых языковых стратегий, обеспечивающих фиксацию и художественную репрезентацию довербальных психических процессов в контексте поэтики «нового романа».

Задачи статьи:

1. Обозначить различия между «тропизмами» Натали Саррот и традиционными литературными приемами.
2. Выявить роль природных, зооморфных, ботанических и геологических метафор в визуализации подсознательных состояний.
3. Рассмотреть специфику «тропизмов» как ключевого элемента поэтики Натали Саррот.
4. Проанализировать, каким образом «тропизмы» фиксируют довербальные психические процессы и влияют на структуру художественного текста.
5. Охарактеризовать средства художественного выражения Натали Саррот для реализации в тексте «тропизмов».
6. Исследовать особенности взаимодействия текста Саррот с читателем.

Научная новизна статьи состоит в том, что впервые на материале ключевых произведений Натали Саррот посредством герменевтического метода проанализирована концепция «тропизмов» как основной принцип организации художественного текста писательницы, что позволило выявить механизмы фиксации довербальных психических процессов и их художественной репрезентации. Личный вклад настоящей работы заключается в переходе от описательного подхода к многоуровневому лингвостилистическому анализу, выявляющему иерархию языковых стратегий (синтаксические, фоносемантические, лексические), через которые «тропизмы» функционируют не как статичные образы подсознания, а как динамические процессы смыслообразования.

Такой подход не только уточняет специфику поэтики Саррот, но и расширяет методологический арсенал литературоведения для анализа аналогичных явлений в постмодернистской прозе XX века, подчеркивая практическую значимость исследования для современной филологической науки.

В работе рассмотрена роль природных метафор (зооморфные, ботанические, геологические) как инструмента визуализации подсознательных состояний, что позволяет по-новому интерпретировать поэтику Саррот и специфику ее метафорического мышления.

Также уточняется вклад Натали Саррот в развитие нового типа литературного психологизма, основанного на фиксации превербальных состояний и деконструкции персонажа, что расширяет границы исследования внутреннего мира человека в литературе второй половины XX века.

Таким образом, статья не только дополняет систему основных художественных принципов Натали Саррот, но и предлагает новые исследовательские

подходы к анализу авторских «тропизмов» писательницы, их функций и значения в контексте литературных и культурных процессов эпохи, что представляет **теоретическую значимость** данного исследования.

«Новый роман», возникший во Франции 1950-х годов, бросил вызов классическим канонам прозы, отвергая линейный сюжет и психологически объемных персонажей. Как отмечает А. Г. Вишняков, это направление акцентировало небытие как основу текстуальности, превращая роман в лабораторию языковых экспериментов (Вишняков, 2011). Саррот, наряду с Аленом Роб-Грийе и Мишелем Бютором, стала одним из главных теоретиков этого движения, по мнению исследователя Л. А. Еремеева (Еремеев, 1974), однако единой школы «нового романа», как отмечает Л. А. Зонина, не существовало (Зонина, 1984). Если Ален Роб-Грийе сосредоточился на объективном описании вещей, а Мишель Бютор — на пространственно-временных экспериментах, то Саррот углубилась в область дорефлексивного опыта, сделав психологизм главным полем формальных поисков (Воронина, 2012). Ее романы реализуют ключевые принципы школы «нового романа», однако выходят за ее рамки, сочетая формальный эксперимент с глубоким интересом к природе человеческой коммуникации.

Термин «тропизм», заимствованный Саррот из ботаники, стал ключом к ее художественному методу: он обозначает реакцию клеток на внешние раздражители, например движение цветка подсолнечника к солнцу. В одноименном сборнике 1939 года она описывает эти явления как «неуловимые движения, которые скользят по границам нашего сознания» (Саррот, 2000, с. 136). В отличие от фрейдистских комплексов, «тропизмы» лишены причинно-следственной связи — это спонтанные реакции психики на внешние раздражители: интонацию, жест, мимолетный образ. Эти микродвижения сознания анонимны и надличностны, так как герои лишены индивидуальных черт, превращаясь в носителей коллективного бессознательного, физиологизированы, поскольку сравнения этих человеческих реакций с животными, змеями, пауками передают подсознательные страхи и желания, сводя психологию к физиологии. Согласно мнению исследовательницы Б. Кнапп, четкость наблюдений Натали Саррот с акцентом на микроскопических деталях создает серию эйдетических образов, каждый из которых накладывается на другой. Эти наслоения никогда не бывают статичными; напротив, они «подобны амебам» и находятся в состоянии постоянного перетекания, изменяясь по форме и содержанию, сути и смыслу (Knapp, 1977, р. 15–27). Также «тропизмы» структурируют текст, поскольку внешние события служат лишь триггерами для внутренних драм, разыгрывающихся в зоне «тропизмов», по мнению исследователя Л. А. Черницкой (Черницкая, 1995, с. 234). Опираясь на исследования С. А. Фокина и И. В. Долининой, можно сказать, что «тропизмы» относятся одновременно и к языку, и к образной структуре, и к композиции произведений (Фокин, Долина, 2020, с. 182–187).

Прежде чем приступать к рассмотрению концепции «тропизмов», необходимо обозначить различия между «тропизмами» Натали Саррот и традиционными литературными приемами:

1. Метафора, аллегория, символ, сравнение служат для конкретизации смысла, передавая абстрактные идеи через известные образы. Например, сравнение «сердце как камень» фиксирует эмоциональное состояние, делая его узнаваемым. «Тропизмы» Саррот, напротив, направлены на передачу невыразимого — мельчайших психических реакций, возникающих до формирования мысли. Они не кодируют смысл, а создают суггестивное поле, где читатель заполняет пустоту текста своими ассоциациями: «Любая из них едва могла выразить словами это неуловимое чувство, это хрупкое ощущение. Они смотрели растерянно — их взгляд блуждал, не находя опоры в четких, ясных образах» (Саррот, 2000, с. 31).

2. Традиционные приемы предполагают активную позицию автора, который благодаря им управляет читательским восприятием. «Тропизмы» же требуют интерактивного участия читателя. Саррот отказывается от психологизации персонажей, превращая читателя в соавтора, которому следует расшифровать «тропизмы» исходя из множества подсказок (Rocchi, 2024, p. 12). Например, в романе «Мартеро» (1953) повторы и метафоры (зеркало, тень) становятся опорами для материализации «тропизмов», но их интерпретация остается открытым вопросом.

3. В динамике сюжета известные художественные приемы служат для развития фабулы, как, например, в детективе символы, ставшие следами, подсказками. «Тропизмы» оказываются вне сюжета, фокусируясь на внутренней структуре восприятия окружающего мира. Например, в романе «Планетарий» (1959) Саррот заменяет сюжет стилистическим напряжением: диалог ведется не между персонажами, а между их подсознаниями, что отражает экзистенциальные установки Сартра, чья эстетика определила основной вектор творческих поисков Саррот.

4. Традиционные приемы используют язык коммуникативно. Символ, например, становится частью системы значений, где автор и читатель разделяют общий код. «Тропизмы» превращают язык в материал, лишая его коммуникативной функции. Саррот исследует сам процесс творчества, превращая текст в объект анализа. В поздних работах, например «Дар речи» (1980), «Детство» (1983), «тропизмы» становятся предметом исследования, а не инструментом.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили труды российских и зарубежных литературоведов, внесших значительный вклад в изучение творчества Натали Саррот. Это работы Е. Б. Ворониной (Воронина, 2012), С. Ф. Фокина и И. В. Долининой (Фокин, Долинина, 2020), Л. А. Зониной (Зонина, 1984), Л. А. Еремеева (Еремеев, 1974), Л. А. Черницкой (Черницкая, 1995), А. Г. Вишнякова (Вишняков, 2011), А. Н. Таганова (Таганов, 2004), зарубежных исследователей: К. О'Флаэрти (O'Flaherty, 1967), Э. Эйгенман (Eigenmann, 1988), Б. Кнапп (Knapp, 1997), Р. Рокки (Rocchi, 2024), Ф. Куцик (Kutzick, 2023), О. Мамосюк (Mamosiuk, 2023).

Ход исследования

Изучение концепции «тропизмов» в творчестве Н. Саррот следует начать с ранних работ, написанных в 1930–1940 годах. Сборник «Тропизмы», опубликованный в 1939 году, а отдельные новеллы были написаны еще в 1932 году, стал первым произведением писательницы. Натали Саррот выбрала экспериментальную форму как манифест своего творчества (Рязанцев, Графова, 2025, с. 83–89). В нем четко обозначился главный объект ее художественного мира и манера письма, которая будет определять все дальнейшее творчество Саррот. Произведение состоит из 24 новелл-миниатюр, которые отказываются от традиционных сюжетных структур. Такая форма отражает суть «тропизмов»: фиксация мимолетных, почти неосознанных эмоциональных импульсов, а не построение линейного повествования. Саррот позже назовет эти тексты «непосредственным выражением живых впечатлений» (Саррот, 2000, с. 134), что подчеркивает их роль как эстетического манифеста. Данный сборник не только вводит термин, но и показывает его применение, становясь основой для последующих работ Саррот, исследующих границы между сознанием, языком и обществом. Стоит отметить физиологичность прозы Саррот, которая появилась в первом ее сборнике и далее станет одной из ключевых ее составляющих. Физиологичность у Саррот — это способ передачи экзистенциальных конфликтов через телесные метафоры, где абстрактное, будь то страх или зависимость, становится конкретным, осязаемым описанием явления, процессов или состояний функционирования организмов: «Казалось, они сочились отовсюду. В теплом, чуть влажном воздухе они медленно вытекали на поверхность, будто испариной проступая на стенах» (Саррот, 2000, с. 23). Остановимся на определении телесной метафоры. Телесная метафора в рамках когнитивной теории рассматривается как проявление того, что мыслительные способности человека обусловлены биологической природой его мозга, тела и телесным опытом. При этом телесный опыт служит основой для формирования языковых метафор, отражая культурные особенности и индивидуальный сенсомоторный опыт (Башкатова, 2013). Позднее для визуализации подсознательных процессов Саррот разработает целую систему образов, заимствованных из мира природы:

1. Зооморфные метафоры (щупальца, паутина) передают ощущение эмоциональной зависимости.
2. Ботаническая образность (ростки, корни) символизирует зарождение мыслей.
3. Геологические сравнения (лавовые потоки) иллюстрируют подавленные желания.

Синтаксические стратегии данного произведения базируются на использовании Саррот парцелляции, многоточий и кольцевой композиции, имитирующих спонтанность психического движения. Обратим внимание на конструкцию в предложении: «Любая из них едва могла выразить словами это неуловимое чувство... Они смотрели растерянно — их взгляд блуждал...», где эллипсис

(«едва могла выразить») и деепричастие («блуждал») организуют неудачу вербализации, так как фрагменты не соединяются, создавая вакуум, который заполняется читательским тропизмом.

Фоносемантика визуализирует микродвижения через аллитерацию и ритм, превращая звук в телесное ощущение. Например, в предложении «Ils suintaient sourdre de partout»¹ аллитерация [sqĩ], носовой [ẽ] и шипящий [s] имитируют медленное просачивание. Лексическая стратегия создания «тропизмов» реализуется через использование синонимического ряда, демонстрирующего семантическую диффузность (Шкапенко, 2012), где значения не сходятся в точку, а рассеиваются, создавая зону неопределенности. Границы эмоции размываются градацией, читатель конструирует «тропизм» в процессе чтения: «...но сделаем еще шаг, ему это может показаться забавным, остроумным, возбуждающим» (Саррот, 2000, с. 32).

Далее в своем творчестве Саррот использует жанровые аллюзии — детектив и сказку как архетипические опоры, чтобы реализовать «тропизмы» на ином уровне. Например, в романе «Портрет неизвестного» (1948) Саррот использует детективные коды как опору для передачи довербальных психических реакций героев. В работе «Антироман Натали Саррот» Ж.-П. Сартр и Б. Бромберт отмечают: «Это пародия на детективные романы, и Саррот представила своего рода страстного детектива-любителя, который очарован обычной парой — пожилым отцом и очень юной девушкой, за которыми он подглядывает и следит, а иногда даже угадывает их мысли на расстоянии, даже не зная толком ни того, что он ищет, ни кто они такие. И он ничего не найдет или практически ничего. Он прекратит свои поиски, претерпев метаморфозу: как будто это детектив Агаты Кристи, готовый разоблачить преступника, внезапно сам превращается в преступника» (Sartre, Brombert, 1955, p. 40–44). В центре романа — попытка рассказчика проникнуть в суть сложных отношений между пожилым мужчиной и его дочерью. Рассказчик наблюдает за ними, строит предположения, воображает сцены, которых не видел, и пытается уловить скрытые эмоциональные движения. Важнейшая сцена романа — воображаемая ссора между отцом и дочерью, в которой они борются за власть и деньги, обвиняя друг друга в эгоизме и корысти. Синтаксис данного текста организует «тропизмы» как цепную реакцию: парцелляция имитирует эскалацию внутреннего напряжения: «Я — отец! — А я дочь! Мои права! Они загнаны в рамки. Они не могут из них вырваться... Слепая и безнадежная борьба двух гигантских насекомых, двух огромных навозных жуков...» (Саррот, 2001, с. 45). Парцелляция и восклицания разрывают диалог, фиксируя вспышки «тропизмов», отсутствие связок ускоряет эскалацию от утверждения («они загнаны в рамки») к метафоре («навозные жуки»). Многоточие в «Портрете неизвестного», как и во всем творчестве Саррот, маркирует моменты, когда «тропизм» еще не оформился в слово, но уже существует как ощущение: страх, агрессия,

¹ «Казалось, они сочились отовсюду» (перевод И. Кудесовой. — Е. И., Е. Г.).

притяжение. Это зона турбулентности перед выбросом готовой фразы. Синтаксис у Саррот — это не способ упорядочивания мысли, а инструмент фиксации ее возникновения и распада. Статичное описание заменяется динамическим синтаксисом сомнения и поиска. Обращая внимание на время, стоит отметить, что, в отличие от прошедшего времени (*Passé simple* или *Passé Composé*), которое фиксирует действие, Саррот использует настоящее время (*Présent de l'indicatif*) для создания эффекта симультанности (одновременности). Читатель переживает «тропизм» здесь и сейчас, вместе с рассказчиком. Это превращает текст из отчета о событии в проживание события.

Понятие общих мест или же использование клише у Саррот имеют свой убаюкивающий, маршевый ритм. Персонажи-маски (отец, дочь) говорят ровными, обтекаемыми, как бы заготовленными фразами. Этот монотонный ритм — защитная броня, вступает в конфликт с рваным, аритмичным внутренним монологом нарратора (охотника за «тропизмами»), создавая напряжение без внешнего сюжетного действия.

Отец подозревает дочь в попытках лишить его средств, а она, в свою очередь, требует денег на лечение. В финале появляется жених дочери, который, в отличие от остальных героев, наделен именем и конкретными чертами. Он словно разрушает зыбкий мир «тропизмов», возвращая повествование к внешней определенности, но одновременно подчеркивая, насколько хрупка и условна эта определенность.

Лексический уровень романа демонстрирует, как абстрактные психологические категории превращаются в динамические биологические процессы. Саррот использует лексику из биологии, физики и медицины, таким образом «тропизмы» описываются не как чувства (он разозлился), а как сложные ассоциативные ряды: *выделения, щупальца, амёбы, слизь, рентген, зондирование, скальпель, надрез*.

Пик «нового романа» приходится на 1950–1960-е годы. Как отмечает исследователь Ф. Кузик, в послевоенной французской литературе 50-х годов XX века сосуществуют две противоположные мысли. С одной стороны, литературная деятельность требует от литературы социальной функции и политического действия для того, чтобы раскрывать реальность мира в письменной форме и, таким образом, вносить свой вклад в его изменение. С другой стороны, Натали Саррот, обозначающая сомнения и недоверие, которые автор и читатели испытывают к литературе в целом и к роману как к иллюзии миметического изображения и анализа общества в частности (Kutzick, 2023).

В романе «Золотые плоды» (1963) многообразие и сложность «тропизмов» достигает апогея: сюжетом становится процесс обсуждения вымышленной книги в светском обществе. Каждая реплика персонажей не выражение мнения, а вспышка «тропизмов»: страха осуждения, желания принадлежать к группе, подсознательной агрессии. Саррот фиксирует не сами мысли, а их дрожь на уровне превербальных реакций; она также отказалась от традиционных нарративных структур, сосредоточившись на микрокосме внутренних переживаний,

где граница между субъективным и объективным растворяется в потоке амбивалентных ощущений. Роман построен на многократной циркуляции одних и тех же оценочных формул о книге: сначала шедевр, потом нарочитая подделка, затем вновь колебания. Реплики строятся от: «Грандиозно. Гениально. Послушайте, какой образ. Какой ритм в этой фразе...» до «...неумелое... даже простоватое, вот именно... старомодное... похожее на бесцветные мечты молодых девиц в незапамятные времена...». Синтаксическая организация — параллелизм, анафора: «С какой сдержанной благовоспитанностью, с какой изысканной вежливостью вас приглашают войти. С каким целомудрием, с каким гордым достоинством...» выполняют функцию разгона «тропизма», когда говорящий как бы вталкивает себя в состояние, в котором он не уверен. Саррот убирает кавычки, тире диалога, имена, голоса перетекают друг в друга. Синтаксически текст выглядит как единый непрерывный поток, где смена субъекта определяется не формой, а внутренним тональным сдвигом, и читатель вынужден сам выстраивать переходы, переживая то же колебание, что и персонажи.

Фоносемантика в этом романе строится на коротких, рубленых, повелительных конструкциях, создающих ощущение ритмического наращивания «Подступает, накатило... Возгласы... Экстаз... Ну же, давайте, все вместе, громче... Еще, еще» (Саррот, 1995, с. 268).

С точки зрения лексики Саррот выводит на первый план язык литературной моды и салонной критики: *шедевр, революция, совершенно новое, ничего особенного, копия, прошло время этой книги* и т. п. Эти слова появляются как уже готовые, стереотипные, многократно повторяются, циркулируют между голосами, но именно в ходе этой циркуляции начинают скрипеть, расходиться с тем, что персонажи действительно чувствуют.

Обобщая наблюдения над синтаксисом, фоносемантикой и лексикой, можно выделить несколько ключевых механизмов. В раннем представлении «тропизмов» акцент был на микродвижениях внутри субъекта; в «Золотых плодах» они распределены между голосами и позициями, существуют не внутри психики, а между репликами, оценками, клише, а также становятся не способом выражения предсуществующего содержания, а самым местом порождения смысла. А. Н. Таганов в своей работе «Слово и его коммуникативные возможности в творчестве Натали Саррот» подчеркивает, что слово у Саррот одновременно провоцирует «тропизмы» и искажает их через стереотипы. В «Золотых плодах» клише циркулируют в диалоге, создавая динамику от восторга к иронии (Таганов, 2004, с. 51). Именно этот роман принес писательнице первую настоящую известность, и каждое последующее произведение Саррот оказывалось в центре литературных дискуссий.

Кризис и трансформация «тропизмов», согласно исследованию Е. Б. Ворониной, приходятся на 70-е годы XX века. В сборнике эссе «Дар речи» (1980) и повести «Детство» (1964) «тропизмы» становятся предметом исследования, а не инструментом. Саррот анализирует роль искусства в обществе, превращая тексты и их авторов в персонажей. Это отражает переход «нового романа» от моды к историко-теоретическому осмыслению (Воронина, 2013).

Сборник эссе «Дар речи» можно сравнить с концепцией универсального предметного кода Н. И. Жинкина или концепцией мышления и речи Л. С. Выготского (Выготский, 1934). Натали Саррот подробно описывает этапы речевых актов, особенно внимательно она останавливается на «внутреннем языке», где отображается «сенсорный континуум» (Жинкин, 1964, с. 52). Саррот исследует рождение слова как драматический процесс: внутренняя речь сталкивается с цензурой (мораль, условности), прежде чем стать внешней. Рефлексия над произнесенным превращается в самостоятельный сюжет, где доминируют подводные течения подсознания.

В сборнике представлен анализ отдельных слов и высказываний как материализованных «тропизмов»: слова становятся персонажами, несущими память о прошлых контекстах и провоцирующими новые смысловые столкновения. Слова (любовь, эстетическое, детка) обретают статус архетипических мифов, способных трансформироваться в сюжеты. Кроме того, писательница осуществляет деконструкцию клише. Слова-шаблоны подвергаются микроскопическому анализу, раскрывая их беспомощность и плоскость, неспособную передать истинный смысл задуманного: «Следя за этими словами, такими банальными, их легкими спусками, прикосновениями, взлетами, можно усмотреть в них сходство с плоскими камешками, пущенными так, что они отскакивают рикошетом...» (Саррот, 1992, с. 157).

Речь в эссе предстает как поле битвы между общепринятыми формулами и индивидуальным восприятием; писательница проводит подобный анализ слов и выражений: «эстетическое», «детка», «Ну и что? Он просто чокнутый», «Не говорите мне про это», «Не понимаю», а кольцевая композиция эссе подчеркивает цикличность речевых паттернов.

Таким образом, «Дар речи» развивает идею «тропизмов», переводя их из сферы невербализованных ощущений в плоскость языковой рефлексии. Слова здесь — это не просто инструмент, а материализованные «тропизмы», требующие декодирования.

«Детство» Натали Саррот — автобиографическая повесть о формировании личности и внутреннего мира ребенка через поток воспоминаний взрослой героини Наташи. Исследователь М. Е. Балакирева подчеркивает: «Публикация романа “Детство” окончательно закрепляет за Саррот образ писателя-психолога» (Балакирева, 2024, с. 286). Произведение не имеет традиционного линейного сюжета: оно построено как поток воспоминаний, где отдельные эпизоды детства всплывают в сознании взрослой героини и анализируются ею с позиции прожитого опыта.

Наташа выросла в период перемен: развод родителей, переезд во Францию, переживания разлуки и одиночества. Через детские чувства показано столкновение внутреннего мира ребенка с внешними обстоятельствами. Как отмечает исследователь Э. Эйгенманн, в названии не указано, о чьем детстве идет речь в произведении, как будто этот текст посвящен просто детству как общему понятию для каждого человека (Eigenmann, 1988).

В повести «Детство» «тропизмы» выражаются через синонимию, выполняющую разные смысловые задачи. Синонимы помогают уточнять и конкретизировать переживания, делая их более выразительными: улицы чужого города описываются как мертвые, безжизненные. При поиске точных слов автор использует формулировки: «тянусь к ним», «пытаюсь придвинуться», «пощупать их», — но отмечает, что найденные слова все равно остаются «негнушимися» и не передают всей глубины чувства (Саррот, 1995, с. 50). Иногда синонимы отвергаются как недостаточно точные, например для описания счастья не подходят слова «блаженство», «восторг», «экстаз» и только «радость» оказывается уместной: «Это скромное, простенькое слово может и прикоснуться» (Саррот, 1995, с. 54).

Опираясь на исследование С. А. Фокина и И. В. Долининой (Фокин, Долина, 2020), необходимо отметить важную роль глагольных цепочек, передающих динамику внутреннего поиска: *наполняет, разливается, переклестывает, теряется*. Такие последовательности часто используются для выражения эмоциональных состояний, например страха отдалиться от матери: «отдалиться — замкнуть — запереться», «вырастет — отяжелеет — будет давить».

Кроме того, Саррот активно применяет лексический повтор, как и во всех предыдущих своих произведениях, чтобы подчеркнуть навязчивость мысли. Так, слово «ребенок» многократно варьируется в разных контекстах, что помогает героине осознать свою инаковость и внутренний конфликт: она чувствует себя не просто ребенком, а «порочным ребенком, не любящим свою мать» (Саррот, 1995, с. 108).

Натали Саррот в своих поисках языка уделяет большое внимание фоносемантике. Она старается уловить «тонкий, легкий звук» парижских названий, воспринимая в них «нежную доброжелательность» или, наоборот, ощущая «убогий, жалкий вид» и безжизненность. Например, название парка Монсури кажется ей уродливым.

На синтаксическом уровне неполные предложения и парцелляция отражают внутренний нарратив и эмоциональное состояние героини: «Я в нем. В горе. Как и все, у кого нет матери. Значит, у меня ее нет. Это так, у меня нет матери» (Саррот, 1995, с. 164). Так, осознание ребенком отсутствия матери выражается через короткие, цепляющиеся друг за друга фразы, передающие поток тревожных мыслей и переживаний, а троеточие, по мнению О. Мамосюк, является маркером спонтанности, неподготовленности и фрагментарности (Mamosiuk, 2023, p. 28).

Заключение

Комплексный анализ концепции «тропизмов» в творчестве Натали Саррот, содержащийся в данной статье, позволяет дополнить представление о специфике ее художественного метода и его роли в развитии литературного

психологизма XX века. Исследование демонстрирует, что «тропизмы» функционируют не как традиционный художественный прием, а как основной принцип организации повествовательной ткани произведения, определяющий все уровни текстовой организации — от синтаксических структур до лексического отбора.

Саррот отказалась от традиционного анализа характеров и линейного сюжета, сосредоточив внимание на долингвистических пластах сознания — «тропизмах», которые фиксируют психические процессы на этапе их становления, до вербализации и рационализации. Визуализация этих процессов реализуется через систему природных метафор, а композиция ее произведений строится на принципах фрагментарности и наложения голосов, что способствует размыванию границ между персонажем и читателем. Согласно исследованию А. Д. Петровой: «Фрагментарная речь и прерывистая внутренняя репликация в произведениях Натали Саррот связаны с описанием надындивидуального подсознания. Каждое ощущение в нем представляет собой сконцентрированный образ, который может быть развернут в целый сюжет» (Петрова, 2025, с. 81).

Особое значение имеет интерактивная природа текстов Саррот: читатель становится не пассивным наблюдателем, а активным соучастником, вынужденным проецировать собственные психологические импульсы на текст и участвовать в создании смысла. Такой подход не только предвосхитил концепцию «смерти автора» Р. Барта (Барт, 1989), но и расширил границы литературного психологизма, предложив новые пути исследования человеческой психики за пределами устоявшихся схем.

В ходе исследования было установлено, что концепция «тропизмов» составляет ядро поэтики Натали Саррот и определяет своеобразие ее художественного метода. Опираясь на работу К. О'Флаэрти, необходимо отметить, что Саррот стремится создать в своих произведениях некий вакуум, поскольку только при фактическом отсутствии действия она может надеяться достичь своей цели: фиксации «тропизмов» (O'Flaherty, 1967, p. 128–37). Данная работа осуществляет переход от констатации наличия «тропизмов» в текстах Саррот к анализу их конкретной текстовой реализации через призму взаимодействия синтаксических, фоносемантических и лексических уровней организации художественного дискурса.

Синтаксические средства выразительности, через которые материализуются «тропизмы»: парцелляция, многоточие, эллипсис, восклицание, анафора, параллелизм, инверсия. Фоносемантические средства: аллитерация, ассонанс, особый ритм текста. Лексические средства: зооморфные и телесные метафоры, ботаническая образность, геологические сравнения, синонимические ряды, повтор, эпитеты, градация, стилизация.

Жанровой формой Саррот избрала новеллы-миниатюры, а тип композиции — кольцевой. Еще раз отметим двуплановость повествования: с одной стороны, «тропизмы», с другой — реальность, к которой они приводят.

Наконец, можно установить связь между литературными экспериментами Натали Саррот и социокультурными трансформациями второй половины XX века. Ее творчество отражает и осмысляет изменения идентичности, влияние массовой культуры, а также философские идеи экзистенциализма и постструктурализма, что позволяет рассматривать произведения Саррот как художественный отклик на ключевые вызовы эпохи. Наследие писательницы продолжает оказывать значительное влияние на современную литературу, открывая новые перспективы для изучения природы сознания, языка и читательского опыта.

Список источников

1. Вишняков, А. Г. (2011). *Поэтика французского Нового Романа* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова].
2. Еремеев, Л. А. (1974). *Критический анализ теории и художественной практики французского «нового романа»* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.05. АН УССР. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко].
3. Зонина, Л. А. (1984). *Тропы времени: заметки об исканиях французских романистов (60–70-е гг.)*. Художественная литература.
4. Воронина, Е. Б. (2012). Творчество Н. Саррот: выражение «невыразимого». *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, (3), 8–14. <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/394>
5. Knapp, B. (1977). Nathalie Sarraute: A theatre of tropisms. *Performing Arts Journal*, 1(3), 15–27. (2025, 11 мая). <https://doi.org/10.2307/3245246>
6. Черницкая, Л. А. (1995). *Поэтика романов Натали Саррот* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.01.05].
7. Фокин, С. А., & Долинина, И. В. (2020). Языковые способы создания «тропизмов» в романе Н. Саррот «Детство». В Т. И. Шатрова, Г. Н. Теряева, Е. М. Горюнова (Редкол.). *Образование – лингвистика – коммуникация: современные тенденции и перспективы развития* (с. 182–187). Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 14 мая 2015 г. Новомосковский институт РХТУ им. Д. И. Менделеева.
8. Rocchi, R. (2024). *Autour de Nathalie Sarraute*. https://www.academia.edu/123433892/Autour_de_Nathalie_Sarraute
9. Рязанцев, К. А., & Графова, О. И. (2025). Жанровое своеобразие манифеста на примере «The Russell-Einstein Manifesto». *Евразийский гуманитарный журнал*, (2), 83–89.
10. Башкатова, Ю. (2013). Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(2(54)), (24–27).
11. Шкапенко, Т. М. (2012). Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*, (8), (42–47).
12. Sartre, J.-P., & Brombert, B. (1955). The anti-novel of Nathalie Sarraute. *Yale French Studies*, (16), 40–44. (2025, 11 мая). <https://doi.org/10.2307/2929146>.
13. Kutzick, F. (2023). Avantgardistische Neuverortungen der 1940er und 1950er Jahre. Kutzick, F. (2023). Avant-garde innovations in the history of the 1940s and 1950s. *Gender and the Avant-garde: Violette Leduc and Nicole Caligaris in the Canons of French Literature of the 20th and 21st centuries* (1st ed., pp. 143–168). Translated from English. (2025,

May 7). <http://www.jstor.org/stable/j.ctv371bqxx.11> (1st ed., pp. 143–168). Transcript Verlag. (2025, 7 мая). <http://www.jstor.org/stable/j.ctv371bqxx.11>

14. Таганов, А. Н. (2004). Слово и его коммуникативные возможности в творчестве Натали Саррот. *Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур* (с. 46–55). Коллективная монография. Издательство Воронежского государственного университета.

15. Воронина, Е. Б. (2013). *Проблема художественного слова в позднем творчестве Натали Саррот* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.03. Ивановский государственный университет].

16. Выготский, Л. С. (1934). *Мышление и речь: психологические исследования*. В. Колбановский (Ред. и авт. вступ. ст.). Соцэкгиз.

17. Жинкин, Н. И. (1964). О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*, (6), 26–38.

18. Балакирева, М. Е. (2024). Рецепция французского «Нового романа» в 1950–1970-х гг.: признание новой формы и роль журналов «Вопросы литературы» и «Иностранная литература». *Новый филологический вестник*, 4(71), 282–290. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-282>

19. Eigenmann, E. (1988). Nathalie Sarraute: The use of speech. *Yale French Studies*, 7–10. (2025, 7 мая). <https://doi.org/10.2307/2929335>

20. Mamosiuk, O. S. (2023). Linguistic-cognitive scenarios of Nathalie Sarraute's literary narrative. *Studia Philologica*, (20). <https://doi.org/10.28925/2311-2425.2023.22>

21. Петрова, А. Д. (2025). Особенности перевода нестандартного синтаксиса во французской прозе XX века. *Litera*, (6). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.6.74519>

22. Барт, Р. (1989). Смерть автора. В Р. Барт. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* (с. 384–391). Прогресс.

23. O'Flaherty, K. (1967). Nathalie Sarraute: An essay in understanding the experimental novel. *University Review*, 4(2), 128–137. (2025, 11 мая). <http://www.jstor.org/stable/25504776>

Библиографический список

1. Саррот, Н. (2000). *Тропизмы. Эра подозрения* [*Tropismes. L'Ère du soupçon*]. Полинформ-Талбури.
2. Саррот, Н. (1992). Дар речи [Speech gift]. *Новый мир*, (4).
3. Саррот, Н. (2001). *Портрет неизвестного = Portrait d'un inconnu*. И. Кудесова (Пер. с фр.). Полинформ-Талбури. (Текст параллельный на рус. и фр. яз.).
4. Sarraute, N. (1970). *Le planetarium. Roman* [*The planetarium. Novel*]. Gallimard.
5. Саррот, Н. (1995). *Детство. Золотые плоды* [*Childhood. The golden fruits*]. А. Таганов (Вступ. ст., пер. с фр.). Полинформ.

References

1. Vishnyakov, A. G. (2011). *The poetics of the french New Novel* [Abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 01.10.03. Lomonosov Moscow State University]. (In Russ.).
2. Eremeev, L. A. (1974). *A critical analysis of the theory and artistic practice of the French «new Novel»* [Dissertation for the PhD (Philology): 01.10.05. Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Taras Shevchenko Institute of Literature]. (In Russ.).

3. Zonina, L. A. (1984). *Trails of time: notes on the searches of French novelists (60–70-ies.)*. Xudozhestvennaya literature. (In Russ.).
4. Voronina, E. B. (2012). The work of N. Sarrot: the expression of the «inexpressible». *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, (3), 8–14. <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/394> (In Russ.).
5. Knapp, B. (1977). Nathalie Sarraute: theater of tropisms. *Performing Arts Journal*, 1(3), 15–27. (2025, May 11). <https://doi.org/10.2307/3245246>
6. Chernitskaya, L. A. (1995). *The poetics of Natalie Sarrot's novels* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 01.10.05]. (In Russ.).
7. Fokin, S. A., & Dolinina, I. V. (2020). Linguistic ways of creating «tropisms» in N. Sarrot's novel «Childhood». In T. I. Shatrova, G. N. Teryaeva, E. M. Goryunova (Editorial Board). *Education – Linguistics – Communication: current trends and development prospects* (p. 182–187). All-Russian scientific and practical conference. Novomoskovsk Institute of the D. I. Mendeleev Russian Technical University. (In Russ.).
8. Rocky, R. (2024). *By Natalie Sarrot*. https://www.academia.edu/123433892/Autour_de_Nathalie_Sarraute
9. Ryazantsev, K. A., & Grafova, O. I. (2025). The genre uniqueness of the manifesto is based on the example of the «Russell-Einstein Manifesto». *Eurasian Humanitarian Journal*, (2), 83–89. (In Russ.).
10. Bashkatova, Y. (2013). Body metaphor in English and Russian linguistic cultures. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(2(54)), (24–27). (In Russ.).
11. Shkapenko, T. M. (2012). Semantic diffuseness in the bilingual aspect. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psixologiya*, (8), (42–47). (In Russ.).
12. Sartre J.-P., & Brombert, B. (1955). The anti-novel of Nathalie Sarraute. *Yale French Studies*, (16), 40–44. (2025, May 11). <https://doi.org/10.2307/2929146>
13. Kutzik, F. (2023). Avant-garde innovations in the history of the 1940s and 1950s. *Gender and the Avant-garde: Violette Leduc and Nicole Caligaris in the Canons of French Literature of the 20th and 21st centuries* (1st ed., pp. 143–168). Translated from English. (2025, May 7). <http://www.jstor.org/stable/j.ctv371bqxx.11>
14. Taganov, A. N. (2004). The word and its communicative possibilities in the work of Natalie Sarrot. *Culture of mutual understanding and mutual understanding of cultures* (p. 46–55). A collective monograph. Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
15. Voronina, E. B. (2013). *The problem of the artistic word in the late work of Natalie Sarrot* [Dissertation for the PhD (Philology): 01.10.03. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet]. (In Russ.).
16. Vygotsky, L. S. (1934). *Thinking and speech: psychological research*. V. Kolbanovsky (Ed. and author introductory article). (In Russ.).
17. Zhinkin, N. I. (1964). About code transitions in internal speech. *Voprosy yazykozna-niya*, (3). (In Russ.).
18. Balakireva, M. E. (2024). Reception of the French «New Novel» in the 1950s and 1970s: recognition of the new form and the role of the magazines «Questions of Literature» and «Foreign Literature». *New Philological Bulletin*, 4(71), 282–290. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-282> (In Russ.).
19. Eigenmann, E. (1988). Natalie Sarrot: The use of speech. *Yale French Studies*, 7–10. (2025, May 7). <https://doi.org/10.2307/2929335>

20. Mamosyuk, O. S. (2023). Linguistic and cognitive scenarios of literary narration by Natalie Sarraute. *Studia Philologica*, (20). <https://doi.org/10.28925/2311-2425.2023.22>
21. Petrova, A. D. (2025). Translator's confidence has been an integral part of Saxony of Vorangusa throughout the 20th century. *Litera*, (6). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.6.74519> (In Russ.).
22. Barth, R. (1989). Death of the author. In R. Barth. *Selected Works: Semiotics. Poetics* (p. 384–391). Progress. (In Russ.).
23. O'Flaherty, K. (1967). Natalie Sarrot: An essay on how to understand an experimental novel. *University Review*, 4(2), 128–137. (2025, May 11). <http://www.jstor.org/stable/25504776>

Sources

1. Sarrot, N. (2000). *Tropisms. The Era of suspicion* [*Tropismes. L'Ère du soupçon*]. Polinform-Talburi.
2. Sarrot, N. (1992). The gift of speech [Speech gift]. *Novy`j mir*, (4).
3. Sarrot, N. (2001). *Portrait of the unknown = Portrait d'un inconnu Kudesova*. Polinform-Talburi. (Parallel text in Russian and French).
4. Sarraute, N. (1970). *Le planetarium*. Roman [*The planetarium*. Novel]. Gallimard.
5. Sarrot, N. (1995). *Childhood. Golden fruits*. A. Taganov (Intro. art.). Polinform.

Информация об авторах

Елена Радифовна Иванова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Елизавета Ильинична Гришина — аспирант 3-го года обучения, департамент филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Elena R. Ivanova — Dr. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Elizaveta I. Grishina — 3rd year Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.



Научная статья

УДК 811.112.2'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-64-81

ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА ТРАДИЦИЙ, МНЕНИЙ, ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, МИРОВОЗЗРЕНИЙ

Гришаева Людмила Ивановна

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия,

grischaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Аннотация. Рассуждения относительно особенностей порождения и восприятия текста того или иного типа посвящены анализу актуальных тенденций в организации текстовой ткани: семантической, синтаксической, функциональной, семиологической. Многоаспектный и комплексный анализ этих тенденций проводится на примере текстов Лорио (Loriot), порожденных в качестве комментариев перед оперными постановками. В текстах Лорио тенденции, актуальные для текстов разных типов: гибридизация, креолизация, экспрессивизация, эмотивизация, карнавализация, ориентированность на субъекта, стилистическая диффузия, проникновение традиций устной коммуникации в письменную и наоборот, диалогизация монологических текстов, — проявляются предельно ярко и очевидно. В этих текстах синхронно и непротиворечиво соединяются сведения из разных типов действительности: реальной, фикциональной, виртуальной. Тенденция к диалогизации описывается как проявляющаяся в разной степени и различными способами. Выделяются две разновидности диалогизации: эксплицитная и имплицитная; основным критерием к их разграничению становится степень выраженности проникновения принципов организации текстов, ранее бытующих первично в непосредственном взаимодействии носителей языка и культуры, в монологические тексты, первично бытовавшие в устной и/или письменной коммуникации как при опосредованной, так и при непосредственной коммуникации носителей языка и культуры. Через анализ диалогизированного

монологического по форме текста вычленяются разнородные и разноуровневые средства диалогизации, главные из которых — элементы из функционально-семантического поля модальности. Для последних функция диалогизации монологического текста становится вторичной, причем первичная — выражение разной по своему характеру модальности (отдельные виды объективной и субъективной модальности прежде всего) — не утрачивается в процессе диалогизации текста, а наслаивается на вторичную. Диалогизация текста описывается как проявление тенденций, имманентных современному информационному обществу, и прежде всего тенденции к субъективности, гедонизму, ориентации на потребности субъекта-реципиента. Поэтому текстовое пространство — вне зависимости от его текстотипологических особенностей — интерпретируется как пространство для диалога традиций, мнений, интерпретаций, мировоззрений, а сам текст — как интерфейс реальной, фикциональной, виртуальной действительности.

Ключевые слова: текстосемантическая, текстосинтаксическая, функциональная, семиологическая организация; эксплицитная и имплицитная диалогизация монологического текста; актуальные тенденции в организации текста.

Для цитирования: Гришаева, Л. И. (2026). Текст как пространство для диалога традиций, мнений, интерпретаций, мировоззрений. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 64–81. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-64-81>

Original article

UDC 811.112.2'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-64-81

TEXT AS A SPACE FOR THE DIALOGUE OF TRADITIONS, OPINIONS, INTERPRETATIONS, AND VIEWS

Liudmila I. Grishaeva

Voronezh State University,
Voronezh, Russia,

grischaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Abstract. Reflections on the specific features of the generation and perception of texts of various types focus on the analysis of current trends in the organization of texts, including semantic, syntactic, functional, and semiotic dimensions. A multifaceted and comprehensive analysis of these trends is conducted using the texts created by Lorient as commentaries preceding opera performances. In Lorient's texts, tendencies characteristic of different text types — such as hybridization, creolization, expressivity, emotivity, carnivalesque elements, subject orientation, stylistic diffusion, the penetration of oral communication traditions into written texts and vice versa, and the dialogization of monologic texts — are manifested with particular clarity and intensity. These texts synchronously and coherently integrate information from different types of reality: real, fictional, and virtual. The tendency toward

dialogization is described as manifesting itself to varying degrees and through different mechanisms. Two types of dialogization are distinguished: explicit and implicit. The primary criterion for their differentiation is the degree to which principles of text organization that originally functioned in direct interaction of language speakers penetrate monologic texts, which traditionally existed in oral and/or written communication, both mediated and face-to-face. Through the analysis of formally monologic yet dialogized texts, heterogeneous and multilevel means of dialogization are identified, the most significant of which are elements belonging to the functional-semantic field of modality. For these elements, the function of dialogizing a monologic text becomes secondary, while the primary function — the expression of different types of modality (above all, specific forms of objective and subjective modality) — is not lost in the process of dialogization but rather layered onto the secondary function. Text dialogization is interpreted as a manifestation of tendencies inherent in contemporary information society, primarily those oriented toward subjectivity, hedonism, and the prioritization of individual needs. Consequently, textual space — regardless of its textual typological characteristics — is understood as a space for the dialogue of traditions, opinions, interpretations, and views, while the text itself is viewed as an interface between real, fictional, and virtual realities.

Keywords: textual semantic, syntactic, functional and semiotic organization; explicit and implicit dialogization of monologic text; current trends in text organization.

For citation: Grishaeva, L. I. (2026). Text as a space for the dialogue of traditions, opinions, interpretations, and views. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 64–81. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-64-81>

Введение

Многочисленные исследования в области теории и типологии текста, выполненные на разнообразном теоретическом фундаменте с самыми разными целеустановками, позволяют акцентировать внимание на наиболее ярко выраженных тенденциях в организации текста. Судя по изученной литературе, чаще всего складывается такой список: гибридизация, креолизация, диалогизация, экспрессивизация, эмотивизация, карнавализация, уплотнение межтекстовых и интертекстуальных связей в языковой культуре и др. (см. обширную, практически необозримую специальную литературу, например: Анисимова, 2019; Анисимова, Милеева, 2024; Взаимодействие..., 2025; Гришаева, 2025а; Парадоксальность..., 2025; Пастухов, 2014, 2024; Шилихина, 2014; Языковая..., 2023; Berdt, Tonger-Erk, 2013; Fix, 2008; Grishaewa, 2016; и др.). Характерно, что упомянутые тенденции с неодинаковой степенью отчетливости прослеживаются в разных языковых культурах, а также в организации различных типов текста. Интересно также то, что трансформации подобного рода отражаются на семантической, синтаксической, функциональной, семиологической организации текстовой ткани¹.

¹ Перечисленные аспекты организации текстовой ткани оказываются, как свидетельствует анализ текстов разного типа (см. подробнее, например: Взаимодействие..., 2025; Гришаева, 2020; Парадоксальность..., 2025; Языковая..., 2023; Grishaewa, 2016), наиболее

Последнее особенно значимо как в обще- и частнотеоретическом смысле, так и в прикладном отношении, поскольку каждый текст того или иного типа является результатом речемыслительной, дискурсивной деятельности с помощью средств культурных кодов. Вместе с тем каждый текст представляет собой по существу один из многочисленных, потенциально вероятных в языковой культуре способов и средств фиксации с помощью элементов одного (языка) или нескольких невербальных кодов: оптического, акустического, проксемического, хроненимического и иных. (Последние особо важно принимать во внимание, если анализировать в качестве текстов фильмы, видеофильмы, рекламные тексты, музыкальные тексты, город как текст и др., т. е. трактовать феномен «текст» в широком смысле). Необходимо также акцентировать, что каждый текст порождается согласно некоторому **инварианту**, исторически сложившемуся в языковой культуре. Он бытует в культуре как один из вариантов некоторого инварианта, как средство фиксации некоего конкретного способа решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи, избранный носителем языка и культуры с конкретными и весьма разнообразными психическими, социальными, физиологическими, профессиональными особенностями (развернутую аргументацию данного тезиса см.: (Гришаева, 2020)).

В обозначенном контексте особого внимания заслуживает парадокс, являющийся таковым лишь на первый взгляд. Имеются в виду, с одной стороны, такие явно выраженные характеристики современного общества, как анонимизация общения, подчеркнутая субъективность мнений, гедонизм, акцентированная монологичность суждений. С другой стороны, нельзя не обратить внимание также на не менее ярко прослеживаемую потребность в четком разграничении информационного шума и салиентных сведений, явно осознаваемую обоими коммуникантами потребность в конденсировании информации, уплотнении информационного потока при взаимодействии, явном и неявном структурировании информационного потока с помощью не только известных в культуре, но и абсолютно новых техник трансляции коммуникативно и когнитивно релевантной информации, очевидную и последовательную ориентацию на особенности реципиента и др.

Судя по результатам наблюдений над текстами разного типа, вышеупомянутый парадокс разрешается так, как это выявлено при описании перечисленных ранее тенденций в организации текстовой ткани, наблюдаемых в разных культурных пространствах (см.: анализ примеров).

чувствительными к разнообразным изменениям в языковой культуре (характеристику современного информационного общества, например, см.: (Tsvasman, 2006)). Соответствующие изменения обуславливают выбор способов и средств (вербальных и/или невербальных) объективации сведений, салиентных в актуальном взаимодействии носителей языка и культуры, порядок последовательности объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений о мире, степень их детализации, способ их аранжирования, выбор продуцентом текста одного из потенциально вероятных способов и средств воздействия на реципиента и др.

Тенденция к диалогизации как текстограмматически релевантный признак

Наиболее выраженной тенденцией из названных ранее, думается, справедливо будет признать тенденцию ко все более выраженной диалогизации монологических текстов². Названная тенденция проявляется в том, что соотношение между монологическими и диалогическими структурами в текстовом пространстве все более явно смещается в сторону диалога³ и/или квазидialogа. В текстовом пространстве в той или иной мере воспроизводится ситуация взаимодействия между носителями языка и культуры. Все более очевидно потенциальному реципиенту порождаемого и/или порожденного текста предлагается через особенности организации текста представление об участниках реального либо квазиреального общения.

В таких случаях при обмене репликами-высказываниями на состав последних, по мнению Т. Г. Винокур, «влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» (Винокур, 2000а, с. 135). В качестве типичных признаются содержательная и конструктивная связь реплик, выражающаяся в секвенциях речевых действий, добавлении сведений, их пояснении или распространении формулы речевого этикета и др. (Винокур, 2000а, с. 135). Диалогическая речь описывается как первичная, естественная форма языкового общения (Винокур, 2000а, с. 135), генетически восходящая к устно-разговорной сфере, «для которой характерен принцип экономии средств словесного выражения» (Винокур, 2000а, с. 135).

В отличие от диалогической монологическую речь характеризуют как активную речевую деятельность, рассчитанную «на пассивное и опосредованное восприятие» (Винокур, 2000б, с. 310)⁴. Это речь, для которой «типичны

² Следует подчеркнуть, что излагаемая здесь трактовка тенденции к диалогизации не является тождественной интерпретации понятия Dialogizität/«диалогизация», как эта тенденция трактуется в качестве полифонии, вариативности речи в контексте «чужого слова» (см.: Volkmann, 2001, S. 111–112). Предлагаемая здесь интерпретация диалогизации текста также не идентична осмыслению понятия Dialogizität как интертекстуальности (ср. с мнением В. Кёстера в: Köster, 2000, S. 235–236).

³ Интересно в этой связи вспомнить особенности повествования в романах второй половины XX века, а также особенности соотношения нарратора и персонажей романа того или иного жанра. Это же касается организации и иных нарративных текстов.

⁴ Думается, что характеристики *активная (речевая деятельность)* и *пассивное (восприятие)* нецелесообразно абсолютизировать, поскольку и в том и в другом случае речь может идти исключительно об условных и относительных оценках когнитивной деятельности обоих участников взаимодействия — о продуcente и реципиенте. Последние не могут не быть активными при восприятии гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, при их категоризации и концептуализации, профилировании и конфигурировании, при оценке соотношения «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура», при интерпретации реципиентом послания продуцента и/или при выборе продуцентом средств и способов реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий

значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющие индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершенность» (Винокур, 2000б, с. 310). Особо подчеркивается, что монологическая речь «в той или иной мере “диалогизирована”, т. е. содержит показатели <...> стремления говорящего повысить активность адресата» (Винокур, 2000б, с. 310).

Насколько, по сути, эфемерной является изначально грань между диалогом и монологом как отдельными, относительно самостоятельными видами взаимодействия между носителями языка и культуры, можно убедиться при знакомстве с началом текста типа «комментарий» (ср.: примеры 1 и 2). Последний, судя по способам организации текстовой ткани в цитируемом отрезке текстового целого, правомерно охарактеризовать как абсолютно монологический, если следовать процитированным ранее характеристикам и канонам интерпретации монологичности/диалогичности. (Одной чертой в примере 1 подчеркнуты средства выражения продуцентом субъективной модальности, переключающие восприятие реципиента с монологического регистра на диалогический при осмыслении им воспринимаемых сведений и интерпретации содержания порождаемого продуцентом высказывания).

Пример 1

Richard Wagner

Der Ring des Nibelungen

Die Täter im gewaltigen Drama der Musikgeschichte sind eigentlich ganz nette Leute. Nur eine gemeinsame Leidenschaft wird ihnen zum Verhängnis: Sie wollen mehr besitzen, als sie sich leisten können, mehr Macht, als ihnen zusteht. In blindem, lieblosem Gewinnstreben vernichten sie sich selbst und ihre Welt.

Zum Glück gibt es ja dergleichen nur auf der Opernbühne. <...> (Loriot, 2007, S. 70)

(Рихард Вагнер

Кольцо Нибелунгов

Персонажи колоссальной в истории музыки драмы вообще-то очень милые люди. И только одна общая страсть становится для них проклятием: они хотят владеть большим, чем они себе могут позволить, больше власти, чем им полагается. В слепом, лишенном любви стремлении выиграть как можно больше они уничтожают себя и свой мир.

К счастью, такое случается только на оперной сцене.) (Здесь и далее перевод наш. — Л. Г.)

при порождении текста. Другое дело, что степень осознанности и отрефлектированности соответствующих действий со стороны продуцента и реципиента не может быть по определению тождественной, что также целесообразно принимать во внимание при оценке и осмыслении соответствующих процессов.

Пример 2

<...> Nicht gerade ein Happy-End also, aber der Urzustand ist fast wiederhergestellt. Die Partitur *läßt* einen neuen Anfang zu.

Noch bleibt uns die Hoffnung, es werde *so manches auch unseren Göttern* dämmern, ehe der Vorhang endgültig gefallen ist. Ende (Loriot, 2007, S. 93–94).

(Ну, в общем, совсем не хеппи-энд, но начальное положение дел почти восстановлено. Партитура позволяет начать заново. У нас еще остается надежда, что де нашим богам еще кое-что светит, прежде чем занавес окончательно падет. Конец.)

Маркерами переключения монологического (по форме) сообщения на диалогическую по своей сути коммуникацию могут стать и иные языковые средства, в частности способы организации типа текста. Цитируемый текст является в текстотипологическом отношении комментарием. Он порождается определенно с ориентацией на особенности потенциального реципиента — знатока оперы, с одной стороны, и реципиента, не отягощенного знаниями из высокой культуры — с другой. Среди признаков диффузии границ «монологичность ⇔ диалогичность» необходимо назвать также средства номинации, маркирующие разные виды пространственно-временного континуума: сценического, театрального, оперного пространства. В то же время текст содержит также средства, маркирующие пространство межличностного взаимодействия между комментатором оперной постановки (Лорио) и слушателями оперы (как знатоками оперы, так и филистерами) (см.: пример 2, в котором упомянутые средства подчеркиваются двойной линией).

Поэтому и отдельные средства объективации сообщаемых сведений осмысляются реципиентом как **аксиологически** нагруженные, как оценка реальной для слушателей действительности, находящейся **за пределами** и оперного театра, и сюжета оперы, и комментария к постановке. Осознание данного обстоятельства — отрефлексированное и/или же интуитивное — побуждает реципиентов понимать суждения *ehe der Vorhang endgültig gefallen ist // Ende* (прежде чем занавес окончательно падает // Конец) как **вывод** конкретным субъектом познания и коммуникации (в данном случае — Лорио) из анализа **актуальных** процессов и событий в реальной действительности, как **прогноз** (*Götterdämmerung*⁵) (смерть/закат богов), основывающийся на хорошо проработанном знании из своей для продуцента, а также из иных культур.

Другими словами, текстовое пространство комментария к опере превращается в пространство диалога между историей и современностью, между предками и потомками, идеалами и их воплощением в реальности.

⁵ Вспомним название одной из опер из соответствующей тетралогии Р. Вагнера — «*Götterdämmerung*», что чрезвычайно нагружено многослойными ассоциациями прежде всего в немецкой культуре для многих ее носителей, в особенности для образованной публики — любителей оперного искусства.

Выражая высказанную мысль иначе, необходимо обратить внимание на то, что в подобных случаях в одном и том же коммуникативном пространстве имеет место своего рода встреча традиций и новаций, мнений и интерпретаций, а также мировоззрений у разных категорий носителей одной и той же культуры, осуществляющих один и тот же вид деятельности с распределением функций согласно принципам организации интеракции «посещение оперного спектакля». Особенно важно подчеркнуть контраст восприятия сведений, транслируемых в анализируемом тексте, между мировоззрением знатоков оперы, с одной стороны, и мировоззрением обывателей, филистеров, для которых актуальными при восприятии произведений высокой культуры становится содержание бытовых представлений, фиксируемых бытовыми стереотипными представлениями о мироустройстве и о целеполагании, — с другой.

Следствием описанного положения дел становится правомерность трактовки текстового пространства с его особенностями семантической, синтаксической, функциональной, семиологической организации как пространства для диалога традиций, мнений, интерпретаций, мировоззрений.

Правомерность — и целесообразность — подобного осмысления способов организации разноуровневых языковых средств можно в том числе подкрепить и размышлениями В. Д. Девкина о связи лексических и синтаксических процессов в диалогической речи. Так, В. Д. Девкин в свое время писал: «Для диалогической речи характерная возможность некоторого **несоответствия** между фактической информативностью (содержательной стороной) и имеющимися ярко выраженными языковыми средствами. <...> **Степень сокращения высказывания** в диалоге зависит не только от того, что ясно из контекста и ситуации, и по этой причине не требует особых средств выражения. Возможности сжатия предложения определяются также строевыми особенностями языка <...>» (Девкин, 1979, с. 12; выделено нами. — Л. Г.).

Интересно также обратить внимание на то, что В. Д. Девкин, анализируя актуальные для конца XX века изменения в использовании языковых средств, называет ряд постоянно действующих факторов, так или иначе обуславливающих изменения в функционировании языка: «<...> ускорение процесса развития языка <...>; более **широкий охват носителей языка**, вовлеченных в его изменение <...>; **повышение личностной активности** в модернизации, преобразовании языка <...>; обновление языка в этико-эстетическом аспекте» и др. (Девкин, 2015, с. 12; выделено нами. — Л. Г.).

Таким образом, в фокусе анализа теоретически значимой и важной в прикладном отношении проблематики находится изучение особенностей содержательной, формальной, функциональной и семиологической организации текстовой ткани в коммуникативных продуктах разного типа (т. е. в текстах разного типа). Поэтому **цель** подобного исследования целесообразно сформулировать как поиск наиболее ярко выраженных тенденций в актуальных текстовых пространствах и объяснение проявления именно этих тенденций именно на данном этапе бытования языковых культур.

Методология исследования

В основе исследования — **холистический макротекстовый** подход к анализу различных аспектов организации текстовой ткани, побуждающий трактовать выбор продуцентом текста средств и способов реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий как выбор в определенных условиях средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи (подробнее см.: Гришаева, 2020, 2025а, 2025б). Другими словами, все способы объективации в интеракции коммуникативно и когнитивно релевантных, а также салиентных сведений, главным образом все механизмы вербализации транслируемых в коммуникации сведений, осмысливаются как подчиненные текстограмматическим, т. е. закономерностям организации текстового целого, а именно интенциональной, тематической, содержательной, формальной, функциональной, семиологической целостности на микро- и макротекстовом уровнях.

В качестве **материала** исследования, отобранного как адекватного сущности изучаемой проблемы, стали тексты («Loriots Kleiner Opernführer» / «Малый гид по операм от Лорио»), написанные Лорио (Loriot) для комментирования опер, поставленных в Мюнхенском национальном театре в 1987–1992 годах и в Берлинской Немецкой опере в 1996–2002 годах (Loriot, 2007, S. 153). Комментарий к тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов» (Der Ring des Nibelungen) впервые был предложен слушателям в Национальном театре в Маннхайме 18 октября 1992 года (Loriot, 2007, S. 153). (Подробную характеристику соответствующих текстов как отражающих особенности коллективной идентичности носителей немецкой языковой культуры см.: Гришаева, 2025б).

Данный текст признается адекватным охарактеризованным особенностям семантической, синтаксической, функциональной, семиологической организации текстовой ткани, если он:

- является монологическим по форме и диалогическим по сути продуктом речемыслительной деятельности носителя немецкого языка и культуры;
- представляет собой гибридное образование: в текстовой ткани встречаются принципы содержательной, формальной, функциональной организации не только комментария, но и аргументативных, нарративных, аксиологических, экспликативных текстов;
- апеллирует к адресатам двух категорий — знатокам оперы и профанам, потенциальным случайным посетителям оперного театра (подробнее характеристику таких текстов см.: Гришаева, 2025б);
- дает исчерпывающее представление о проникновении оральных традиций в скриптуральные, о стилистической диффузии, о гибридизации, карнавализации и иных особенностях организации текстов разных типов, как они проявили себя к концу XX века;
- содержит многочисленные и разнообразные по своей природе маркеры диффузии границ между монологичностью и диалогичностью в качестве,

по выражению Т. Г. Винокур, внешних показателей диалогизированности монологической речи (Винокур, 2000б, с. 310), в том числе и обращения, риторические вопросы и пр. (см.: разъяснения в примерах относительно разных способов маркирования изучаемых явлений).

Тем самым очевидно, что многоаспектное, комплексное описание принципов организации таких текстов действительно адекватно постановке исследовательских задач: изучению диалога традиций, мнений, интерпретаций, мировоззрений, как они рефлектируются через изменения принципов организации текстовой ткани на современном этапе функционирования языка в качестве средства познания и коммуникации, средства фиксации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений о мире (пример 3; ср.: примеры 1–2). В примере 3 одной чертой выделяются средства неявной апелляции к реципиентам (как слушателям оперы, так и читателям соответствующих текстов), двумя чертами — средства передачи сведений о реальной действительности, пунктирной линией — средства вторичной номинации элементов фикциональной действительности (оперы), являющиеся по своей сути анахронизмами при обозначении персонажей оперы, волнистой линией — средства явной апелляции к реципиенту.

Пример 3

<...> Das Rheingold

Der erste Teil der Tetralogie beginnt in jener vorgeschichtlichen Zeit, in der es noch möglich war, im Rhein zu baden. Getragen von 136 Takten in Es-Dur versinken wir über den Grund des Flusses an den Ursprung der Welt.

Mit dem Auftauchen der Rheintöchter, drei unbekleideten, passionierten Schwimmerinnen, ist das Ende der Unschuld vorprogrammiert. Das bekannte Gesangstrio singt ebenso gut unter wie über Wasser und hört auf die Künstlernamen Woglinde, Wellgunde, Floßhilde. Unverantwortlicherweise sind die Damen mit der Bewachung eines hochbrisanten Wertobjektes, des sogenannten Rheingoldes, betraut, ohne im mindestens hierfür geeignet zu sein. Sie lassen sich vor Ort ansprechen von einem gewissen Alberich aus Nibelheim.

Die Damen witern willkommene Kurzweil und treiben mit dem zwergenwüchsigen Voyeur ein aufreizendes, übles Spiel, wobei sie seinen Stolz als Liebhaber empfindlich verletzen. Schließlich geben sie in Kicherlaune auch noch das Betriebsgeheimnis preis: Maßlose Macht über die Welt fällt demjenigen zu, der das Rheingold zu einem Ring zu schmieden vermag und dafür zeitlebens auf Liebe verzichtet.

Kein Wunder: Alberich fühlt sich ohnehin um den erotischen Erfolg betrogen und greift statt dessen nach der Weltmacht. Er flucht auf die Liebe, raubt das Gold und verschwindet in Richtung Nibelheim. Das Unheil nimmt seinen Lauf.

Wenn die Rheintöchter, sagen wir mal... etwas entgegenkommender gewesen wären, hätte man sich drei weitere aufwendige Opern sparen können. Das sollte zu denken geben. <...> (Loriot, 2007, S. 70–71).

(Золото Рейна

Первая часть тетралогии начинается в те доисторические времена, когда в Рейне еще можно было купаться. Уносимые 136 тактами в тональности Es-Dur, мы погружаемся через дно реки до истоков мира.

Всплытие дочерей Рейна, трех не одетых, страстных пловчих, предвосхищает конец невинности. Известное трио поется одинаково хорошо как под водой, так и над водой и откликается на искусственные имена Воглинде, Вельгунде, Флосхильде. Безответственным образом дамам поручена охрана крайне ценного дорогостоящего объекта, так называемого золота Рейна, несмотря на то что для этого они, по крайней мере, никак не подходят. Здесь они позволяют заговорить с собой некоему карлику Альбериху из Нибельхайма.

Дамы чуют желанное отдохновение и увлекательно и недобро заигрывают с малолетним воаёром, причем при этом они чувствительно ранят его гордость как любовника. В конце концов они в шутовском расположении духа выдают и производственную тайну: безграничная власть над миром выпадет тому, кто сумеет выковать из золота Рейна кольцо и за это на всю жизнь откажется от любви.

Ничего удивительного в том, что Альберих, и без того чувствующий себя лишенным эротических успехов, хватается за власть над миром. Он проклинает любовь, крадет золото и исчезает по направлению в Нибельхайм. Несчастье начинает проявляться.

Если бы дочери Рейна, так сказать..., были бы более внимательными, можно было бы в дальнейшем сэкономить время на трех долгих операх. Это дает пищу для размышлений.)

Результаты и дискуссия

Таким образом, анализируя разные способы проявления границы монологичности/диалогичности в текстах разного типа, мы видим, что, во-первых, в одном текстовом пространстве могут причудливо сочленяться сведения о разных типах действительности: реальной, фикциональной, виртуальной. Любопытно, что соответствующие сведения синхронно соприсутствуют порой даже в одном микротексте, а не в разных, как это типично, согласно текстограмматическим и текстотипологическим исследованиям (см.: примеры 1–3; Гришаева, 2025а). Отмеченные тенденции довольно легко выявить с опорой на свойства определенных разноуровневых средств, специализирующихся либо на способах выражения сведений о типах реальности, либо на передаче в тексте сведений о нетождественных темпоральных и/или локальных пространствах. (О различных способах сочленения в тексте того или иного типа персональных, локативных, темпоральных текстовых сеток, присущих текстам разных типов, см.: Ноздрина, 2009; Ноздрина, Ноздрина 2023).

Во-вторых, монологический по всем традиционным канонам текст содержит явные и неявные средства апелляции к реципиентам, что делает границы монологичности/диалогичности явно диффузными, более сложно выстроенными, чем это представляется на первый взгляд. Саму же тенденцию к диалогизации текстов разного типа целесообразно описывать как более

очевидную и на данном этапе бытования языковой культуры как довольно характерную для организации текстов разного типа. Тенденция к диалогизации поддерживается тенденцией к гибридизации способов семантической, синтаксической, функциональной организации текстов (подробнее см.: Гришаева, 2020; Grischewa, 2016; Пастухов, 2014, 2024; и др.), а также тенденцией к креолизации (подробнее см.: Анисимова, 2019; Анисимова, Милеева, 2024; Взаимодействие..., 2025; и др.), карнавализации (также см.: Гришаева, 2020; Парадоксальность..., 2025; Шилихина, 2014; Языковая..., 2023; и др.).

В-третьих, маркеры диалогизации текстовой ткани оказываются крайне разнородными по своему статусу и разнообразными по своему характеру (см. приведенные ранее примеры), а их интерпретация реципиентами разных категорий основывается на владении носителями языка и культуры дифференцированным знанием о культуре, в том числе и о высокой культуре. В то же время адекватность интерпретации реципиентом соответствующих знаний зависит как от его умения трактовать соотношение «знание, объективируемое в коммуникации средствами культурных кодов, ⇔ знание, не объективируемое в коммуникации, но активируемое и соактивируемое средствами объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений», а также от умения реципиента в разных ситуациях осмыслять соотношение «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура» адекватно замыслу и посланию продуцента, содержащегося в тексте, воспринимаемом реципиентом.

В-четвертых, умение различать границы между разными типами реальности и адекватно интерпретировать маркеры монологичности/диалогичности не всегда однозначно зависит от общности культурной идентичности у отдельных субъектов как носителей одной коллективной, но разных личностных идентичностей. Важным фактором, обуславливающим адекватность и корректность интерпретации послания продуцента, становятся профессиональный и иной социокогнитивный опыт, а также уровень владения текстограмматическим и текстотипологическим знанием, как последнее понимает, в частности, У. Фикс (Fix, 2008).

Сказанное побуждает усматривать при интерпретации в текстовом пространстве границ монологичности/диалогичности разную степень их выраженности, с одной стороны, и их разные типы — с другой.

Анализ проявления тенденции к диалогизации первично монологичных в языковой культуре типов текста позволяет выявить ее эксплицитную и имплицитную разнovidности.

При эксплицитной диалогизации речь идет, по сути, о гибридизации принципов семантической, синтаксической, функциональной организации двух или более текстов разного типа. Правомерно будет выделить несколько способов распознавания эксплицитной диалогизации текстовой ткани, которые можно, очевидно, различать, пользуясь выражением Т. Г. Винокур, по внешним показателям диалогизированности монологической речи (Винокур, 2000б, с. 310).

Имплицитную диалогизацию усмотреть сложнее, поскольку соответствующие маркеры крайне разнообразны и полифункциональны (см.: приведенные ранее примеры 1–3). Соответствующие тексты оказываются полимодальными в разных смыслах.

Во-первых, такие тексты насыщены средствами объективной, субъективной, внутрисинтаксической модальности, выражающими разные типы модальности, как они выделяются в том числе и в философских трудах. Подобные средства, детально описанные через анализ средств функционально-семантического поля модальности, реализуют при этом как свои первичные, так и вторичные функции.

Во-вторых, сегодня в качестве полимодальных тексты все чаще характеризуются с семиологической точки зрения, когда с опорой на когнитивно-психологические традиции при их порождении принимается во внимание использование средств разных семиотических систем.

Однако, в-третьих, полимодальными соответствующие тексты можно трактовать и с точки зрения сочленения разных типов действительности — реальной, фикциональной, виртуальной — в одном текстовом пространстве, поскольку все перечисленные типы реальности выражаются средствами функционально-семантического поля модальности, как они описываются в функциональной грамматике (см.: примеры 1–3).

Следствием может быть трактовка любого текстового пространства в качестве интерфейса реальной, фикциональной, виртуальной действительности (аргументы в пользу такой трактовки текста и анализ соответствующих средств см.: Гришаева, 2025a). Способом распознавания типов реальности становится главным образом умение носителей языка и культуры осмыслять активируемые и соактивируемые средства объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений, а также умение более или менее адекватно интерпретировать соотношение сведений о мире, объективируемых и необъективируемых в коммуникации, но активируемых и соактивируемых теми же самыми средствами объективации сведений. Ведь без последних в принципе не представляется возможным установление взаимопонимания между продуцентом и реципиентом как носителями одной и той же коллективной идентичности (подробнее рассуждения Фр. Кликса о валентности понятий см.: (Klix, 1984)).

Кроме того, при имплицитной диалогизации особую роль необходимо отводить знанию принципов организации инвариантов текста и принципов их варьирования в различных условиях под влиянием разнородных и разноуровневых, разнонаправленных, разнообразных факторов различной этиологии, внешних и внутренних по отношению к порождаемому и/или воспринимаемому тексту (подробнее см.: Гришаева, 2020; Grischaewa, 2016).

Заключение

Изучение особенностей семантической, синтаксической, функциональной, семиологической организации текстов разного типа на фоне текстограмматических и текстотипологических традиций, исторически сложившихся в языковой культуре, позволяет выявить и описать актуальные тенденции, свойственные организации текстовой ткани и обеспечивающие сохранение, поддержание и развитие функционального потенциала текстов того или иного типа в соответствующей языковой культуре.

Отмечая ряд тенденций, поддерживающих и/или стимулирующих разнообразные преобразования в организации текстов как коммуникативной, интенциональной, формальной, содержательной и семиологической целостности, правомерно особо подчеркнуть тенденцию к диалогизации текста, прослеживаемую в текстах разного типа и все более ярко проявляющую себя в различных коммуникативных пространствах и практиках.

Тенденция к диалогизации интерпретируется как связанная со все более последовательной ориентацией на потребности адресата и его психологические, социокультурные особенности, которые становятся все более значимыми в связи с изменением общества — с переходом его к современным системам информационного типа. Это обуславливает потребность в четком разграничении информационного шума и знаний, данных и знания, в развитии новых способов структурирования информационного потока в условиях, специализирующихся на том или ином параметре коммуникативной ситуации. Подобная потребность тесно связана с иными характеристиками современного общества, такими как анонимизация, медиатизация, субъективация, гедонизм и др.

Диалогизация монологических текстов обеспечивает изменение в актуальных коммуникативных условиях организации текста как способа фиксации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений тем, что текстовое пространство становится вольно и/или невольно, а также и со стороны носителей языка и культуры сознательно и/или неосознанно **пространством диалога** в прямом и переносном смысле: традиций и новаций, различных мнений по разным поводам, нескольких интерпретаций к одному и тому же событию, разных мировоззрений. Подобные виды диалога оказываются сегодня весьма востребованными в полиэтнической, поликонфессиональной, поликультурной, **субъектоориентированной** среде.

Типы сочленения монолога и диалога в текстовом пространстве целесообразно изучать как проявление тенденций к взаимопроникновению особенностей организации устной коммуникации в письменное общение, и наоборот. Гибридизация принципов организации соответствующих текстов прослеживается и в новой коммуникативной среде — в компьютерно-опосредованной коммуникации.

Средства диалогизации разнообразны как по своей этиологии, сфере функционирования, так и по своему статусу и специализации на коммуникативные и когнитивные задачи, решаемые субъектами в качестве носителей языка и культуры.

Маркеры диалогизации монологических текстов имеют разную природу и разный функционал. Они различаются по степени своей очевидности для носителей языка как в большей или меньшей степени специализирующиеся не на типе коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой коммуникантами здесь и сейчас, а на стремлении структурировать сообщаемую реципиенту информацию, на акцентировании салиентных сведений.

В таком контексте менее значимыми оказываются также параметры коммуникативной среды — устной, письменной, компьютерно-опосредованной, характер контакта между носителями языка и культуры как коммуникантами — непосредственного и/или опосредованного теми или иными техническими средствами либо иными носителями и/или инструментами, используемыми носителями культуры для/при трансляции коммуникативно и когнитивно релевантных сведений в той или иной ситуации взаимодействия.

Список источников

1. Анисимова, Е. Е. (2019). *Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты*. Монография. ФГБОУ ВО МГЛУ.
2. Анисимова, Е. Е., & Милеева, О. А. (2024). *Религиозный дискурс: антропологический и лингвокультурологический аспекты*. Монография. Триумф.
3. *Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры*. (2025). Коллективная монография. Л. А. Козлова (Науч. ред.). АлтГПУ.
4. Гришаева, Л. И. (2025а). Соотношение объективированных и необъективированных сведений о мире при взаимодействии носителей языка и культуры. *Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры* с. 127–171). Коллективная монография. Л. А. Козлова (Науч. ред.). АлтГПУ.
5. *Парадоксальность нормы в языке и коммуникации*. (2025). Коллективная монография. Л. И. Гришаева, И. А. Меркулова (Ред.). Воронежский государственный педагогический университет.
6. Пастухов, А. Г. (2014). Динамизация свойств медиатекста. *Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты* (с. 174–195). Сборник научных трудов, посвященный юбилею Л. И. Гришаевой. Наука-Юнипресс.
7. Пастухов, А. Г. (2024). О речевой динамике. *Язык, коммуникация и социальная среда*, (22), 36–43.
8. Шилихина, К. М. (2014). *Семантика и прагматика вербальной иронии*. Монография. Наука-Юнипресс.
9. *Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?* (2023). Коллективная монография. Н. Н. Германова, В. А. Пищальникова (Ред.). Рема.
10. Berndt, F., & Tonger-Erk, L. (2013). *Intertextualität. Eine Einführung*. Erich Schmidt Verlag.
11. Fix, U. (2008). *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Frank & Timme.

12. Grischawa, L. I. (2016). Makro-Textsortenanalyse: universelles und Kulturspezifisches. In R. Freudenberg-Findeisen (Hg.). *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht* (S. 69–81). Georg Olms Verlag Hildesheim.
13. Гришаева, Л. И. (2020). *Варьирование текста в коммуникации*. Монография. Наука-Юнипресс.
14. Tsvasman, L. (Hrsg.). (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte* (134–140). Ergon Verlag.
15. Volkmann, L. (2001). Dialogizität. *Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze–Personen–Grundbegriffe* (S. 111–112). Verlag J. B. Metzle.
16. Köster, W. (2000). Intertextualität. *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945* (S. 235–236). R. Schnell (Hrsg.). Verlag J. B. Metzler.
17. Винокур, Т. Г. (2000а). Диалогическая речь. В В. Н. Ярцева (Гл. ред.). *Языкознание* (с. 135). Большой энциклопедический словарь. Большая Российская энциклопедия.
18. Винокур, Т. Г. (2000б). Монологическая речь. В В. Н. Ярцева (Гл. ред.). *Языкознание* (с. 310). Большой энциклопедический словарь. Большая Российская энциклопедия.
19. Lorient. (2007). Note. *Lorient's Little Opera Guide* (p. 153–155). Diogenes Taschenbuch. (In Russ.).
20. Девкин, В. Д. (1979). *Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика*. Международные отношения.
21. Девкин, В. Д. (2015). *Язык и юмор*. Монография. И. П. Амзаракова (Ред.). Хакаское книжное издательство.
22. Гришаева, Л. И. (2025б). О значимости соотношения объективируемых и необъективируемых сведений о мире при рецепции текста. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете, Вып. 15*, 353–380.
23. Lorient. (2007). Anmerkungen. *Lorient's Kleiner Opernführer* (S. 153–155). Diogenes Taschenbuch.
24. Ноздрина, Л. А. (2009). *Интерпретация художественного текста: поэтика грамматических категорий*. Дрофа.
25. Ноздрина, Л. А., & Ноздрина, А. С. (2023). *Vorlesungen zur Textgrammatik (mit praktischen Aufgaben zur Erweiterung der Fachkompetenz)*. Курс лекций с практическими заданиями и заданиями для расширения профессиональной компетенции. В. М. Глушак (Ред.). Прометей.
26. Lorient. (2007). Richard Wagner. Der Ring des Nibelungen. *Lorient's Kleiner Opernführer* (S. 70–94). Diogenes Taschenbuch.
27. Klix, F. (1984). *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Deutscher Verlag der Wissenschaften.

References

1. Anisimova, E. E. (2019). *Religious discourse: functional and anthropological aspects*. Monograph. MSLU. (In Russ.).
2. Anisimova, E. E., & Mileeva, O. A. (2024). *Religious discourse: anthropological and linguocultural aspects*. Monograph Triumph. (In Russ.).

3. *The interaction of texts, discourses and codes in the semiotic space of culture*. (2025). A collective monograph. L. A. Kozlova (Ed.). AltGPU. (In Russ.).
4. Grishaeva, L. I. (2025a). The ratio of objectified and non-objectified information about the world in the interaction of native speakers and culture. In L. A. Kozlova (Ed.). *Interaction of texts, discourses and codes in the semiotic space of culture* (p. 127–171). A collective monograph under scientific. AltGPU. (In Russ.).
5. *The paradoxical norm in language and communication*. (2025). A collective monograph. L. I. Grishaeva, I. A. Merkulova (Eds.). Voronezh State Pedagogical University. (In Russ.).
6. Pastukhov, A. G. (2014). Dynamization of media text properties. *The subject of cognition and communication: linguistic and intercultural aspects* (p. 174–195). Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of L. I. Grishaeva. Nauka-Unipress. (In Russ.).
7. Pastukhov, A. G. (2024). On speech dynamics. *Language, communication and the social environment*, (22), 36–43. (In Russ.).
8. Shilikhina, K. M. (2014). *Semantics and pragmatics of verbal irony*. Monograph. Nauka-Unipress. (In Russ.).
9. *Linguistic norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or encroachment on self-expression?* (2023). Monograph. N. N. Germanova, V. A. Pischalnikova (Eds.). Rema. (In Russ.).
10. Berndt, F., & Tonger-Erk, L. (2013). *Intertextualität. Eine Einführung*. Erich Schmidt Verlag.
11. Fix, U. (2008). *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Frank & Timme.
12. Grishaeva, L. I. (2016). Makro-Textsortenanalyse: universelles und Kulturspezifisches. In R. Freudenberg-Findeisen (Hg.). *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht* (S. 69–81). Georg Olms Verlag Hildesheim.
13. Grishaeva, L. I. (2020). *Text variation in communication*. Monograph. Nauka-Unipress.
14. Tsvasman, L. (Hrsg.). (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte* (134–140). Ergon Verlag.
15. Volkmann, L. (2001). Dialogizität. *Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze–Personen–Grundbegriffe* (S. 111–112). Verlag J. B. Metzle.
16. Köster, W. (2000). Intertextualität. *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945* (S. 235–236). R. Schnell (Hrsg.). Verlag J. B. Metzler.
17. Vinokur, T. G. (2000a). Dialogic speech. *Linguistics* (p. 135). The Great Encyclopedia. V. N. Yartsev (Gl. ed.). Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya.
18. Vinokur, T. G. (20006). Monologue speech (p. 310). *Linguistics*. The Great Encyclopedia. V. N. Yartsev (Gl. ed.). Great Russian Encyclopedia.
19. Lorient. (2007). Note. *Lorient's Little Opera Guide* (p. 153–155). Diogenes Taschenbuch. (In Russ.).
20. Devkin, V. D. (1979). *German colloquial speech: Syntax and vocabulary*. Mezhdunarodny'e otnosheniya. (In Russ.).
21. Devkin, V. D. (2015). *Language and humor*. Monograph. I. P. Amzarakova (Gen. ed.). Xakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.

22. Grishaeva, L. I. (20256). On the importance of the ratio of objectified and non-objectified information about the world in the reception of the text. *German Philology at St. Petersburg State University, Issue 15*, 353–380. (In Russ.).
23. Lorient. (2007). Anmerkungen. *Lorient's Kleiner Opernführer* (S. 153–155). Diogenes Taschenbuch.
24. Nozdrina, L. A. (2009). *Interpretation of a literary text: poetics of grammatical categories*. Drofa. (In Russ.).
25. Nozdrina, L. A., & Nozdrina, A. S. (2023). *Lectures on text grammar (with practical tasks to expand professional competence)*. A course of lectures with practical tasks and tasks to expand professional competence. V. M. Glushak (Ed.). Prometej.
26. Lorient. (2007). Richard Wagner. Der Ring des Nibelungen. *Lorient's Little Opera Guide* (p. 70–94). Diogenes Taschenbuch. (In Russ.).
27. Klix, F. (1984). *Memory. Know. Use of knowledge*. Deutscher Verlag der Wissenschaften.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Гришаева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета.

Information about the author

Lyudmila I. Grishaeva — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at the Department of German Philology at Voronezh State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-82-92

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проскурин Сергей Геннадьевич

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия,

s.proskurin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Аннотация. Статья посвящена реконструкциям индоевропейской модели мира. Предпосылками исследования послужили две модели мира — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова (1984) и Ю. С. Степанова, С. Г. Проскурина (1990–1997). Актуальность работы обусловлена значимостью восстановления древнейших представлений о пространстве. Автором использованы методы классического сравнительно-исторического языкознания, семиотики и теории культуры. Внимание сфокусировано на концептуальных версиях: средний > дерево и трактовке (мировое) дерево > середина. Обнаружено, что концептуализированная область «мир» строится по кальке второй трактовки и сама реконструкция позволяет восстановить концептуальные географические модели, связанные с идеей центра. Выявлено, что архаические системы географического порядка основаны на модели мира индоевропейского слоя. Мир отражен в двух реконструкциях, совместимых и дополняющих друг друга. Первый ракурс оформляет расслоение живых существ на средний, верхний и нижний миры. Второй ракурс позволяет увидеть мировое древо как пространственный ориентир центра и как точку синонимизации и ассоциации корней «дерево» и «середина». Изучение древних мировоззрений базируется на алгоритмах, принятых в отдельных традициях. Нигде лексика индоевропейского словаря не расходится так, как в обозначениях мира. В отличие от реконструкции материальной лексики, которая зиждется на лексических архетипах, восстановление протоформ лексемы «мир» возможно только, если брать за основу означающее для конкретного слоя. Предлагаемые в публикации материалы помогают проследить становление лексического сегмента, приходящего к выражению базовой семантемы «мир». Обнаруживается определенный тип концептуализированной области, подчеркивающей идею центра. С помощью разработанной технологии в будущем можно анализировать в компаративистике и другие концептуализированные области на базе приводимой методики.

Ключевые слова: компаративистика, концептуализированная область, синонимизация, ракурс, топос.

Для цитирования: Проскурин, С. Г. (2026). Представления о мире в индоевропейской традиции. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 82–92. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-82-92>

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-82-92

IDEAS ABOUT THE WORLD IN THE INDO-EUROPEAN TRADITION

Sergey G. Proskurin

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,

s.proskurin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Abstract. The given article examines the reconstruction of the Indo-European model of the world. The prerequisites for the study were two models of the world by T. V. Gamkrelidze, V. Vs. Ivanov (1984) and Yu. S. Stepanov, S. G. Proskurin (1990–1997). The relevance of the research is determined by the significance of the reconstruction of the most ancient ideas about space. The research methods are based on classical comparative historical linguistics, semiotics, and cultural theory. The article discusses the conceptual versions: middle > tree and interpretation of (world) tree > middle. As a result, it turns out that the conceptualized area of the world is built according to the tracing paper of the second interpretation, and the reconstruction itself makes it possible to restore the conceptual geographical models associated with the idea of the center. The article reveals that archaic systems of geographical order are based on the world model of the Indo-European stratum. The world is presented in two reconstructions that are compatible and complement each other. The first perspective forms the stratification of living beings into the middle, upper and lower worlds. The second perspective represents the world tree as a spatial landmark of the center and as a point of synonymization and association of the roots «tree» and «middle». The reconstruction of representations of ancient worldviews is based on algorithms adopted in individual traditions. Nowhere does the vocabulary of the Indo-European dictionary differ as much as in the designations of the world. Unlike the restoring of material vocabulary based on lexical archetypes, the restoration of protoforms of lexemes — the world is possible only based on the signifier for a particular layer. The materials presented in the article make it possible to trace the formation of the lexical segment that comes to the expression of the basic semantem «world». A certain type of conceptualized domain is found, emphasizing the idea of a center. The developed technology will make it possible in the future to consider other conceptualized domains in comparative studies based on the given methodology.

Keywords: comparative studies, conceptualized field, synonymization, perspective, topos.

For citation: Proskurin, S. G. (2026). Ideas about the world in the indo-european tradition. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 82–92. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-82-92>

Введение

В восстановлении представлений о мире в индоевропейской традиции имеются специфические подходы, которые по-своему оформляют картину восприятия пространства. Так, нами регистрируется реконструкция 1984 года, принадлежащая Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову (Гамкрелидзе, Иванов, 1984). В ней мир показан в нашей терминологии в первом ракурсе как средняя часть дерева. В индоевропейском слое воззрений культурный термин «средний мир» трактуется как соотносящийся со средней частью или стволом «мирового дерева», которое «объединяет основных (участвующих в земных делах) богов, людей, домашних животных и диких четвероногих животных» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485). Таким образом, доминантой реконструкции выступает отношение по линии «средний – дерево», выраженное лексическим архетипом *med[h]io*, который имел рефлекс в др.-инд. *madhya* (ср. р.) «середина», «промежуточное пространство (между небом и землей)», *madhyama* «средний» (о промежуточном пространстве). По мнению древних, мир имеет вид архетектонического символа, направленного к небу. В работе С. Г. Проскурина, Ю. С. Степанова (1990–1997) мир — это центрированный топос, приоритетной линией которого выступает отношение «мировое дерево» – «середина» (Проскурин, 1990; Степанов, Проскурин, 1993; Степанов, 1995, 1997). Здесь мир явлен во втором ракурсе как середина, центр. Две указанные реконструкции абсолютно совместимы и дополняют друг друга в индоевропейском комплексном представлении о пространстве. Выяснение взаимоотношений этих реконструкций позволит увидеть приоритетную линию развития корней.

Методология исследования

Итак, в рассматриваемых реконструкциях мир дан в двух ракурсах: 1) как промежуточное пространство; 2) как «мировое дерево» в середине, центре. Первый ракурс оформляет расслоение животных на средний, верхний и нижний миры. Все живые существа в данной модели характеризуются как находящиеся в определенных частях такого «мирового дерева»: ствола, вершины и корней. Второй ракурс отражает «мировое дерево» как пространственный ориентир центра. Таким образом, индоевропейская модель мира как бы предполагает несколько взглядов на одну ситуацию. С одной стороны, дерево отмечается как делящее мир на три части, а с другой — мир имеет особую метку середины, изображенную в виде «мирового дерева». Если первый ракурс тщательно исследован в работе Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова, то второй ракурс центра проанализирован в текстах Ю. С. Степанова, С. Г. Проскурина (1993–1997). В настоящей статье акцент также делается на втором ракурсе — идее середины, центра.

Результаты исследования

В индоевропейском мире, в частности в Ирландии, сохранилась традиция выделения центральной точки — области Мит (*mide* — букв. *центр*). Как пишут братья А. и Б. Рисы, вся Ирландия поделена на четыре части и центр — Лейнстер, Мунстер, Коннахт и Мит (*mide*). Такое членение острова на пятины (*cóiced*) символизирует идею территориального деления острова — четыре области вокруг центра. Для нас представляет интерес, что корень центра в кельтской традиции коррелирует с древнегерманской номинацией мира *midja* – *gardaz* «средний мир», но букв. *центр, середина мира* (см. далее) (Рис, Рис, 2023, с. 97).

Согласно этимологии *mide*, «центр» соотносится с др.-герм. **midja-gardaz* и лексемой прус. *median* «дерево». Значение середины и дерева тесно ассоциированы и зависимы. В древнеанглийской традиции обнаруживается корреляция этимологии *middangeard* и протекста о дереве, который встраивается в сюжет поэмы «Даниил А». Так, идея центра мира, середины, вскрываемой в мотивировке *middangeard* как середины мира, косвенно эксплицируется в тексте поэмы «Даниил А»:

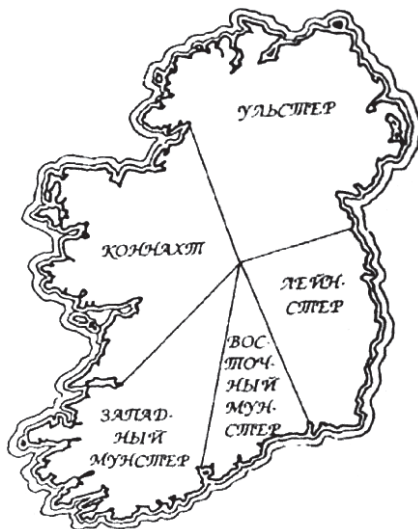
On foldan faegre stode
Wudubeam wlitig, se waes wyrtum faest
Beorht on blaedum naes he bearwe gelic
Ac he hlifode to heofontunglum
Swilce he oferfaeðmde foldan sceatas,
Ealne middangeard oð merestreamas
Twigum and telgum.

(Daniil A. 498–504)

На земле прекрасной стояло
Дерево красивое, оно было корнями крепкое,
Яркое плодами, не было оно равное роще,
Однако вознеслось к небесам, так оно объяло земные просторы,
Весь срединный мир ветвями и ветками.

(Цит. по: Проскурин, 2017, с. 225)

Далее идея мирового дерева как середины выступает лейтмотивом обозначения центра, середины. Прежде всего это проявляется в маркированности границы между двумя участками земли деревьями (ср.: рус. *межа*), поэтому

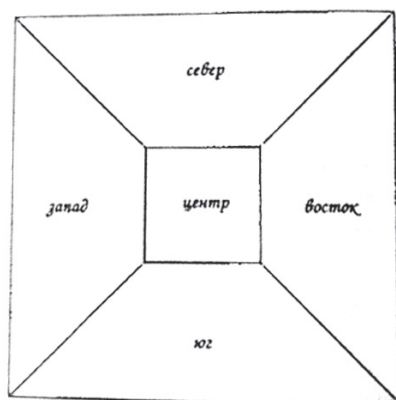


Источник: Рис, Рис, 2023, с. 96.

A source: Rees, Rees, 2023, p. 96.

Рис. 1. Пять областей Ирландии

Fig. 1. The five regions of Ireland



Источник: Рис, Рис, 2023, с. 96.

A source: Rees, Rees, 2023, p. 96.

Рис. 2. Концептуальная географическая модель

Fig. 2. Conceptual geographical model

неудивительно сближение ирл. *mide* — «центр, середина» и русского предлога *между* (ср.: Степанов, Проскурин, 1993).

Лексема **midja-gardaz* «центр мира» актуализируется в своем идеальном географическом значении применительно к географическим координатам саксов и англов. Так, в работе «Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе» (Celtic heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales), изданной в Лондоне в 1961 году, братья Рисы заявили о существовании подобной системы у саксов, поскольку названия королевств с позиции центра, а также юга, востока и запада (Эссекс, Суссекс, Уэссекс и Мидлсекс), вероятно, свидетельствуют о существовании модели центрированного топоса (Рис, Рис, 2023, с. 140).

Идеальная географическая модель, соотносимая с идеей центра, середины в индоевропейской культуре, выявляется на карте расселения саксов в раннем Средневековье. Опираясь на реконструкцию **midja-gardaz*, коррелирующую с кельтским *mide* («центр», «середина»), мы регистрируем принцип пятиин (центр и четыре вокруг), когда центр выступает реальной географической областью и ассоциируется с королевством *Middlesex*, места проживания *Middle Saxons*, по отношению к которым мотивируются названия приграничных королевств (Sussex, Essex, Wessex и т. д.).

Обратим внимание, что идея центра зависит от этнических корней переселенцев. В англосаксонских хрониках территорию Британии делят на две части относительно реки Хамбер как *Northumbria* и *Southumbria*. В северной части первоначально расселились англы, тогда как в южных королевствах — саксы и юты. В отличие от ютов, заселявших Кент, англы также образуют поселения с идеей пятины. Как мы показали, в реконструкции 1990–1997 годов древнегерманский композит представляет собой партитивный оборот, который прочитывается как «центр», «середина древнегерманского мира». Следовательно, деление королевств англов на *Middle Angles*, *East Anglia*, *Northumbria* и *Mercia* (от *tearc* — «граница») свидетельствует о центрированном топосе проживания древнегерманского народа.

Воссоздание представлений древних мировоззрений опирается на алгоритмы, принятые в отдельных традициях. В отличие от реконструкции материальной лексики, основанной на лексических архетипах, восстановление мировоззренческих лексем для древнего словаря связано с множественностью номинаций одной и той же сущности. В свое время мы выдвинули тезис о множественности концептуальных решений. Ключевое положение классической



Источник: Crystal, 2004, с. 24.

A source: Crystal, 2004, p. 24.

Рис. 3. Ранние регионы англосаксонской власти VII века

Fig. 3. Early regions of Anglo-Saxon power in the 7th cent

компаративистики в том виде, как его выразил А. Мейе (Мейе, 1938), сводится к тому, что нигде лексики индоевропейских языков не расходятся так разительно, как в терминах, касающихся мировоззрения, вероятно «потому, что у каждого племени были свои особые культы; нигде мы не встречаем столь мало достоверных сближений, а потому индоевропейская лингвистика может дать сравнительной мифологии мало надежных данных» (цит. по: Проскурин, 2005, с. 23). Можно легко убедиться в справедливости этого положения. Так же как и религиозные темы в номинациях мира, в индоевропейской традиции нам сложно определить единый лексический архетип, который был свойственен большинству номинаций. Означающее можно восстановить только как вероятное для конкретного слоя (Clackson, 2007, с. 187). Прежде чем рассматривать лексические архетипы, нам нужно вскрыть концептуальное содержание номинаций мира, а только затем реконструировать формальные средства как наиболее вероятные.

Помимо существования денотативной и сигнификативной лексики, имеются и смешанные материально-концептуальные группировки слов, в которых материальный объект (денотат) совмещается с сигнификатом. Последние мы назвали концептуализированными областями. К ним и относится концептуализированная область «мир» (Проскурин, Центнер, 2024; Проскурин, 2024). Так, концептуализированная область «мир», с одной стороны, совмещает материальные метки мира: дерево, столп, гора, пуп земли, алтарь и т. д., а с другой — связана с определением середины, центра.

При этом в индоевропейских воззрениях о мире нет единой протоформы, общей для темы «мир», т. е. лексического архетипа. Для выражения семантемы мир используются различные формы. Речь идет о том, что, в отличие от лексических архетипов материальной культуры, выражение семантемы «мир» проводится по индивидуальным параметрам.

Давайте обратимся к материалу индоевропейских традиций. Наиболее показательна этимология готской лексемы *fairhuus* — «мир». Этимология отыскивается на периферии индоевропейской традиции, но ее маргинальное положение свидетельствует о когда-то существовавшей центральности представления. В концептуализированной области «мир» готской традиции это слово взаимодействует с гот. *fairguni* — «гора». Совмещаются идеи центра мира и архитектурного символа, направленного ввысь, т. е. горы. Но более глубокие слои этимологических связей позволяют разглядеть глубинный символ центра — дерево. Так, и.-е. **perkʷ* соотносится с лат. *quercus* — «дуб», с одной стороны, а с другой — проступает связь со слав. *Перун* — «бог грома и молнии», лит. *Perkunas* — «то же», «гроза» и т. д. (Проскурин, Центнер, 2024, с. 47–48).

Другая готская лексема концептуализирует идею человеческого «посева». Это лексема *Manaseps*, которая буквально прочитывается как *посев Мана*. Слово соотносится с лат. *saeculum* — «мир», «век». Ману германцы приписывали трех сыновей, от которых пошли древнегерманские племена ингвеонов, иствеонов и эрминонов. Весь германский мир описывается рожденным от бога Мана. Речь не идет о просто посеве.

Третья готская лексема, гот. *midjungards*, коррелирует с серией номинаций в древнегерманских языках: др.-верх.-нем. *mittingart*, др.-англ. *middan-geard*, др.-исл. *Miðgarðr* и др. Готская лексема «мир» соотносится с идеей центра, середины (гот. *miduma*). В свою очередь, полученные данные связывают происхождение этого гнезда слов с идеей партитивного оборота, когда часть рассматривается только как часть целого и никак иначе. Именно центральный элемент — дерево, — являющийся сакральным символом середины, центра, позволяет понять метонимический перенос на обозначение мира вообще. В русской культуре слово *мир* также сопряжено с идеей меры, или измеренного пространства. Так, известна ассоциация центра мира со столпом: мир столбом стоит (Даль, 1989, с. 353).

В латинской традиции известны алтари — ямы, располагавшиеся в центре мира, которые назывались *мундусами*. Когда *mundus* открыт, то появляется доступ к подземному миру. Здесь мы обращаем внимание на итальянский ритуал пересечения центра мира (ср.: лат. *Tarentum*). В номинации *мира* в латинском как *mundus* проступает идея концептуализированной области индоевропейского порядка. Вместо идеи дерева *mundus* выступает в качестве альтернативного маркера центра, середины. Так, в жертвоприношениях римлян обосновывается связь алтаря — ямы и центра как рубежного места в космосе (Степанов, 1997; Проскурин, 2005).

Связь с ритуальной ямой, расположенной в центре кельтского мира **dubno*, выражена в совмещении значений «глубина, дно» и «мир». У кельтов в раннем Средневековье были распространены имена с первым компонентом *Dumno*, *Dubno*: *Dumnageni* — букв. «рожденный миром, ямой» (Степанов, Проскурин, 1993). Таким образом, в основе рассмотрения номинаций мира в индоевропейской традиции лежит идея центра мира, означенного деревом или другим монументальным сооружением, или ритуальным пунктом. Упомянутое позволяет предположить, что концептуализированная область «мир» выражается связью материального денотата в виде материального сооружения и сигнификата, означенного идеей центра. Следовательно, семантема «мир» в индоевропейской традиции имеет несколько похожих концептуализаций, но их объединяет схождение в идее середины, центра. Символами центра могут быть, в зависимости от традиции, разные алтари, но самая глубокая мотивировка индоевропейского космоса связана с деревом (др.-инд. *madhya*, ирл. *mide*, др.-герм. **midja-gardaz*), расположенным посередине ограды.

Рассматривая множественность номинаций мира в индоевропейской традиции, мы изначально констатировали отсутствие единого лексического архетипа, обслуживающего индоевропейскую традицию. Взгляды на мир во многом зависели от того, в какой традиции бытовал тот или иной термин, обозначавший мир. Несмотря на различие в номинациях мира, в ряде форм наблюдается некоторая общность в интерпретации абстрактного представления о центре, середине. На основании этого сделали заключение, что второй ракурс модели мира индоевропейцев является тем моментом, который объединяет все разрозненные концептуализации в единую концептуализированную область. Схождение разных корней, приходящих к выражению базовой семантемы «мир», свидетельствует о приоритете значения выражения середины через идею дерева. Ср.: рус. диал. *межа* — «лесок», лит. *medžias*, лат. *mežs* — «лес», «дерево». В этой части тезиса уточним доминирующую трактовку реконструкции 1984 года, указывающую на отношение «средний» → «дерево» как первоначальную соотнесенность лексемы со стволом дерева, в отличие от корней и вершины. Допускается иная направленность вышеотмеченной трактовки «дерево» (точнее, «мировое дерево») > «середина». В результате становится понятным, почему индоевропейские культуры предпочли синонимизацию корней «дерево» и «середина». В результате

ключевым тезисом становится утверждение о «мировом дереве», занимающем середину мира. Естественно, поэтому, как пишет Ю. С. Степанов, «слова, обозначающие середину, будут постоянно ассоциироваться, или синонимизироваться» (Степанов, 1995, с. 17). Тем самым слова «дерево» и «середина» уже связаны друг с другом независимо от того, какими терминами они будут обозначаться.

Таким образом, при анализе гнезда слов «мир» можно выделить две линии развития значений: 1) «дерево» > «средний» — как доминирующую в индоевропейской модели мира; 2) «средний» > «дерево» — как альтернативную модель трехчастного мира. Обе реконструкции имеют право на существование. Однако связь «средний» > «дерево» не позволяет объединить в одну концептуализацию многочисленные примеры взаимодействия значения «мир» и идеи «середина, центр». Следовательно, допустимо рассуждать о доминировании в реконструкции концептуализированной области «мир» трактовки «дерево» > «середина». В свое время Ю. С. Степанов отмечал, что в этом фрагменте словаря индоевропейской культуры данная ассоциация не носит универсального характера, а является ареальным явлением индоевропейского мира (Степанов, 1995, с. 16). Однако корни этой ассоциации оказывают влияние на формы значения середины.

Заключение

Итак, индоевропейские воззрения о мире берут свое начало от представлений о дереве. Рассматривается ли ствол с вершиной и корнями или маркирование деревом середины как определения источников номинации? Все зависит от конкретных традиций и взглядов.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что реконструкция индоевропейских представлений о мире свидетельствует о наличии нескольких версий концептуализации мира. Доминирующей трактовкой в восстановлении пространственных отношений все-таки будет идея «мирового дерева» как середины, или центра. Это направление вбирает в себя множественность номинаций середины с различными корнями, которые приходят к выражению базовой семантемы «мир». Остаточные явления первичной модели мира послужили лекалом, по которому выкраивались концептуализированные области (ср.: Проскурин и др., 2026).

Список источников

1. Гамкрелидзе, Т. В., & Иванов, Вяч. Вс. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Ч. 2. Издательство Тбилисского университета.
2. Проскурин, С. Г. (1990). *Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.04. Институт языкознания АН СССР].
3. Степанов, Ю. С., & Проскурин, С. Г. (1993). *Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия*. Наука.

4. Степанов, Ю. С. (1995). «Слова», «Понятия», «Вещи». К новому синтезу в науке о культуре. Вступительная статья. В Э. Бенвенист. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Пер. с фр. Ю. С. Степанов (Общ. ред. и вступ. ст.). Прогресс-Универс. (Впервые опубликовано в 1970 г.: Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-europeene*).
5. Степанов, Ю. С. (1997). *Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Школа «Языки русской культуры».
6. Рис, А., & Рис, Б. (2023). *Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе*. Т. А. Михайлова (пер. с англ.). Альма Матер, Гаудеамус. (Впервые опубликовано в 1961 г.: Celtic Heritage: Ancient Tradition in Ireland and Wales).
7. Проскурин, С. Г. (2017). Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях. *Критика и семиотика*, (1), 220–232.
8. Crystal, D. (2004). *The stories of English*. Penguin.
9. Мейе, А. (1938). *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. Государственное социально-экономическое издательство.
10. Проскурин, С. Г. (2005). *Семиотика индоевропейской культуры*. 2-е изд., перераб. Издательство СО РАН.
11. Clackson, J. (2007). *Indo-European linguistics. Introduction*. Cambridge University Press.
12. Проскурин, С. Г., & Центнер, А. С. (2024). *Историческая семиотика. К предыстории письменной культуры*. Учебное издание для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Лань.
13. Проскурин, С. Г. (2024). *Семиотика. Язык, культура, право*. Учебное издание для вузов. 2-е изд., стер. Лань.
14. Даль, В. (Сост.). (1989). *Пословицы русского народа*: в 2 т. Художественная литература.
15. Проскурин, С. Г., Центнер, А. С., Хоцкина, О. В., Ивлева, М. А., Клейман, Б. М., & Проскурина, А. В. (2026). *Этносемиотика. К вопросу о теории письменности*. Учебное пособие для вузов. 3-е изд., стер. Лань.

References

1. Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, Vyach. Vs. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of protolanguage and culture*. Part 2. Izdatel' stvo Tbilisskogo universiteta. (In Russ.).
2. Proskurin, S. G. (1990). *Old English spatial lexis of conceptualized domains* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences USSR]. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu. S., & Proskurin, S. G. (1993). *Constants of the world culture. ABCs and alphabetical texts in the periods of double faith*. Nauka. (In Russ.).
4. Stepanov, Yu. S. (1995). «Words», «Concepts», «Things». To a new synthesis in the science of culture. Introductory article. In E. Benvenist. *The Dictionary of Indo-European social terms*. Translated from French by Yu. S. Stepanov (General ed. and the introductory article). Progress-Universe. (First published in 1970: Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-europeene*). (In Russ.).
5. Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants: Dictionary of Russian culture. Experience of research*. Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'». (In Russ.).
6. Rees, A., & Rees, B. (2023). *Celtic Heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales*. T. A. Mikhailova (translated from English). AlmaMater, Gaudeamus. (First published in 1961: Celtic Heritage: Ancient Tradition in Ireland and Wales). (In Russ.).

7. Proskurin, S. G. (2017). Linguacultural transfer: image of the world in ancient traditions. *Critics and Semiotics*, (1), 220–232. (In Russ.).
8. Crystal, D. (2004). *The Stories of English*. Penguin.
9. Meillet, A. (1938). *Introduction in comparative studies of Indo-European languages*. Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izdatel'stvo.
10. Proskurin, S. G. (2005). *Semiotics of Indo-European culture*. 2nd edition, revised. Siberian branch RAS publishing house. (In Russ.).
11. Clackson, J. (2007). *Indo-European linguistics. Introduction*. Cambridge University Press.
12. Proskurin, S. G., & Tsentner, A. S. (2024). *Historical Semiotics. To the prehistory of written culture*. Educational publication for universities. 3rd edition, revised and expanded. Lan'. (In Russ.).
13. Proskurin, S. G. (2024). *Semiotics. Language, culture, law*. Textbook for universities. 2nd edition, revised. Lan'. (In Russ.).
14. Dal, V. (Comp.). (1989). *Proverbs of Russian people*: 2 vols. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
15. Proskurin, S. G., Tsentner, A. S., Khotskina, O. V., Ivleva, M. A., Kleiman, B. M., & Proskurina, A. V. (2026). *Ethnosemiotics. To the question of the theory of writing*. Textbook for universities. 3rd edition, revised. Lan'. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Геннадьевич Проскурин — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета.

Information about the author

Sergey G. Proskurin — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at the Chair of foreign languages of the Faculty of Humanities of Novosibirsk State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.112.2'42:659.1

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-93-101

ДИСКУРС – ТЕКСТ – СЛОВО (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНОГО НЕМЕЦКОГО ТЕКСТА)

Беляева Мария Вячеславовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

belyaevamv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. В рамках триады «дискурс – текст – слово» продемонстрированы некоторые лингвостилистические особенности немецкого рекламного текста, что позволяет увидеть специфику организации данного типа примеров по вертикали — от универсальных (общих) до конкретных лексических средств. Принято положение о том, что дискурс состоит из тематически детерминированных текстов, а они составляют его живую ткань. Дана характеристика рекламного дискурса в немецком языке в целях систематизации его основных лингвостилистических средств, выраженных универсальными языковыми единицами для формирования его стиля. Отмечено, что в нем реализуются и национально-культурные особенности, формирующие языковую картину мира и менталитет нации, что подтверждается приведенными примерами, заимствованными из немецких сайтов, находящихся в открытом доступе. Предпринятый в статье анализ позволяет прийти к заключению, что немецкие рекламные тексты используют широкий спектр лингвостилистических средств, отдавая предпочтение тематически релевантным словам и словосочетаниям, формирующим у потенциального потребителя как рациональное восприятие качеств продукта, так и его подчеркнуто эмоционально обусловленную оценку.

Ключевые слова: дискурс, текст, слово, национально-культурные особенности, лингвостилистические средства.

Для цитирования: Беляева, М. В. (2026). Дискурс – текст – слово (на материале рекламного немецкого текста). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 93–101. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-93-101>

Original article

UDC 811.112.2'42:659.1

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-93-101

LINGUISTIC FEATURES OF THE GERMAN ADVERTISING TEXT

Maria V. Belyaeva

Moscow City University,

Moscow, Russia,

belyaevamv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. Within the framework of the triad, discourse – text – word presents some linguistic and stylistic features of the German advertising text, which allows you to see the peculiarities of organizing texts of this type vertically from universal (general) to specific lexical means. The article accepts the proposition that discourse consists of thematically deterministic texts, and texts constitute the living fabric of discourse. Characterization of advertising discourse in German is given in order to systematize its main linguistic stylistic means, represented by universal language units to form the style of advertising discourse. It is noted that national-cultural features that form the linguistic picture of the world and the mentality of the nation are also implemented in advertising discourse, which is confirmed by the above examples borrowed from German sites that are in the public domain. The analysis undertaken in the article allows us to conclude that German advertising texts use a wide range of linguostylistic means, preferring thematically relevant words and phrases that form both a rational perception of the product's qualities and its emphasized emotionally determined assessment in a potential consumer.

Keywords: discourse, text, word, national-cultural features, linguostylistic means.

For citation: Belyaeva, M. V. (2026). Linguistic features of the German advertising text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 93–101. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-93-101>

Введение

Значение лингвистических понятий, образующих основу коммуникации, иллюстрирует следующее высказывание: «Представить себе мир без дискурса — это все равно, что представить себе мир без языка...» (Била, Иванова, 2020, с. 220). Проблемы коммуникации и определения ее вербальных характеристик продолжают оставаться актуальными с поправкой на то, как расставляются при этом исследовательские приоритеты. Современная лингвистика базируется на достижениях многих направлений, в том числе и на изучении дискурсивных практик, соотношении дискурсов и текстов как основания для описания письменной и устной форм речевого взаимодействия, при этом возникают все новые объекты исследования, соответствующие запросам общества (см.: Чупрына, 2020). Современная дискурсология рассматривает

дискурс в тесной связи с деятельностью человека в языковой и внеязыковой формах, причем в фокусе исследований находятся как обстоятельства его существования, так и формирующий его индивид; иными словами, в нем реализуются потребности человека в полном формате поставленных им целей и задач.

Методология исследования

В исследовании использованы методы наблюдения, обобщения и систематизации, что позволило уточнить соотношение между понятиями *дискурс*, *текст* и *слово*, а также показать взаимодействие между ними на примере рекламных текстов в немецком языке. В основе лежит слово и словосочетание, которые формируют соответствующий лексико-семантический контекст, что, в свою очередь, определяет общие лингвистические особенности соответствующего типа дискурса.

Результаты и дискуссия

О понимании того, как соотносятся понятия «дискурс» и «текст», существует много исследований, которые, однако, не дают единого представления, скорее показывают определенные различия в подходах к понятиям «дискурс» и «текст», не способствуя тем самым четкому представлению о предмете исследования (Киров, 2018; Миронова, 2023). В результате проблема определения границ и точек соприкосновения между ними до сих пор продолжает привлекать к себе внимание, оставаясь актуальной и востребованной.

Мы будем исходить из концепции Т. А. ван Дейка, который констатировал разницу между дискурсом и текстом, отметив, что первый соотносится с актуальным речевым действием, а второй являет собой понятие о лингвистической компетентности; иными словами, дискурс — это произнесенный текст, а тот, в свою очередь, — абстрактная грамматическая структура произнесенного (Дейк ван, 1998). Из приведенного определения ван Дейка следует, что дискурс и текст — две стороны одной медали, и если их рассматривать в плоскости синхронии, то они находятся в неразрывном единстве.

Текст служит результатом коммуникативно-речевой деятельности и в ходе нее строится по определенным закономерностям в соответствии с критериями текстуальности, сформулированными в широко известной концепции Р. А. де Богранда и В. У. Дресслера (Beaugrande, Dressler, 1981). Текст является многофункциональным речевым произведением, одновременно решающим актуальные задачи участников коммуникации и выстраивающим языковую картину мира, разделяемую всеми членами языкового коллектива. Таким образом, он обязательный компонент соответствующего дискурса; в плоскости синхронии

текст и дискурс взаимообусловлены. Дискурс представляет собой совокупность и реализацию тематически схожих текстов, выполняющих определенную функционально-коммуникативную задачу. Остается, вернувшись к триаде «дискурс – текст – слово», определить позицию третьего звена, т. е. слова. Оно участвует в формировании как дискурса, так и текста, однако, как отмечается лингвистами, в тексте слово выступает как элемент фиксированного результата речевой деятельности, а в дискурсе — как часть сложного коммуникативного процесса, включающего в себя и внеязыковые элементы, что подтверждает билатеральную природу слова как языковой и речевой единиц одновременно. Как известно, слово не только имеет лексическое значение, но и характеризуется наличием стилистических уровней (сниженный, нейтральный, возвышенный) и текстуально обусловленными параметрами (переносное значение, юмористическое звучание и пр.). Таким образом, слово — основная единица структурирования содержания и смыслов текста и его интеграции в соответствующий дискурс.

Обратимся к рекламному дискурсу, который в классификации В. И. Карасика (Карасик, 2000) отнесен к институциональному типу дискурсов, представляет собой вербальное поведение в рамках определенных сфер общения и характеризуются системообразующими признаками, основанными на общей цели — это своего рода клишированная форма общения. Рекламный дискурс определяется, как правило, с позиций тематического единства составляющих его текстов, с помощью которых осуществляется информирование целевых групп потребителей о тех или иных товарах и услугах таким образом, чтобы привлечь к ним внимание и мотивировать их приобретение (Борисова, 2018; Тюрина, 2009). Большинство рекламных текстов, помимо вербальных элементов, содержат визуальные (иконические: рисунки и фотографии), а также средства иных семиотических кодов (размер шрифта, цвет), т. е. являются креолизованными (Вашунина, 2020), что повышает эффективность их воздействия на потребителя.

В немецком рекламном дискурсе отмечается тенденция к использованию всевозможных средств информационной эффективности и уникальности сообщений, как вербального, так и невербального характера. В качестве эффективных лингвостилистических средств называют обычно привлечение элементов разговорной речи, употребление неологизмов, применение различных стилистических фигур (метафора, гипербола, литота, метонимия, перифраз и эвфемизм, сравнение, олицетворение и т. д.), фразеологических оборотов, в том числе и их переосмысление, а также задействие англицизмов и денглиш — гибридного языка, представляющего смешивание лексико-грамматических структур немецкого и английского языков. Лингвостилистические средства обобщенно могут быть обозначены как «рекламемы» (Самедова, Пестова, 2023).

Следует подчеркнуть, что любой язык служит выражением соответствующей национальной ментальности, а для немцев типично сохранение четкости и педантичности, апелляция к аргументам и фактам с цифрами и деталями,

и, как отмечает В. И. Карасик, немецкая точность выступает ценностной доминантой в рекламных текстах (Карасик, 2002, с. 166–205).

Специфика немецкого рекламного дискурса обеспечивается еще и тем, что немецкий и английский языки, относясь к группе германских языков, имеют много общего, что позволяет англицизмам и американизмам легче интегрироваться в структуру текстов. Наиболее часто подобное встречается в рекламных текстах технических устройств, аппаратуры и т. д., например: *Fingerabdruck-Sensor* «датчик отпечатков пальцев», *Virenbefall* «вирусная атака» и др. (Гегнер, 2012, с. 110).

Весьма эффективно применение фразеологизмов как в их первоначальном виде, так и их трансформаций в целях создания игрового эффекта узнавания зашифрованных в рекламе исходных фразеологизмов. Так, для рекламы туалетного утенка (*WC-Ente*) используется трансформация хорошо известного фразеологизма *Ende gut, alles gut* — «Все хорошо, что хорошо кончается». Приведем пример: *Die neue WC-Ente reinigt noch schneller und radikaler; sie verleiht dabei dem ganzen Raum ihre unverkennbare Frische, es riecht förmlich nach Sauberkeit... Ente gut — alles gut* (*WC Ente*, 2025, URL) — «Новый туалетный утенок чистит быстрее и радикальней; при этом он придает всему помещению неповторимую свежесть, все прямо пахнет чистотой... Где утенок, там все хорошо» (здесь и далее перевод наш. — М. Б.) Слово *Ende* (конец) заменено на слово *Ente* (утка), что дает в трансформированном фразеологизме эффект аллюзии и позволяет выстроить соответствующий ассоциативный ряд.

Рассмотрим несколько рекламных текстов косметического бренда Florena: 1. *Stiftung Warentest bestätigt: Mit Florena habe ich ein glückliches Händchen.* — «Проверка товаров подтвердила: с Флореной мне повезет/повезло — дословно: повезло моей ручке». Трансформация фразеологизма *eine glückliche Hand bei etw. haben* — «везет в чем-то» строится на игре слов (семантика всего фразеологизма не восходит к семантике слова «рука»), а в рекламном контексте важно прямое значение слова «рука» — крем для рук (также см.: Гегнер, 2012). Следующий пример интересен некоторыми тропами, о которых упоминалось ранее: *Eine natürlich schöne Haut mit gesunder Ausstrahlung — das ist unser Ziel. Unsere Pflegeprodukte enthalten bewährte natürliche Inhaltsstoffe und sind daher besonders hautverträglich. Stöbern Sie in unserem Sortiment und finden Sie die passenden Produkte für Gesicht, Körper und Hände — jeweils abgestimmt auf Ihren individuellen Hauttyp* [Florena] — «Естественно красивая кожа — это наша цель. Наши продукты содержат зарекомендовавшие себя натуральные ингредиенты, и поэтому они особенно благоприятны для кожи. Поищите в нашем ассортименте и найдите для себя подходящее для лица, тела и рук — то, что подходит вашему индивидуальному типу кожи». Текст рекламы построен на акцентировании преимуществ рекламируемых средств с помощью развернутых определений с повторением отдельных атрибутов (*natürlich schöne..., bewährte natürliche..., besonders hautverträglich*). Можно отметить четкое, присущее

для стиля немецкой рекламы позиционирование своей цели (*das ist unser Ziel*), а разговорный глагол *stöbern* «порыться, поискать» в сочетании с обращением к индивидуальному потребителю (*abgestimmt auf Ihren individuellen Hauttyp*) создают эффект доверительности и конкретной заботы о читающем данный рекламный текст.

Всем хорошо известны бренды шоколада, производимые в Германии, такие как Milka или Ritter Sport. Представим некоторые примеры, содержащие стилистические фигуры: *Milka: Die zarteste Versuchung, seit es Schokolade gibt* [Milka]. — «Милка: нежнейшее искушение с тех пор, как существует шоколад». Здесь присутствует гипербола, выраженная прилагательным в превосходной степени, подчеркивается высочайшее качество и неповторимость вкуса, что собственно и является преувеличением. Следующий пример — креолизированный текст, рекламирующий шоколад Ritter Sport: *Böse Erdbeeren kommen in die Marmelade. Gute enden hier. Ein süßes Wochenende wünschen wir Euch!* [Ritter Sport] — «Плохая клубника идет в джем. Хорошая попадает сюда» (текст сопровождается картинкой плитки шоколада Ritter Sport в розовой упаковке). Текст построен на антитезе — противопоставлении плохой и хорошей клубники, причем плохая попадает в джем, а хорошая используется в шоколаде. Завершается рекламный текст пожеланием хороших/приятных выходных. В немецком варианте присутствует слово сладкий в переносном и прямом значении — словосочетание *süßes Wochenende* (дословно: сладкие выходные) и сладкий/вкусный шоколад. Картинка воздействует на потенциального потребителя, вызывая желание купить шоколад, так как розовый цвет и кусочки клубники визуальнo подкрепляют выбор.

Далее обратимся к англицизмам и денглиш в рекламных текстах. Следует вспомнить, что во многих случаях до сих пор наблюдается чрезмерное увлечение английским языком, который в рекламных текстах может вводить потребителя в заблуждение или вовсе представлять непонятные ему смыслы. Яркий тому пример — фраза *Come in and find out* в рекламном слогане компании Douglas (Anglizismen: Come in...), владеющей сетью парфюмерных магазинов. По-английски смысл фразы: «Зайди и узнай». Однако немцы восприняли слоган в другом значении: «Зайди и найди дорогу к выходу/уйди» по аналогии с немецким *finde heraus*, что резко меняет коннотацию слогана с положительной на недопустимо грубую, отталкивающую потребителя. Использование англицизмов принимается, если отсутствуют немецкие обозначения для заимствованных понятий. Так, в немецкий язык прочно вошли слова из английского языка: Blog, Computer, Chat und Coaching, Fast Food, Management, Marketing, Newsletter und Notebook, Onlineshop, Software, Smartphone und Spam, Tablet, Website и др. [Anglizismen in der Werbung] — и их присутствие в соответствующих рекламных текстах не вызывает неприятия.

Заключение

Рекламный текст реализует прагматическую цель: установить взаимодействие рекламодателя с потенциальным потребителем с помощью таких лингвостилистических средств, которые наилучшим образом акцентируют положительные качества рекламируемого товара или услуги. Следовательно, его можно определить как пространство маркетинговой коммуникации, для создания которого привлекаются вербальные и визуальные средства. Он имеет свои специфические средства формирования текстов, получивших название «рекламем», т. е. обладает арсеналом лингвистических и экстралингвистических приемов, применяемых для осведомления целевой аудитории, с тем чтобы добиться эффективной продажи рекламируемого продукта.

Предпринятый в статье анализ позволяет прийти к заключению, что немецкие рекламные тексты охватывают широкий спектр лингвостилистических средств, отдавая предпочтение тематически релевантным словам и словосочетаниям, формирующим у потенциального потребителя как рациональное восприятие качеств продукта, так и его подчеркнуто эмоционально обусловленную оценку.

Источники иллюстративного материала / Sources of illustrative material

1. Florena. Pflegeprodukte. (2026, May 27). florena.de
2. Milka Alpenmilch. (2026, May 27). suess-versand.de>milka-alpenmilch.html
3. Ritter Sport. (2026, May 27). blog.ritter-sport.de>2010/09/08/neue-plakatmotive...
4. WC Ente¹. (2025, January 10). chemie.de>lexikon/WC-Ente.html
5. Englische Werbeslogans in Deutschland: die lustigsten Irrtümer! (2026, May 27). allesprachen.at>blog/englische-werbeslogans-in-...

Список источников

1. Биля, М., & Иванова, С. В. (2020). Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 219–252.
2. Чупрына, О. Г. (2020). Дискурс социального неравенства: проблема языковой репрезентации дискриминации по возрасту. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (1), 94–102.
3. Киров, Е. Ф. (2018). Текст и дискурс в семиотическом соотношении. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 17(2), 15–25.
4. Миронова, М. Ю. (2023). Научный дискурс: эволюция теоретико-методологических подходов и концепций. *Дискурс*, 9(2), 137–155.
5. Дейк ван, Т. А. (1998). *К определению дискурса*. (2025, 10 января). <http://psyberlink.flogiston.ru>internet/bits/vandijk2.htm>
6. Beaugrande, R.-A., & Dressler, W. U. (1981). *Einführung in die Textlinguistik*. Max Niemeyer Verlag.
7. Карасик, В. И. (2000). О типах дискурса. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* (с. 5–20). Сборник научных трудов. Перемена.

¹ В настоящий момент ссылка недоступна. — М. Б.

8. Борисова, Е. Г. (2018). *Рекламный дискурс: в чем его особенности?* Медиалингвистика, 5(4), 436–444.
9. Тюрина, С. Ю. (2009). О понятиях *рекламный дискурс* и *рекламный текст*. Вестник ИГЭУ, (1), 75–77.
10. Вашунина, И. В. (2020). Характеристика креолизованных текстов. *Креолизованный текст: Смысловое восприятие* (с. 23–51). Коллективная монография. И. В. Вашунина (Отв. ред.). Институт языкознания РАН.
11. Самедова, С. Н., & Пестова, М. С. (2023). Понятие рекламного дискурса в современной лингвистике. *Современные научные исследования и инновации*, (9). (2025, 18 января). <https://web.snauka.ru/issues/2023/09/100687>
12. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена.
13. Гегнер, Н. Е. (2012). Специфика рекламного дискурса (на материале немецкого языка). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(66), 109–112.
14. Eisenberg, P. (2013). *Anglizismen im Deutschen*. uol.de>f/3/inst/germanistik/fach/...

References

1. Bila, M., & Ivanova, S. V. (2020). Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 219–252. (In Russ.).
2. Chupryna, O. G. (2020). The discourse of social inequality: the problem of linguistic representation of age discrimination. *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 94–102. (In Russ.).
3. Kirov, E. F. (2018). Text and discourse in a semiotic relationship. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 17(2), 15–25. (In Russ.).
4. Mironova, M. Yu. (2023). Scientific discourse: evolution of theoretical and methodological approaches and concepts. *Diskurs*, 9(2), 137–155. (In Russ.).
5. Deyk, T. A., van. (1998). *Towards a definition of discourse*. (2025, January 10). <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (In Russ.).
6. Beaugrande, R.-A., & Dressler, W. U. (1981). *Einführung in die Textlinguistik*. Max Niemeyer Verlag.
7. Karasik, V. I. (2000). About types of discourse. *Linguistic personality: institutional and personal discourse* (p. 5–20). Collection of scientific papers. Peremena. (In Russ.).
8. Borisova, E. G. (2018). Advertising discourse: what are its features? *Media Linguistics*, 5(4), 436–444. (In Russ.).
9. Tyurina, S. Yu. (2009). About advertising *discourse* and *advertising text* concepts. *Bulletin of ISPEU*, (1), 75–77. (In Russ.).
10. Vashunina, I. V. (2020). Characteristics of creolized texts. *Creolized Text: Sense Perception* (p. 23–51). Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
11. Samedova, S. N., & Pestova, M. S. (2023). The concept of advertising discourse in modern linguistics. *Modern scientific research and innovation*, (9). (2025, January 18). <https://web.snauka.ru/issues/2023/09/100687> (In Russ.).
12. Karasik, V. I. (2002). *The language circle: personality, concepts, discourse*. Peremena. (In Russ.).
13. Gegner, N. E. (2012). Specifics of advertising discourse (based on German material). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(66), 109–112. (In Russ.).
14. Eisenberg, P. (2013). *Anglizismen im Deutschen*. uol.de>f/3/inst/germanistik/fach/...

Информация об авторе

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), Professor, Full Professor at German Language and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'373.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-102-124

АКТУАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ШЛЕЙФ

Алпатов Владислав Викторович

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

alpatov.v@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-4597>

Аннотация. В статье рассматриваются так называемые модные слова и выражения — актуальная лексика в английском языке второй половины 2024 года и начала 2025 года — вместе со шлейфом основанных на ней стилистических приемов, на материале новостных бюллетеней газеты The Telegraph. Наряду с нарицательной лексикой, в фокус внимания попадает ономастическая лексика: и та и другая отражают актуальные единицы британского лексикона и ономастикона указанного периода и различные стилистические приемы, передающие связанные с ними смысловые доминанты. Предпринимается попытка моделирования соответствующего фрагмента лексической структуры в ее динамике на данном временном отрезке с привлечением модели когнитивной матрицы. Такой подход позволяет высветить основные доминанты британской общественно-политической жизни в текущий момент и их оценку в умеренно консервативном дискурсе: деятельность лейбористского правительства во главе с Киrom Стармером и ее влияние на различные группы населения (пенсионеры, лендлорды и фермеры), громкие скандалы и происшествия (драка в Манчестере, убийство в Саутпорте с последующими беспорядками по всей стране и др.). Результаты исследования могут быть полезны в дальнейшем изучении актуальной лексики в английском языке, а также в преподавании ряда теоретических и практических предметов в языковом вузе.

Ключевые слова: модные слова, модные выражения, ключевые слова текущего момента, актуальная лексика, медиалингвистика, британская политика.

Для цитирования: Алпатов, В. В. (2026). Актуальная лексика и ее стилистический шлейф. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 102–124. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-102-124>

Original article

UDC 811.111'373.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-102-124

VOGUE WORDS AND CATCH
PHRASES WITH THEIR STYLISTIC TRAIL

Vladislav V. Alpatov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

alpatov.v@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-4597>

Abstract. The article examines «vogue words» and catch-phrases — the current vocabulary — together with a trail of related stylistic devices in English, in the second half of 2024, based on the news bulletins of The Telegraph newspaper. Both common nouns and proper names come into focus, reflecting the current units of the British lexicon and onomasticon of this time period, as well as various stylistic devices that convey associated semantic dominants. An attempt is made to model the unfolding of the corresponding fragment of the lexical structure over this time period using the cognitive matrix model. This approach also allows us to highlight the main leitmotifs of British socio-political life during this period and their assessment in the conservative discourse: the activities of the Labour government led by Keir Starmer and their impact on various groups of the population (pensioners, landlords and farmers), as well as resonant scandals and incidents (the Manchester brawl with subsequent protests, the Southport murder with subsequent riots throughout the country, etc.). The results can be used in further studies of the current English vocabulary, as well as in teaching theoretical and practical courses at linguistic departments.

Keywords: vogue words, catch-phrases, media linguistics, cognitive matrix, UK politics.

For citation: Alpatov, V. V. (2026). Vogue words and catch phrases with their stylistic trail. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 102–124. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-102-124>

Предварительные замечания и методология. Актуальность лексикостилистических исследований состоит, в частности, в анализе современной картины мира, выяснении и констатации с лингвистической стороны фактов социальной и психологической жизни современного общества.

В этом смысле любопытными и сравнительно малоисследуемыми единицами выступают «модные фразы» и «модные слова», или «ключевые слова современности», «ключевые слова эпохи», «ключевые слова текущего момента» (Попова, 2019, с. 155), актуальная лексика. В свое время «модные фразы» (catch phrases) и «модные слова» (vogue words) как фразы и лексемы, популярные какое-то время в обществе или отдельной социальной группе, выделял Д. Кристал (Crystal, 2003, с. 178–179). Модные, или актуальные, слова и фразы отличаются от окказионализмов и неологизмов и могут представлять собой обычные лексемы и фразы, вынесенные на время на гребень общественных

обсуждений. Т. Г. Добросклонская также отмечает, что «существует некая мода на определенные слова и выражения, распространяемая через средства массовой информации» (Добросклонская, 2005, с. 48), (ср.: Кротова, 2013).

Модные слова и выражения обладают слово- и смыслопорождающим потенциалом в масштабах языка и его подсистем. Яркие примеры есть в ономастической лексике: футболист *Ельцин Texeda* (*Yeltsin Tejeda*) 1992 года рождения был назван в честь Президента Бориса Ельцина, имя которого было на слуху не только в российской, но и в зарубежной прессе; после Крымской войны, которую активно освещала пресса, в Англии появились микротопонимы, включающие в себя названия *Alma*, *Sebastopol*, *Inkerman*; в России встречаются клички котов *Чубайс* и *Черномырдин*¹ и т. д. (другие примеры см.: Ахметова, 2013).

Хотя сам термин, обозначающий актуальные слова и выражения, еще не совсем устоялся и можно спорить по поводу уместности термина «модные слова» — поскольку они не обязательно именно модные, т. е. нравятся людям, равно как они не обязательно являются ключевыми для текущего момента или тем более эпохи, — однако это не должно становиться препятствием для изучения самого явления — актуальной лексики. Можно согласиться с В. Поповой, которая пишет: «Парадоксально, что модные слова находятся, как правило, в центре реальной речевой деятельности и в то же время — на периферии исследовательских интересов, присущих лингвистам» (Попова, 2011, с. 169), хотя в последнее время появляются словари и работы по изучению этого пласта лексики, особенно в рамках медиалингвистики, ср.: (Скляревская, 2006; Журавлева, 2009; Абабий, 2016; Леонтьева, 2018; Новиков, 2018; Иссерс, Мельник, 2019; Калинина, 2021; Сперанская, 2021; Ян, 2022; Драгичевич, 2023; Серова, Семишова, 2023; Путилина, 2024; Sumskaia, Islova, 2024). Об оценочной лексике в медиатексте также см.: (Серебренникова, 2024).

В то же время модные слова и выражения (словосочетания, идиомы) функционируют в связке с другими единицами лексической сети актуального языка и обладают потенциалом для порождения других словосочетаний и экспрессивных фрагментов речи в результате применения стилистических приемов. Далее мы попытаемся проследить несколько сетей таких взаимосвязанных лексических единиц на материале ежедневного новостного бюллетеня газеты *The Telegraph*² с 1 июня 2024-го по 14 января 2025 года, а затем рассмотрим их потенциальный когнитивный фон.

Цель исследования — выявить и ввести в научный оборот актуальную лексику в дискурсе авторов газеты *The Telegraph* и ее аудитории, чтобы описать доминанты общественно-политической жизни Великобритании в указанный период и смоделировать микрофрагмент лексической системы современного английского языка в ее становлении.

¹ Например: Боевой кот Черномырдин помогает бойцам в зоне СВО. URL: <https://dzen.ru/a/ZDvrmXT4MEPzgVD>

² <https://www.thetelegraph.com/>

За основу мы взяли общественно-политическую составляющую новостей как наиболее актуальную. Далее в приведенном анализе учтены рассылки новостных бюллетеней (newsletters), представляющих собой предельно сжатую версию дневной газеты: общий Telegraph Front Page и тематические Telegraph Editor, Telegraph Opinion, Telegraph Travel, Telegraph Lifestyle, Telegraph Alerts. Первый выходит ежедневно утром и вечером, за исключением нерабочих и праздничных дней, когда готовится только один выпуск, содержащий краткий обзор основных новостей за сутки с ключевыми заголовками и минимальными аннотациями к нескольким важнейшим новостям (в среднем 700–800 слов каждый). Остальные содержат от 18 до 500 слов и издаются с разной периодичностью — от одного до нескольких раз в неделю, Alerts — спорадически, при срочных сообщениях о крупных новостях. Всего нами учтено 989 таких новостных бюллетеней.

Временные рамки выбранного промежутка — с 1 июня 2024-го по 14 января 2025 года; его начальной точкой определен июнь — предвыборный месяц, когда победа лейбористов казалась уже весьма вероятной и в СМИ обсуждали их планы реформ. Необходимо также отметить, что The Telegraph (далее — «Телеграф») — газета правого толка, в целом поддерживающая консерваторов, и, соответственно, рассматриваемые актуальные слова принадлежат политическому дискурсу, характерному для аудитории «Телеграфа». В первом полугодии 2024 года редакторы, колумнисты и журналисты, видимо, понимая, что их партия с большой вероятностью проиграет июльские выборы, признавали неудачность многих политических шагов тори и критиковали их изнутри, в нейтральном ключе описывали нарастающие симпатии населения к партии лейбористов, но уже заранее начинали подвергать критике их политические обещания. Во втором полугодии, когда Кир Стармер вступил в должность премьер-министра Великобритании, «Телеграф» превратился в оппозиционное издание и лейбористская политика стала для него в основном предметом критики.

В рамках настоящей статьи мы не претендуем на исчерпывающий анализ всех актуальных/модных слов и словосочетаний за эти полгода, но в качестве примера берем одни из наиболее частотных и показательных. Отбор единиц проведен в два этапа: 1) методом контент-анализа выявлены повторяющиеся инфоповоды, репрезентативные для текущего периода и оказывающие разнообразное влияние на жизнь страны, в том числе вызывающие сильный эмоциональный отклик населения, который выражается как в экстралингвистической реальности, так и в инфосфере; 2) связанные с отобранными инфоповодами ключевые слова подвергнуты статистическому анализу для верификации гипотезы об их актуальности. Формальный критерий для отбора единиц, помимо их роли в смысловой реализации инфоповода, — их повторяемость, которая в нашем материале ранжируется от 7 (*Storm Bert*) до 365 (*Keir Starmer*), что демонстрирует их потенциал как актуальных слов и словосочетаний, находившихся в информационном поле аудитории от нескольких дней до нескольких месяцев. В некоторых случаях дополнительно проанализирована сочетаемость данных лексических единиц

для выявления их оценочной окраски. Всего рассмотрено 16 нарицательных слов и словосочетаний, 16 имен собственных (в сумме 1 705 словоупотреблений) и свыше 30 стилистических приемов.

Нарицательная лексика. Начнем анализ с нарицательной лексики — ряда актуальных в эти 6,5 месяца отдельных слов и словосочетаний, представленных в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1 / Table 1

Актуальная нарицательная лексика
Current common lexis

Слово или выражение	Количество новостных бюллетеней, включающих в себя данное слово или выражение								Итого
	2024 год							1–14 января 2025 года	
	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь		
tax raid ‘налоговый рейд’	12	17	14	13	26	27	6	–	115
private school VAT ‘НДС для частных школ’	1	2	–	1	3	1	2	–	10
inheritance tax ‘налог на наследство’	6	5	7	2	17	31	8	1	77
winter fuel (payments) ‘(выплаты на) зимнее топливо’	–	3	9	19	6	3	–	–	40
Budget ‘Государственный бюджет’	1	3	8	7	42	36	9	–	106
working people ‘трудящиеся’	4	–	5	2	11	3	1	–	26
farmers ‘фермеры’	1	1	–	–	3	29	3	1	38
electric car ‘электромобиль’	5	3	3	6	4	6	6	1	34
Woke/DEI идеологии ‘пробужденно- сти’, ‘многообразия, равен- ства и инклюзивности’	6	2	1	3	7	7+3	5	2 + 1	24
mass migration ‘массовая миграция’	–	1	–	6	2	–	6	1	16
riots ‘беспорядки’	–	3	28	1	2	2	–	–	36
freebies ‘бесплатные бонусы’	–	–	–	7	2	–	–	–	9
reparations ‘репараций’	–	–	–	–	9	–	–	–	9

Слово или выражение	Количество новостных бюллетеней, включающих в себя данное слово или выражение							Итого	
	2024 год								
	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь		1–14 января 2025 года
Chinese spy ‘китайский шпион’	1	–	1	–	–	–	11	–	13
grooming gangs ‘банды педофилов’	–	–	–	–	–	–	–	17	17

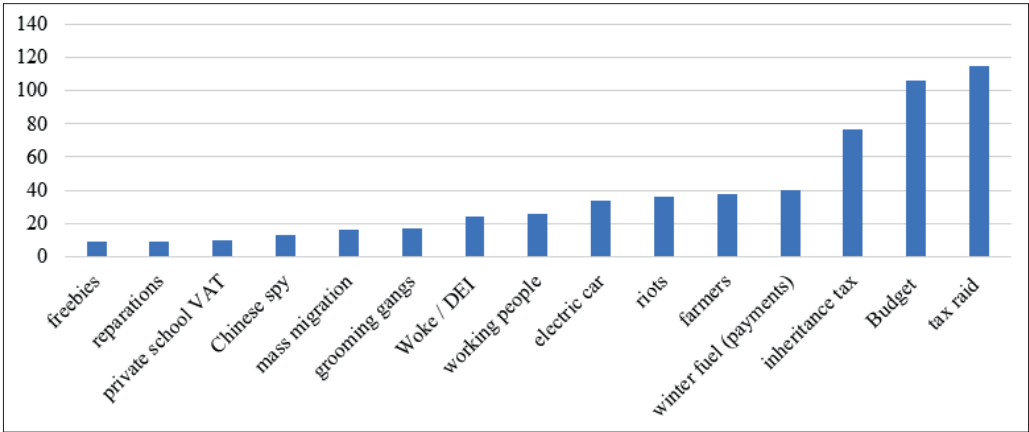


Рис. 1. Актуальная нарицательная лексика
Fig. 1. Current appellative lexis

Обратим внимание, что приведенная статистика показывает фактически количество дней, когда это выражение присутствовало в медийном эфире (иногда чуть меньше, так как считались также бюллетени Opinion, Editor’s, Alerts, Travel, которые выходят с иной периодичностью, а также отдельно утренние и вечерние выпуски). Цифры позволяют оценить динамику информационной жизни этих актуальных выражений.

Рассмотрим подробнее данные выражения, а также стоящие за ними доминанты общественно-политической жизни Великобритании. В центре внимания в эти полгода в стране находились реформы нового лейбористского правительства, в целом направленные на увеличение налоговой нагрузки на частный бизнес и владельцев недвижимости в качестве источника средств для улучшения финансового положения бюджетников и повышения бюджетных трат на общественное здравоохранение, образование и строительство муниципального жилья. При этом, однако, реформы также усугубили финансовое бремя наиболее уязвимых слоев населения, пенсионеров, отменив некоторые статьи бюджетных выплат. «Телеграф» обращает особое внимание на перечисленные болевые точки, при этом умалчивает либо говорит лишь вскользь о позитивных

ожиданиях от бюджетных трат на общественные нужды, критикуя их негативные эффекты, что отражено в преобладающих частотных словосочетаниях.

Ядром актуальных словосочетаний стали фрагменты высказываний, соотносящиеся с налогами:

tax raid ‘налоговый рейд’ — отчасти фактуальное, отчасти оценочное выражение, в котором лейбористы подсознательно воспринимаются как рейдеры, налетчики, отнимающие у населения деньги в виде повышенных налогов;

inheritance tax ‘налог на наследство’ — особенно больно ударивший по землевладельцам, фермерам³ и владельцам недвижимости, которые зарабатывали ее сдачей в аренду;

private school VAT ‘НДС для частных школ’, а также *Budget* ‘Государственный бюджет’ как имя собственное элемента государственного управления и *Budget blow* ‘удар по Бюджету’ (четыре упоминания в декабре) — Бюджет был представлен в парламенте 30 октября, и цифры отражают концентрацию его обсуждения в месяцы до и после этого события. Примерно такой же тренд демонстрирует частотность остальных выражений, принадлежащих теме налогов, а также *winter fuel (payments)* ‘(выплаты на) зимнее топливо’ пенсионерам, которые были отменены в новом Бюжете, что вызвало большой общественный резонанс;

working people ‘трудящиеся, работающие люди’ — в теории в их интересах формировался Бюджет; словосочетание неоднократно цитируется осенью и представляет собой классический элемент дискурса лейбористов, изначально заявлявших о своей поддержке рабочего класса;

net zero ‘углеродная нейтральность’ и *electric car* ‘электромобиль’ — оба выражения созвучны с экологической повесткой, которой верны левые лейбористы, и стабильно остаются в перечне злободневных вопросов уже в течение нескольких лет. Однако некоторое увеличение частоты их упоминания в октябре, ноябре и декабре связано, во-первых, с Бюджетом, во-вторых, с победой на выборах в США Дональда Трампа: он задал общемировой тренд на отказ, хотя бы частичный, от приверженности политике углеродной нейтральности и возврат традиционного топлива, что усилило позиции критиков электромобилей. «Телеграф» здесь, скорее, колеблется вместе с изменением официальной позиции партии консерваторов, однако в целом в 2024 году он настроен нейтрально-негативно по отношению к этой повестке (ср.: выпуски газеты от 23.10.2024, 07.11.2024, 25.11.2024);

(*Woke*), *DEI (Diversity, Equality, Inclusion)* — идеологии ‘пробужденности’, ‘многообразия, равенства и инклюзивности’. Также показывают некоторое увеличение частотности упоминания, причем почти везде в негативном ключе. Так, словосочетания с *woke* включают в себя *woke tyranny* ‘тиранию’, *woke madness* ‘безумие’, *woke nightmare* ‘кошмар’, *woke cliché* ‘клише’, *woke ideology* ‘идеологию’, *woke regime* ‘режим’, *woke witch-hunt* ‘охоты на ведьм’,

³ Ср.: резкий всплеск числа упоминаний *farmers* в ноябре.

кроме того, *the Woke Left* ‘пробужденные левые’, прилагательное *anti-woke* и негативно-оценочное производное слово *wokery* ‘воукёрство’, т. е. деятельность в этом ключе. Воукизм, или ‘пробужденность’, представляет собой одну из идеологических основ современного курса лейбористов, и в приведенных ранее примерах лексической сочетаемости четко выражена негативная оценочность правого медиаиздания, с помощью которой они пытаются влиять на общественное мнение.

«Телеграф» занимает в целом умеренно-противомиграционную позицию, и критика лейбористского миграционного либерализма отражена в употреблении словосочетания *mass migration* ‘массовая миграция’, в основном в негативных контекстах (см.: другие слова далее), наряду с такими выражениями, как *immigration levels* и *migration numbers* ‘количество иммигрантов’.

Все эти выражения составляют достаточно долгосрочные элементы повестки «Телеграфа» как рупора правых сил и могут считаться актуальными или относительно устойчивыми словосочетаниями за 2024 год.

Популярность других актуальных/модных выражений была ограничена гораздо менее продолжительным временем, в данном случае всего одним месяцем каждое, например:

- *riots* ‘беспорядки, мятежи’ — это слово и производное *rioters* ‘участники массовых беспорядков, мятежники’, а также их синонимы (*demonstrations, rallies, protests*) вышли на передний план летом и достигли кульминации в августе в связи с волной массовых антимигрантских беспорядков по всей стране после убийства девочек террористом в Саутпорте. Это же событие внесло в повестку дня соответствующую лексику, сопряженную с созданными Стармером чрезвычайными судебными комиссиями, заседавшими днем и ночью в целях ускоренного вынесения приговоров протестующим (*fast-tracked* ‘ускоренный’ в сочетании с *justice, cases, sentencing* ‘правосудие, дела, приговоры’) в связи с нехваткой мест в тюрьмах (*prisons crisis* ‘кризис с тюрьмами’ и *prison release* ‘освобождение из тюрем’: Стармер приказал выпустить уже сидевших заключенных, чтобы освободить места для новых арестованных по политическим мотивам — участников беспорядков, авторов постов, лайков и перепостов в соцсетях);

- *freebies* ‘бонусы, бесплатные подарки’ (и некоторые другие, менее частотные выражения вроде *donations row* ‘скандал с пожертвованиями’) держалось в повестке дня некоторое время в сентябре по причине скандала вокруг премьерской четы Стармеров и ряда других высокопоставленных лейбористов: как выяснилось, они принимали дорогостоящие подарки, такие как очки, одежда, билеты на концерты, от спонсоров Лейбористской партии, а главный спонсор Лорд Алли получил неограниченный доступ в премьерскую резиденцию на Даунинг-стрит;

- *reparations* ‘репарации’ (в основном в словосочетаниях *slavery reparations* ‘репарации за рабство’, *reparations row* ‘скандал с репарациями’) — поводом для всплеска его упоминаний в октябре послужил саммит Британского

Содружества на Самоа в Тихом океане, где обсуждались выплаты Великобритании 200 млрд фунтов ее бывшим колониям как компенсации за работорговлю в прошлом, при этом Кир Стармер высказал категорическое неприятие таких претензий, и в итоге этот вопрос не был решен;

- *Chinese spy* ‘китайский шпион’ — появлялось в публикациях в течение декабря из-за скандала, связанного с обнаружением предполагаемого (*alleged*) китайского шпиона в ближайшем окружении принца Эндрю, брата короля.

Перечисленные словосочетания находятся на разных стадиях пути к устойчивости и становлению коллокациями и затем к образованию сложных слов. *Chinese spy* или *mass migration* представляют собой достаточно свободные словосочетания, которые, однако, за счет своего повторного появления в медиадискурсе помогают формировать оценочные коннотации к лексемам *Chinese* и *migration* и входят в начальную фазу образования коллокации (обладают устойчивостью, воспроизводимостью и референциальным единством). С другого конца спектра *grooming gangs* и *tax raid*, по сути, приближаются к статусу сложных слов (обладают приростом значения и кодифицированы, например, в сетевом переводческом словаре Multitran), устойчивость и долговечность которых будет зависеть от долговечности самих явлений и своевременной кодификации.

Проприальная лексика. Еще одним слоем актуальной/модной лексики являются имена собственные, которые выступают своеобразными точками сборки остального лексического массива. Повторяющиеся нарицательные лексемы и словосочетания группируются в рамках новостных сюжетов вокруг конкретных лиц, мест, объектов и событий, обозначаемых ономастическими единицами — собственными именами. Это дает последним структурирующую функцию внутри системного лексикона, позволяет именам служить точками коагуляции или зонтичными структурами — некими центрами притяжения, вокруг которых на разных орбитах — ближних и дальних — располагаются другие актуальные лексемы и словосочетания.

В приведенном далее анализе мы не учитываем априори наиболее частотные в британской прессе имена собственные типа *London*, *Westminster*, *Labour* (Лейбористы), *Reform* (Партия реформ) и т. д. — они стабильно присутствуют в медиадискурсе и поэтому излишни для изучения актуальной лексики. Не учитываются также громкие имена из мира международной политики: *Donald Trump* (избранный в ноябре 2024 года президент США), *Kamala Harris* (кандидат в президенты США от демократов в 2024 году), *Joe Biden* (президент США до января 2024 года) и др., поскольку наше внимание будет сосредоточено на ряде имен, имеющих отношение к внутрибританским делам, с двумя американскими исключениями ввиду их особой роли для британской внутренней политики.

Статистика актуальных имен собственных обобщена на рисунке 2. «Именами второго полугодия 2024 г.» в газете «Телеграф» стали премьер-министр

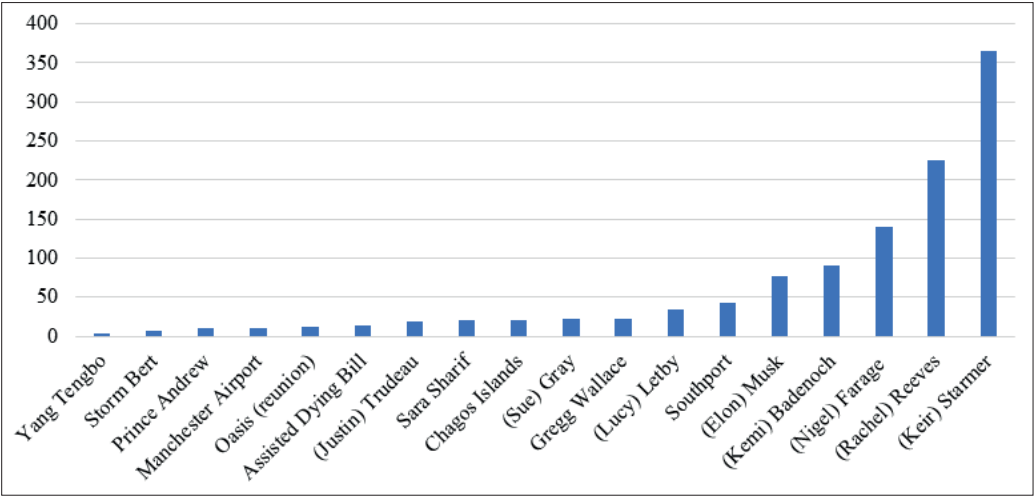


Рис. 2. Актуальные имена собственные
Fig. 2. Current proper names

Keir Starmer и канцлер казначейства, министр финансов *Rachel Reeves*, которые фигурировали в большинстве бюллетеней утром и вечером каждый день (табл. 2). Имя Рейчел Ривз к октябрю догнало по частотности имя ее начальника, поскольку с ней был связан Государственный бюджет, принятый в конце октября, и экономическая политика страны в целом, которая была в фокусе внимания на протяжении осени.

Таблица 2 / Table 2

Актуальная проприальная лексика
Current proper names

Период		(Keir) Starmer	(Rachel) Reeves
2024 год	Июнь	53	7
	Июль	57	25
	Август	40	26
	Сентябрь	48	28
	Октябрь	50	51
	Ноябрь	53	48
	Декабрь	43	24
1–14 января 2025 года		21	17
Итого		365	226

Далее рассмотрим статистику упоминания имен ряда политиков и некоторых других имен собственных, относящихся к горячим информационным поводам (см. табл. 3–4).

Процессы борьбы за влияние, которые шли на консервативном крыле политической элиты в Соединенном Королевстве, отражены в частотности упоминания в «Телеграфе» двух фигур: Кемии Баденок (*Kemi Badenoch*), ставшей

Таблица 3 / Table 3

Актуальная проприальная лексика
Current proper names

Период		Частотность имен в СМИ				
		(Kemi) Badenoch	(Nigel) Farage	(Sue) Gray	(Elon) Musk	(Justin) Trudeau
2024 год	Июнь	8	44	–	6	1
	Июль	8	22	2	3	1
	Август	4	7	2	8	-
	Сентябрь	12	5	9	4	1
	Октябрь	19	12	7	4	4
	Ноябрь	19	18	1	21	2
	Декабрь	14	18	1	14	4
1–14 января 2025 года		6	14	–	16	6
Итого		90	140	22	76	19

Таблица 4 / Table 4

Актуальная проприальная лексика
Current proper names

Имя, название	Количество упоминаний в СМИ								Итого
	2024 год							1–14 января 2025 года	
	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь		
(Lucy) Letby	2	10	6	6	3	3	3	2	35
Sara Sharif	–	–	–	7	1	4	7	1	20
Prince Andrew	–	–	–	–	–	–	11	–	11
Yang Tengbo	–	–	–	–	–	–	4	–	4
Gregg Wallace	–	–	–	–	–	4	18	–	22
Southport	1	11	19	1	7	3	1	–	43
Manchester Airport	–	7	1	–	2	–	1	–	11
Chagos Islands	–	–	–	2	8	5	4	1	20
Assisted Dying Bill	–	–	–	–	2	10	2	–	14
Storm Bert	–	–	–	–	–	7	–	–	7
Oasis (reunion)	–	–	9	2	1	–	–	–	12

лидером партии тори в ноябре 2024 года, и Найджела Фараджа (*Nigel Farage*), вновь занявшего пост лидера партии «Реформировать Соединенное Королевство» или, проще, Партии реформ СК (*Reform UK*) в июне 2024 года. В прессе широко обсуждали быстрый рост молодой Партии реформ СК в 2024 году: осенью она составила реальную конкуренцию по численности своих членов политическому тяжеловесу — традиционной партии тори. После победы Трампа давно ему публично симпатизировавший Фарадж усилил свои позиции. Судя по представленности в новостях, «Телеграф» симпатизирует Фараджу, хотя в целом продолжает поддерживать партию консерваторов (см., например, публикации в «Телеграфе» от 30.11.2024, 03.12, 13.12.2024).

Имя главы администрации нового премьер-министра (*Downing Street Chief of Staff*) Сью Грей появилось в заголовках в сентябре в связи с ее громкой отставкой в результате аппаратной борьбы с серым кардиналом лейбористов и наследником ее поста в правительстве — Морганом Максуини (*Morgan McSweeney*).

Имена Илона Маска и Джастина Трюдо в рассматриваемый период оказались релевантны для британской внутренней политики ввиду порожденных ими инфоповодов: негативных высказываний Маска о Стармере и отставки Трюдо, видного лидера либеральной медиаповестки, с поста премьер-министра. Показателен тренд роста их упоминаний на волне победы Дональда Трампа на выборах президента США. Хотя Маск давно являлся медийной персоной и периодически создавал информационные поводы, после его публичной поддержки Трампа и громких нападков на лейбористское правительство частота упоминания его имени резко возрасла. Маск комментировал в своей социальной сети новость от 2 января, согласно которой лейбористская партия заблокировала расследование действий Стармера в должности главы Королевской прокурорской службы, когда он предположительно препятствовал расследованию скандала с бандами педофилов в Олдхэме. Хотя и со значительно меньшей амплитудой, но тоже выросла в декабре и январе частотность имени канадского премьер-министра Джастина Трюдо: победа Трампа стоила ему поста, и его отставка стала показательной для дальнейшей череды событий, вызванных борьбой между упомянутыми ранее условными пробужденными либералами и консерваторами в политике на американском континенте.

Обратимся к следующим именам, ставшим центрами инфоповодов во второй половине 2024 года и в начале 2025 года, частотность которых представлена в таблице 4.

Большинство приведенных имен и названий ассоциируются со скандалами и громкими преступлениями. Медсестра Люси Летби (*Lucy Letby*) была осуждена в 2023 году за предполагаемое убийство семи младенцев в роддоме, однако она не признала себя виновной, подавала апелляции, и в июле 2024 года состоялся повторный суд, после которого апелляции и возвраты к делу

продолжаются. Сара Шариф (*Sara Sharif*) — девочка из британской пакистанской семьи, которая была замучена в августе 2023 года. В течение 2024 года шло расследование, и в декабре ее родители были признаны виновными и осуждены. Грег Уоллес (*Gregg Wallace*) — популярный ведущий кулинарного шоу на BBC, которого отстранили от работы в ноябре 2024 года из-за обвинений в его адрес со стороны нескольких женщин о допущенных им непристойных комментариях. Также неоднократно фигурировали имена принца Эндрю (*Prince Andrew*) и его помощника Янга Тенгбо (*Yang Tengbo*) из-за вышеупомянутого шпионского скандала.

К исследуемому периоду относятся два актуальных топонима: 1) *Southpor*, где 29 июля произошел вышеназванный теракт (ножом были убиты три девочки и ранены 20 человек), повлекший за собой широкомасштабные беспорядки по всей стране; 2) *Manchester Airport* (в сочетании с существительными *brawl, fight, attack* ‘потасовка, драка, нападение’). В Манчестерском аэропорту произошла массовая драка, а затем в окрестных населенных пунктах — массовые беспорядки местных мусульман. Потасовка завязалась из-за ссоры двух братьев с пассажиром, который, по их словам, оскорбил их мать; к столкновению присоединилось много людей, при задержании виновников получили телесные повреждения сотрудники полиции, однако в прессу попала видеозапись их жесткого задержания, что спровоцировало беспорядки среди местных диаспор.

Архипелаг Чагос часто упоминается осенью в связи с планами Кира Стармера о его передаче Маврикию, что вызвало критику ястребов-консерваторов: об этом событии пишут не только как о *handing / handover of the Chagos Islands* ‘передача’ и *the Chagos Islands deal* ‘сделка’, но чаще как о *surrender* ‘сдаче’ и даже *betrayal* ‘предательстве’.

Из более маргинальных типов имен собственных достаточно большое количество упоминаний набрало название музыкальной группы *Oasis*, которое фигурировало несколько раз в составе словосочетания *Oasis reunion* ‘воссоединение группы Оазис’, в основном в контексте объявления в августе о возможном воссоединении и концерте этой группы в 2025 году. Ранее был уже упомянут частотный документоним *Budget* ‘Государственный бюджет’. Неправильно было бы обойти вниманием также *Assisted Dying Bill* ‘Закон об эвтаназии’, который вызвал бурное общественное обсуждение и неприятие, но в итоге был принят парламентом 29 ноября. Также в ноябре в бюллетенях неоднократно фигурировало название природного явления — *Storm Bert* ‘ураган Берт’, который принес на Британские острова наводнения, ветер, снег, что вызвало проблемы с транспортом.

За счет многократного повторения в газетном тексте актуальные имена образуют ассоциативные сети с актуальными нарицательными словами и выражениями в рамках проведенного ранее анализа доминант общественно-политической жизни Великобритании за этот период.

Стилистический шлейф. Наконец, обратимся к стилистическим приемам и выразительным средствам, развивавшим те же темы, которые доминировали в повестке во втором полугодии 2024 года и которые мы выявили по частотным словам и словосочетаниям.

Критика Кира Стармера включает в себя высмеивание премьера через каламбуры с его именем. Легко прижилась рифма *harmer* ‘вредитель, обидчик и т. п.’ Она появляется в карикатуре от 22 ноября, где изображена брошенная ферма и рядом с ней паб с изображением Стармера с трубкой и вывеской-названием ‘*The Jolly Harmer*’ ‘Веселый вредитель’. Последнее, видимо, является отсылкой к привычной конструкции названий пабов вроде реально существующих *Jolly Farmer* ‘Веселый фермер’ или *Jolly Sailor* ‘Веселый моряк’. При этом объявление перед входом в паб на карикатуре гласит: *Guest Ales IHT 20 % Reeves’s Wrecker*, — это каламбур, якобы рекламирующий сорт пива IHT 20 % (*IHT* — аббревиатура *Inheritance Tax* ‘налог на наследство’, но отсылка, наверное, к пиву *IPA*) с дополнительным названием ‘Разрушитель/диверсант от Ривз’, что является отсылкой к встречающемуся в названиях пива слову *wrecker*. Эта карикатура — часть кампании по критике большого налога на наследство, который финансово ударит по фермерам.

Популярной и вирусной по мере приближения холодов стала также сатирическая песня ‘*Sir Starmer and the Granny Harmers*’ (‘Сэр Стармер и обидчики бабушек’) с припевом ‘*It’ll be freezing this Christmas*’ (‘Этим Рождеством будет очень холодно’). Песня критикует решение лейбористов ликвидировать субсидию пенсионерам на оплату отопления зимой, которое вызвало широкое общественное порицание. «Телеграф» неоднократно упоминает эту песню, называет ее *Anti-Starmer song* ‘Анти-Стармеровской песней’, *anti-Sir Keir Starmer song* ‘песней против сэра Кира Стармера’, *Granny Harmers song* ‘песней «Обидчики бабушек»’, называет унижением для лейбористов тот факт, что она лидирует в чартах (*Humiliation for Labour as ‘Sir Starmer and the Granny Harmers’ song surges in charts*), и выражает недовольство тем, что BBC отказывается ее проигрывать, несмотря на ее популярность.

Один из бюллетеней даже собрал несколько насмешливых рифмованных прозвищ нового премьера: *Two-tier Keir* ‘Двухуровневый Кир’ (отсылка к *two-tier policing*, «двухъярусная система охраны порядка», или «охрана порядка с двойными стандартами», когда полиция по-разному реагирует на одно и то же нарушение в зависимости от этносоциальной принадлежности правонарушителя; согласно распространенному мнению, полиция снисходительнее относится к преступлениям, совершенным мигрантами⁴; в рассматриваемые полгода это понятие было особенно актуальным в контексте жесткого подавления полицией тех, кто был недоволен преступлением террориста в Саутпорте), *Free gear Keir*

⁴ Эта проблема неоднократно поднималась в прессе с подтверждениями и попытками опровержения: <https://www.spectator.co.uk/article/the-truth-about-two-tier-policing-in-britain/>, <https://news.sky.com/story/uk-riots-what-does-two-tier-policing-mean-and-does-it-exist-13191977> и <https://www.gbnews.com/politics/nigel-farage-attack-two-tier-justice-mike-amesbury-avoids-prison>

‘Кир Бесплатный прикид’ (отсылка к скандалу с дорогими подарками, принятыми премьером и его супругой от спонсора лейбористов), *Gap-year Keir* ‘Кир Год за границей’ (из-за частых путешествий премьера за границу)⁵. Также имя премьера обыгрывается аллитерацией: *Catastrophe Keir unveils Labour 4.0* (‘Катастрофический Кир представляет версию Лейбористской партии 4.0’) и *King Keir the Smug* (‘Король Кир Самодовольный’) (в названии статьи *The monarch was in the Lords, but in the Commons, King Keir the Smug began his reign* (‘Монарх побывал в Палате лордов, но в Палате общин начал свое правление Король Кир Самодовольный’) также чувствуется игра слов с *King Lear* (‘Король Лир’)).

Кроме того, премьер выставляется в неприглядном свете с помощью метафор — как нищий (*Keir Starmer is going to Brussels with his begging bowl. It should be the other way around* — ‘Кир Стармер едет в Брюссель с протянутой рукой. Должно быть наоборот’), капитан терпящего крушение корабля (*Britain is headed for the rocks — and Keir Starmer can't turn the ship around* — ‘Британия несется на рифы — и Кир Стармер не может повернуть корабль вспять’), или как навевающий скуку человек с помощью метонимии или метафтонимии (*Starmer: Not a breath of fresh air but a stifled yawn* — ‘Стармер: не поток свежего воздуха, а подавленный зевок’).

Упомянем здесь также метафтонимическую аллюзию, которая пристала к имени лидера лейбористов и была модной ранее, еще в тот период, когда лейбористы только шли к победе на выборах: *Sir Keir Starmer's Ming vase strategy* — ‘стратегия вазы Династии Мин Кира Стармера’. Эта отсылка подразумевала, что он ведет свою кампанию слишком осторожно, избегает острых высказываний и ведет себя так, как будто несет драгоценную, древнюю китайскую вазу.

Аллюзии на страницах «Телеграфа» в отношении соратников Кира Стармера позволяют понять и оценить их фигуры в историческом контексте. Рейчел Ривз, дама с крупными чертами лица и решительным характером, не раз сравнивается с Железной леди Маргарет Тэтчер (*Keir Starmer has a new Iron Lady*), а ее экономический курс — с лейбористским курсом 1970-х годов, когда с 1974 по 1979 год канцлером был Денис Хили, а выборы 1979 года выиграли консерваторы во главе с Тэтчер (*Starmer is putting us on a slippery slope back to the 1970s* — ‘Стармер ставит нас на скользкий склон, как в 1970-е’; *Reeves will need to «beware the ghosts of Denis Healey»* — ‘Ривз нужно «опасаться призраков Дениса Хили»’). Ее имя также становится основой для игры слов: с окказионализмом-блендом от слова *Armageddon* ‘Армагеддон’ (*Reeves-ageddon risks crashing the stock market* — ‘Ривз-агеддон может обрушить фондовый рынок’), с каламбурным эпитетом, намекающим на попытки Ривз справиться с черной дырой в бюджете (*Tugendhat may have the gravitas to save us from black hole-obsessed Reeves* — ‘Тугендхат⁶, возможно, обладает достаточным весом для того, чтобы спасти нас от Ривз, помешанной на черной дыре’ — отсылка к понятиям астрономии, основанная

⁵ См. также другие прозвища Кира Стармера в подборке в «Википедии»: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_nicknames_of_prime_ministers_of_the_United_Kingdom

⁶ Претендент на пост лидера партии консерваторов, уступивший в борьбе Баденек.

на полисемии *gravitas* ‘вес’, ‘авторитет’ и *black hole* ‘черная дыра’, затягивающая материю).

Оценка еще одной важной фигуры в 2024 году — нового главы администрации Стармера Моргана Максуини (*Morgan McSweeney*), вытеснившего с этого поста Сью Грей, но до того не занимавшего официальных постов, — обыгрывается через аллюзию к Распутину как влиятельной персоне без официального мандата (*Keir Starmer has his own Rasputin, and he's quietly hammering the Labour Left* — ‘У Кира Стармера есть свой Распутин, и он потихоньку сдвигает Лейбористскую партию влево’).

«Телеграф» критикует социалистический экономический курс нового правительства, указывая на его тупиковость с помощью каламбура-парадокса (*The only way forward for Reeves is to turn back* — ‘Единственный путь вперед для Ривз — это разворот’), называя его метафорически ‘государством-нянькой’, которое под предлогом заботы начинает излишне контролировать граждан (*Starmer's 'nanny state' may tax sugar and salt* — ‘Государство-нянька Стармера может ввести налог на сахар и соль’), и сочувственно цитируя Илона Маска, который сказал, что ‘Британия на всех парах идет по пути Сталина’ (*Britain is going full Stalin*), по поводу налога на наследство, который ударит по фермерам, вероятно как отсылка к политике коллективизации. Ранее газета уже предупреждала о тенденции лейбористов поднимать налоги с помощью яркой метафоры-гиперболы: *Never trust Labour: raising taxes is in their DNA* — ‘Никогда не доверяйте лейбористам: увеличение налогов у них в ДНК’.

Отношение к победе лейбористов на выборах было отражено в ряде карикатур, размещенных в газете «Телеграф». На одной из них муж и жена садятся смотреть телевизор, на экране надпись *Election 2024* ‘Выборы 2024’, и один из них предлагает: ‘Давай лучше посмотрим «Титаник». Мне кажется, я знаю, как это закончится’ (*Let's watch 'Titanic' instead. I feel like I know how this one ends...*). Когда стало ясно, что лейбористы побеждают с большим отрывом, на карикатуре изобразили дорожный знак «Падение камней», где вместо камней падают розы, символы Британии, с подписью *What a Labour landslide means for mortgages, savings and pensions* — ‘Что сокрушительная победа лейбористов означает для ипотеки, сбережений и пенсий’ (игра слов на двух значениях *landslide*, первичное из которых — ‘обвал, оползень’, вторичное — ‘сокрушительная победа’).

Осенью Стармер и Ривз неоднократно становятся действующими лицами сатирических карикатур, например: Стармер чеканит мяч на поле для тенниса, готовится подавать, подпись гласит: *Starmer to serve... for years* — ‘Стармер будет подавать / находиться в должности... годами’ (игра слов на полисемии *serve*). На другой он же играет в дартс, стена вокруг мишени усажена дротиками, которые не попали в цель, но Стармер целится вновь и приговаривает: *I'm going to reach my targets* — ‘Я достигну своих целей’. Еще на одной карикатуре Ривз съезжает со снежной горки на санках в виде символа фунта стерлингов, что подразумевает падение курса британской валюты.

Тема лейбористского заигрывания с мигрантами и одновременно жесткого подавления антимигрантских настроений и даже инакомыслия в этом вопросе обыграна в аллюзии к антиутопии Дж. Оруэлла в заголовке: *Starmer's Britain is an Orwellian dystopia* — 'Британия Стармера — это антиутопия Оруэлла'. Несколько статей вышло после того, как в Эссексе полиция начала расследование и приходила домой к журналисту «Телеграфа» с обвинением в «возбуждении расовой ненависти» из-за того, что он написал в социальной сети пост, критикующий преступления мигрантов.

Зеленый курс и верность либеральной повестке лейбористов также нашли отголоски в каламбурах. Снижение спроса на электромобили обыграно в заголовке статьи: *Inside the battle to recharge Britain's slowing electric car market* — 'Взгляд изнутри сражения за подзарядку замедляющегося рынка электромобилей в Британии' (каламбур с прямым и переносным значением *recharge* 'подзарядить'). Джастина Трюдо, канадского премьер-министра, который в начале 2025 года пообещал уйти со своей должности, колумнист «Телеграфа» проводил статьей с заголовком: *Good riddance Justin Trudeau, the Prince of Woke* — 'Ска-тертью дорога, Джастин Трюдо, принц Воукский (Идеологии пробужденности)', где *Prince of Woke* — видимо, каламбур на известный титул *Prince of York* 'принц Йоркский'.

После прихода к власти Дональда Трампа имя Илона Маска неоднократно выступало основой для каламбуров в медиа (широко разошелся вариант *Muskrat* 'мускусная крыса'), и «Телеграф» не исключение. Поводом послужило публичное критическое высказывание Маска о Найджеле Фарадже, лидере Партии реформ, хотя до того между ними наблюдалось сильное сближение. В заголовке статьи передано настороженное отношение к Маску: *Lesson for Nigel: Britain doesn't want to be Elongated* — 'Урок для Найджела: Британия не хочет быть удлинённой [дословно] / илонённой'. Здесь автор искусно сочетает созвучие слова *elongate* 'удлинять' с именем *Elon* и полуаффиксом *-gate* 'скандал', изначально из названия штаб-квартиры демократов в США *Watergate*, ставшего синонимом политического скандала.

Тема взаимоотношений с новым президентом США, естественно, не прошла незатронутой в «Телеграфе», и колумнист газеты посчитал, что королевская семья может стать связующим политическим звеном: *The Royals are our diplomatic Trump card* — 'Королевская семья — это наш дипломатический козырь' (частотный в медиа каламбур на омонимии фамилии нового президента и слова *trump* 'козырь в картах').

Таким образом, описанные нами примеры стилистических приемов демонстрируют еще один модус реализации актуальной лексики, в котором она обрывает новую ассоциативную сеть с эмотивными и оценочными коннотациями за счет использования каламбуров, аллюзий и метафор, а также в контексте иных каналов восприятия: в креолизованном тексте карикатур и музыкальном произведении.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Повторяемость лексических единиц в дискурсе авторов газеты «Телеграф» и, соответственно, в сознании их читателей дает возможность наблюдать в моменте временную когнитивную салиентность понятий и единичных понятий — референтов ономастических единиц, — которая трансформирует лексическую систему на микроуровне, формирует новые лексические связи и может в дальнейшем привести к изменению системного статуса упомянутых слов и словосочетаний.

Именно такая «выпуклость» (салиентность) позволяет нам говорить об актуальном статусе и даже о моде на эти слова. В начале статьи приведены разные определения модных слов и ряд других терминов, которые характеризуют круг похожих языковых явлений. Как видно, общего понимания термина «модные слова» в научной литературе еще не сформировалось. Мода в экстралингвистическом мире — сложное явление: оно может охватывать широкие слои населения и быть локальным или нишевым среди определенной социальной группы. Точно так же в речи носителей языка можно условно выделить общие и узкие модные тренды, касающиеся литературного языка в целом или одного социолекта в частности. Источником или, как минимум, зеркалом актуальной лексики выступают различные современные медиа.

В настоящей статье выявлены слова, актуальные во втором полугодии 2024 года в текстах редакции, репортеров и колумнистов «Телеграфа» и, соответственно, среди аудитории газеты, тираж которой насчитывал свыше 300 тысяч копий, согласно последним замерам аудитории медиа в 2019 году⁷. Несмотря на довольно небольшой тираж, например в сравнении с The Daily Mail, аудиторию «Телеграфа» составляют преимущественно представители среднего и верхнего среднего класса, т. е. важные в языковом плане группы населения Соединенного Королевства, к чьему образу мыслей и словоупотреблению, безусловно, небесполезно присмотреться. Актуальные слова позволяют установить смысловые доминанты политического дискурса этой социальной группы, их взаимосвязь и оценку.

С точки зрения смысловых доминант вторая половина 2024 года ассоциируется в сознании читателей «Телеграфа» с именами Кира Стармера и Рейчел Ривз, бюджетная политика коих ударила по фермерам, лендлордам и частным школам, лишила самых уязвимых членов общества — пенсионеров — субсидий на зимнее топливо и породила опасность тяжелой холодной зимы, вызвала споры относительно того, являются ли предприниматели рабочими людьми. Образ лейбористов был подпорчен скандалом с дорогими подарками от их спонсоров. Однако в этот период произошел резкий подъем популярности Найджела

⁷ Речь идет о печатных копиях: <https://www.historic-newspapers.com/en-gb/blogs/article/daily-telegraph-history> и https://pressgazette.co.uk/media-audience-and-business-data/media_metrics/most-popular-newspapers-uk-abc-monthly-circulation-figures-2/

Фараджа из Партии реформ и его конкуренции с партией тори во главе с новым лидером — чернокожей Кеми Баденек.

Частью когнитивного пространства консервативной аудитории стало громкое преступление в Саутпорте, нежелание правительства признавать его террористический характер, народные волнения и их беспрецедентно жесткое подавление, включая переполнение тюрем и репрессии против тех, кто высказывал возмущение в соцсетях. Второстепенными инфоповодами послужили вопросы репараций от Британии бывшим колониям за работорговлю, а также обвинения в шпионаже китайскому партнеру принца Эндрю. В фоновом режиме поддерживались во внимании популярные пункты либеральной повестки: зеленая энергетика, электромобили и в целом идеология пробуждения.

С точки зрения развития лексической системы выявление повторяющихся слов и выражений показывает, как формируется сеть актуальной общественно-политической лексики в отдельно взятом секторе носителей английского языка — умеренно-консервативной аудитории читателей газеты «Телеграф». Модель формирования этой сети выглядит следующим образом: новостные поводы входят в газетные тексты через собственные имена, которые выступают агрегаторами остальной медийной текстовой семантики, и к ним, по сути, предиктируется остальная частотная нарицательная лексика, которая формирует семантическое облако. Доминанты этого облака в дальнейшем порождают в качестве шлейфа игру слов и стилистические приемы, а также обрастают новыми словами и словосочетаниями, развивающими тему.

Как пример приведем такую линейную структуру: *Keir Starmer* (имя собственное) > *tax raid* (актуальное сложное слово, описывающее элемент политики с одновременной оценкой) > *farmers* (дальнейшее и менее частотное актуальное слово, относящееся к жертвам этой политики) > *Jolly Harmer* (окаксиональная игра слов, обыгрывающая предыдущие звенья этой цепочки).

Таких линейных структур много, они разветвляются и переплетаются между собой как закономерным, так и случайным образом. Например, внеязыковая структура партии лейбористов обуславливает соседство в языковом сознании осенью 2024 года имен *Starmer* и *Reeves*, однако стихийные события этого периода привязывают к ним ассоциациями *riots* ‘беспорядки’ и *freebies* ‘бесплатные подарки’, а негативная реакция на эпизод с бонусами порождает повторяющееся прозвище *Free gear Keir* ‘Кир Бесплатный прикид’, видимость которого усиливается упоминанием в «Телеграфе» и снова подсвечивает этот эпизод.

Таким образом, мы видим три слоя лексической системы во взаимодействии: проприальную, нарицательную лексику и уровень выразительных средств и стилистических приемов. Под стилистическим уровнем мы не имеем в виду известный термин из структурной парадигмы, но обращаемся к этому понятию как к средству описания одного из функциональных агрегатных состояний лексики, а именно к эстетическому модусу ее существования как средства экспрессии — *per se* или для достижения риторического эффекта.

С когнитивной точки зрения можно говорить о том, что посредством актуальной лексики новостная повестка активизирует и упрочивает уже имеющиеся социокультурные фреймы, привязывая к их узлам новые данные (в данном случае, например, подсвечивает стереотипную связку: *Labour > raising taxes* ‘Лейбористская партия > поднятие налогов’), а также формирует их оценку с помощью целого спектра лексико-стилистических средств (в данном случае, например, *tax raid*, *winter fuel*, *Granny harmers*, *wrecker* и т. д.). Получающаяся структура, как кажется, обладает большой устойчивостью и формирует соответствующий дискурс и мировоззрение.

Кроме того, можно говорить и о матричной структуре (см.: Болдырев, Алпатов, 2008), в рамках которой существует актуальная лексика, т. е. нежестко и нестереотипно связанном массиве — наборе ментальных пространств. В нашем случае кажется уместным представить актуальную новостную повестку, репрезентированную доминантами модной лексики, как трехмерную матрицу-тензор. В плоскостном измерении в ней сосуществует ряд тем-пространств, которые прирастают новыми конкретными примерами, например: «увеличение налогов» (внутри этого пространства осенью добавились поля «проблемы фермеров», «проблемы лендлордов»), «пенсионеры и зимнее топливо», «зеленая повестка и либеральная повестка в целом», «проблема мигрантов» (внутри нее прибавились массивы знаний о преступлениях в Саутпорте и Манчестере), «преступность» (внутри нее обогатились новой информацией уже существовавшие пространства случаев Люси Летби и Сары Шариф) и т. д. В глубинном же измерении каждый элемент массива-матрицы построен из упомянутых ранее слоев: собственных имен, нарицательной лексики и стилистических приемов, которые просвечивают друг через друга.

Средства массовой информации, как известно, обладают властью подсвечивать разные элементы языковой картины мира, формировать оценки и через их посредство направлять практическую деятельность аудитории. Изложенный анализ актуальной лексики, возможно, окажется полезным для понимания собственно языковой подоплеки этих механизмов.

Список источников

1. Попова, Л. А. (2019). К вопросу о соотношении понятий «модное слово» и «ключевое слово современности». *Известия Саратовского университета. Новая серия Серия: Филология. Журналистика*, 19(2). 155–158.
2. Crystal, D. (Ed.). (2003). *The Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press.
3. Добросклонская, Т. Г. (2005). Роль СМИ в динамике языковых процессов. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (3), 38–54.
4. Кротова, А. Г. (2013). Модное слово как лингвокультурный феномен (на материале анализа метаязыковых комментариев относительно модных слов). *Социальные коммуникации и эволюция обществ* (с. 351–356). Материалы IV Международной научно-практической конференции НГТУ.

5. Ахметова, М. В. (2013). Прецедентные онимы в неофициальной ойконимии. *Вопросы ономастики*, 1(14), 41–57.
6. Попова, В. А. (2011). Модные слова — слова с «плохой славой» или символы современности. В М. П. Котюрова (Ред.). *Стереотипность и творчество в тексте* (с. 169–177). *Межвузовский сборник научных трудов*. ПермГНИУ.
7. Скляревская, Г. Н. (Ред.). (2006). *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний*. Эксмо.
8. Журавлева, Н. Г. (2009). *Феномен «модного» слова*. Монография. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).
9. Абабий, В. Н. (2016). «Актуальная лексика» во французском общественно-политическом дискурсе. В И. В. Скуратов (Ред.). *Романское культурное и языковое наследие: история и современность* (с. 121–127). Материалы международной научной конференции.
10. Леонтьева, Т. В. (2018). Актуальная лексика: за рамками словарей. *Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык*, вып. 7, 131–140. Ажур.
11. Новиков, В. И. (2018). *Словарь модных слов: языковая картина современности*. Словари XXI века.
12. Иссерс, О. С., & Мельник, Ю. А. (2019). Лингвистическая хроника перемен, или Актуальные процессы в лексике современного русского языка сквозь призму проектов «слово года». *Русский язык за рубежом*, 1(272), 30–36.
13. Калинина, Л. В. (2021). Актуальная лексика 2020 года в свете семантики неуловимого. *Когнитивные исследования языка*, 3(46), 150–154.
14. Сперанская, А. Н. (2021). «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона. *Коммуникативные исследования*, 8(1), 102–114.
15. Ян, Ц. (2022). Слова «текущего момента» в китайском интернет-дискурсе. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 20, 282–298.
16. Драгичевич, Р. (2023). Медиатекст как источник изучения новых словообразовательных и лексико-семантических изменений в современном сербском языке. *Медиалингвистика*, 10(1), 104–114.
17. Серова, С. А., & Семишова, Е. П. (2023). Ключевые слова текущего момента в медиаязыке периода Специальной военной операции. *Мир науки, культуры, образования*, 2(99), 424–426.
18. Путилина, Н. В. (2024). Актуальная лексика медиадискурса (по материалам французской газеты «20 minutes»). *Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)* (с. 170–171). Материалы II Всероссийской конференции с международным участием (МГУ, МГМУ). Канцлер.
19. Sumskaya, A. S., & Islova, Y. G. (2024). Semantic «portraits» of the Russian «media center» and «media periphery»: Lexical-statistical and ideographic analysis. *Media Linguistics*, 11(4), 466–486.
20. Серебренникова, Е. Ф. (2024). Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 110–121.
21. Болдырев, Н. Н., & Алтатов, В. В. (2008). Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (4), 5–14.

References

1. Popova, L. A. (2019). On the relationship between the concepts «vogue word» and «modern keyword». *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 19(2), 155–158.
2. Crystal, D. (Ed.). (2003). *The Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press.
3. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). The role of the media in the dynamics of language processes. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 38–54.
4. Krotova, A. G. (2013). Vogue word as a linguistic and cultural phenomenon (based on the analysis of metalinguistic comments on vogue words). In *Social communications and the evolution of societies* (p. 351–356). *Proceedings of the IV International research and practice conference o NGTU*.
5. Akhmetova, M. V. (2013). Precedent proper names in informal oikonymy. *Problems of Onomastics*, 1(14), 41–57.
6. Popova, V. A. (2011). Vogue words — words with a «bad reputation» or symbols of modernity. In M. P. Kotyurova (Red.). *Stereotypes and creativity in text* (p. 169–177). *Inter-university collection of studies*. PermGNIU.
7. Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century*. Current lexicon: Approx. 8,500 words and phrases. E'ksmo.
8. Zhuravleva, N. G. (2009). *The phenomenon of a «vogue» word*. Monograph. Rostov State University of Economics (RSUE).
9. Ababij, V. N. (2016). «Current lexicon» in French socio-political discourse. In I. V. Skuratov (Ed.). *Romance cultural and linguistic legacy: history and modernity* (p. 121–127). *Proceedings of the international research conference*.
10. Leont'eva, T. V. (2018). Current lexicon: beyond dictionaries. In *Socio-cultural space of Russia and the émigré community: society, education, language, Issue 7*, 131–140. Azhur.
11. Novikov, V. I. (2018). *Dictionary of fashionable words: a linguistic picture of modernity*. Slovari XXI veka.
12. Issers, O. S., & Mel'nik, Yu. A. (2019). Linguistic chronicle of changes, or current processes in the lexicon of Modern Russian through the prism of the «Word of the Year» projects. *Russkij yazyk za rubezhom*, 1(272), 30–36.
13. Kalinina, L. V. (2021). Current vocabulary of 2020 in light of the semantics of the elusive. *Cognitive Studies of Language*, 3(46), 150–154.
14. Speranskaya, A. N. (2021). «Word of the Year» and «Key Situation»: on replenishing the current lexicon. *Communication Studies*, 8(1), 102–114.
15. Yang, C. (2022). Words of the «current moment» in Chinese Internet discourse. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*, 20, 282–298.
16. Dragichevich, R. (2023). Media text as a source for studying new word-formation and lexical semantic changes in modern Serbian. *Media Linguistics*, 10(1), 104–114.
17. Serova, S. A., & Semishova, E. P. (2023). Key words of the current moment in the media language of the period of the Special Military Operation. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2(99), 424–426.
18. Putilina, N. V. (2024). Current lexicon of media discourse (based on the materials of the French newspaper «20 minutes»). *Language. Mind. Communication: methodology*

and practices in humanities (challenges of modernity) (p. 170–171). *Proceedings of the II National conference with international participation* (MGU, MG MU). Kancler.

19. Sumskaya, A. S., & Islova, Y. G. (2024). Semantic «portraits» of the Russian «media center» and «media periphery»: Lexical-statistical and ideographic analysis. *Media Linguistics*, 11(4), 466–486.

20. Serebrennikova, E. F. (2024). Axiologization of discourse: concept definition through media discourse perspective. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 110–121.

21. Boldyrev, N. N., & Alpatov, V. V. (2008). A cognitive-matrix analysis of English Christian place-names. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 5–14.

Информация об авторе

Владислав Викторович Алпатов — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Vladislav V. Alpatov — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of English and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.



Научная статья

УДК 81'255.2

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-125-135

ПЕРЕВОД В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТРАЖЕНИЕ, ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИЛИ ИСКАЖЕНИЕ?

Хухуни Георгий Теймуразович

Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

khukhuni@mail.ru, <https://orcid.org/009-004-9168-0079>

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее важных и актуальных проблем теории и практики перевода, касающейся отношения перевода к оригиналу и степени допустимости его отклонения от исходного текста в процессе межъязыковой передачи. Цель статьи состоит в выявлении случаев, иллюстрирующих отход переводчика от тех или иных сторон подлинника, и анализе обусловивших его причин как объективного (собственно лингвистические моменты, вызванные расхождением систем исходного и переводного языка, факторы культурного порядка, необходимость соблюдения цензурных ограничений и т. п.), так и субъективного характера (цель, с которой выполняется перевод, установка, данная заказчиком, и др.). Материалом исследования служат переводы художественных произведений в широком смысле слова, в связи с чем отмечается, что, с одной стороны, сам объем указанного понятия в различные эпохи мог быть неодинаков (ср.: статус философских, исторических и других произведений в античную эпоху), а с другой — что сакральные тексты, в первую очередь составляющие канон Священного Писания, занимают особое место в этом ряду, обладая характерными чертами как художественного, так и специального перевода. В ходе работы использовались общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также специальные методы филологического изучения фактического материала и сопоставления полученных данных. Сделанные автором выводы будут способствовать

дальнейшей разработке ряда положений теории перевода и могут найти применение в переводческой практике. Результатом исследования служит подтверждение необходимости уточнения понятия собственно перевода, его отграничения от других видов межкультурной и межкультурной коммуникации и критическая оценка положений скопос-теории, абсолютизирующей решающую роль заказчика перевода.

Ключевые слова: оригинал, перевод, межкультурный, скопос-теория, преобразование, искажение.

Для цитирования: Хухуни, Г. Т. (2026). Перевод в межкультурной коммуникации: отражение, переосмысление или искажение? *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 125–135. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-125-135>

Original article

UDC 81'255.2

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-125-135

TRANSLATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: REFLECTION, REFRAMING, OR DISTORTION?

Georgy T. Khukhuni

State University of Education,
Moscow, Russia,

khukhuni@mail.ru, <https://orcid.org/009-004-9168-0079>

Abstract. The paper is dedicated to one of the important and actual problems of the theory and practice of translation, connected with the correspondence of the source and target text and the limit of its deviation from the original. The aim of the present work is to detect the cases that illustrate the divergence of the translator from some formal and substantiate sides of original and analysis of its reasons, both objective (proper linguistic moments determined by the difference of the source and target language systems, cultural factors, demands of the censorship, etc.) and subjective ones (the aim of the translation, the wish of the customer, and so on). The research material is represented with the literary texts in wide sense. It is mentioned that, from one hand, the notion of such texts wasn't the same in different times (cf.: the status of philosophical, historical and other works in antiquity), whereas, on the other hand, the sacred texts, first of all the Holy Writ canon may be treated as a separate type combining the features both of the literary and special translation. During the investigation the theoretical methods of analysis, synthesis and the generalization were used, as well as a special method of philological study of the sources and their comparison. The conclusions may be used in further development of the theory and practice of translation. The result of the investigation is the confirmation of the necessity to clarify the notion of the translation in pure sense and its delimitation from other types of interlingual/intercultural communication and critical estimation of the scopos theory with its absolutization of the customer's role.

Keywords: original, translation, intercultural, scopos theory, reframing, distortion.

For citation: Khukhuni, G. T. (2026). Translation in intercultural communication: reflection, reframing, or distortion? *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 125–135. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-125-135>

Введение

При рассмотрении вопроса о том, насколько связан (или, напротив, свободен) переводчик по отношению к исходному тексту, чаще всего оперируют материалом, имеющим принадлежность к художественной литературе. При этом, правда, оговаривается ряд моментов: неодинаковое понимание в те или иные эпохи того, что следует к ней относить (как известно, историки античной литературы рассматривают в этом ряду и речи ораторов, и философские, и — в тогдашнем понимании — исторические, а отчасти даже научные тексты). Особо стоит вопрос о произведениях религиозного характера, в первую очередь о книгах Священного Писания и др., которые совмещают в себе признаки различных жанров и рассматриваются отдельно.

Но и когда речь идет о собственно художественном творчестве в привычном нам значении, традиционно наблюдалась определенная иерархия свободы, что наглядно проявилось в известном афоризме В. А. Жуковского о переводчике в прозе как о рабе и переводчике в стихах как о сопернике (хотя в специальной литературе и была попытка переосмыслить это изречение (Микушевич, 1971)).

Однако, независимо от трактовки жанровой иерархии при межъязыковой передаче, практически всегда в том или ином виде оставалась актуальной проблема, касающаяся необходимости/возможности/целесообразности разграничения собственно перевода и соприкасающегося с ним, но тем не менее принципиально иного вида *собственно творческой* деятельности. Цель настоящей статьи — показать случаи *сознательного* отклонения переводчика от оригинала, выявить некоторые причины последнего и тем самым внести вклад в возможное решение данного вопроса.

Методология исследования

Помимо использования общенаучных методов, применяемых в научных трудах (анализ, синтез, обобщение), характер предлагаемой работы предполагал применение специальных методов филологического анализа источников, рассмотрения позиции авторов по данной проблеме и их сопоставления, а также критического анализа положений тех концепций, которые, на наш взгляд, растворяют перевод как особый вид межъязыковой коммуникации среди других видов последней.

Результаты исследования и дискуссия

Прежде всего, считаем целесообразным указать на следующее обстоятельство. Говоря об отклонениях переводного текста от исходного, мы не имеем в виду различного рода переводческие ошибки, вызванные либо непониманием оригинала (т. е. неадекватным предпереводческим анализом), либо неумением подобрать в переводном языке такие средства, которые позволят надлежащим образом передать подлинник. Поскольку передача художественного текста обычно осуществляется на родной язык переводчика (оставляем сейчас в стороне дискуссию о том, всегда ли понятие родного языка поддается однозначному определению), такая ситуация может показаться несколько странной. Однако о том, насколько серьезно воспринималась названная проблема, свидетельствует тот факт, что в известной Хартии переводчика, принятой на конгрессе Международной федерации переводчиков в Дубровнике в 1963 году и несколько отредактированной в Осло в 1994 году, которая в основном была посвящена как раз художественному переводу, особо подчеркивалось: «Переводчик должен хорошо знать язык, с которого переводит, и, что еще важнее, в совершенстве владеть языком, на который переводит» (Хартия переводчика, 1965, с. 497).

Когда обращаются к вопросу о причинах сознательного пренебрежения автором со стороны переводчика, называют факторы как объективного, так и субъективного характера. Обратимся сначала к первым.

Во-первых, это собственно лингвистическая сторона. Хотя восходящий еще к В. фон Гумбольдту тезис о том, что, в принципе, любое сообщение можно, хотя и с неодинаковым успехом, передать на любом языке, разделяется большинством работающих в данной области, но, как показывает практика, в тех случаях, когда в языке перевода отсутствуют или не сформировались языковые средства выражения тех или иных понятий, переводчику приходилось прибегать ко всякого рода ухищрениям, чтобы хотя бы приблизительно довести идею (о форме в таких случаях говорить сложно) исходного текста до читателя. В истории отечественного перевода данный фактор особенно наглядно проявился в XVIII веке, когда шел процесс формирования русского литературного языка. Поэтому, несмотря на весьма большой размах переводческой деятельности и наличие среди тех, кто ею занимался, столь значимых для русской литературы личностей, как В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков и др. (не говоря уже о М. В. Ломоносове), актуальное значение большинство созданных тогда переводов утратило довольно быстро.

Во-вторых, могут вступить в силу причины культурного порядка. Вряд ли произведение с ярко выраженной христианской окраской найдет соответствующий отклик, скажем, в ортодоксально мусульманской аудитории, и наоборот, — обстоятельство, заметно проявившееся в период средневековых контактов двух названных цивилизаций.

В-третьих, не приходится забывать и о таком моменте, как официальная, а иногда и неофициальная цензура, — явление, достаточно хорошо известное в нашей стране в различные эпохи ее существования.

Когда говорят о факторах субъективного порядка (хотя между ними и теми, которые были рассмотрены ранее, может нередко наблюдаться и пересечение), вспоминают обычно эпоху классицизма с ее приверженностью, по выражению А. С. Пушкина, «исправительным переводам» (Пушкин, 1951, с. 488). Однако вопрос этот, как показывает опыт, не потерял актуальности (хотя, естественно, с использованием иной аргументации) и в позднейшие эпохи. Конечно, сейчас вряд ли можно встретить столь прямолинейное «уравнивание» переводчика с автором, как это имело место, скажем, в декларациях некоторых представителей названного литературного направления, заявлявших, что, воссоздавая на своем языке, например, поэмы Гомера, они считают себя в одних случаях переводчиками, а в других — авторами; но и в наши дни высказываются как постулат о том, что «такие виды языкового посредничества как сокращенный перевод и адаптация... должны рассматриваться как виды собственно перевода, а не адаптивного транскодирования» (Сдобников, 2016, с. 29), так и суждение противоположного характера: «В пересказе, реферате, критическом обзоре и пр. интерпретация практически ничем не ограничена: ее итогом является переосмысление текста. В переводе интерпретация несвободна, переводу доступно лишь осмысление текста» (Иванов, 2015, с. 53); (ср. также: (Шлепнев, 2018)).

Вместе с тем можно с известным основанием утверждать, что в различные периоды (говорим о переводе в западных странах и России/СССР) в роли преобладающей (но отнюдь не единственной!) могла выступать либо первая, либо вторая тенденция. Скажем, во второй половине прошлого века в нашей стране шли бурные споры между представителями литературоведческого и лингвистического подходов к художественному переводу (по понятным причинам, вопрос о переводе религиозной литературы в этих дискуссиях не фигурировал), причем внутри каждого течения наблюдались достаточно существенные расхождения. Однако тезис о том, что оригинал все-таки первичен, а перевод вторичен, в целом принимался и теми и другими. Отметим, что аналогичная позиция была высказана и в упомянутой ранее Хартии переводчика. В ней содержится, во-первых, признание переводчика «вторичным автором», в связи с чем указывается, что он «берет на себя особые обязательства по отношению к автору оригинала» (Хартия переводчика, 1965, с. 497). Во-вторых, подчеркивается, что «всякий перевод должен быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала, соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика» (Там же) (с оговоркой о недопустимости смешения верного перевода с буквальным). В-третьих, — что представляется особенно интересным в свете некоторых получивших в дальнейшем распространение переводоведческих концепций — в Хартии переводчика

декларируется следующее: «За перевод отвечает только переводчик, каковы бы ни были отношения и договор, связывающие его с лицами и учреждениями, использующими перевод» (Там же).

Однако представляется в какой-то степени симптоматичным, что в этот же период появляются концепции, ставящие под сомнение названные, казалось бы, прочно утвердившиеся принципы — в 60-е годы теория «динамической (позже функциональной) эквивалентности» Ю. Найды (Nida 1964), в 80-е — скопос-теория К. Райс и Х. Фермеера (Reiß, Vermeer 2014) (мы пользовались английским переводом, выполненным их продолжательницей К. Норд уже в 10-е годы нашего столетия). Хотя представители последней подчеркнуто (иногда, на наш взгляд, даже несколько чрезмерно) декларировали свои принципиальные расхождения с первой, однако определенная близость между ними прослеживается хотя бы в отмежевании от процитированного ранее постулата, согласно которому «всякий перевод должен быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала» (Хартия переводчика, 1965, с. 497). Но одно принципиальное различие между ними (во всяком случае, в теоретическом плане) все-таки действительно существует. Ю. Найда, обосновывая необходимость преобразования *формы* сообщения, утверждал, что таковое вызвано необходимостью сохранить его *содержание*. Правда, насколько правомерно (особенно в художественном и религиозном текстах — а труды Ю. Найды, как известно, строились на материале переводов Библии) отрывать одно от другого — вопрос достаточно спорный, тем более что сама форма понималась американским переводоведом достаточно широко, но для нас в данном случае важно именно то, что сам по себе тезис, согласно которому в переводе должно быть *сохранено содержание*, по крайней мере на уровне декларации, Ю. Найдой и его коллегами признается.

Что касается скопос-теории, то здесь ситуация представляется несколько иной. Не останавливаясь подробно на ее рассмотрении, отметим только, что она обнаруживает некоторые параллели (хотя и в несколько специфической области) с получавшим как раз в эти годы на Западе распространением постмодернистского релятивизма, с одной стороны, и концепцией деконструкции и «смерти автора» — с другой. Это обстоятельство отмечали и в специальной литературе, хотя сами создатели скопос-теории, насколько нам известно, такую связь особо не подчеркивали — во всяком случае, в их работе нет ссылок на таких авторов, как Ж. Деррида, М. Фуко или У. Эко. И в этой связи, естественно, вновь возникает традиционный вопрос: насколько обязательна для переводчика содержательная сторона текста? И можно ли говорить применительно к ней о неких «красных линиях», пересечение которых уже не позволяет вести речь о переводе? Подчеркнем: мы не отрицаем возможности того, что если в роли оригинала выступает произведение с преобладающей эстетической функцией, результатом такого пересечения может стать появление текста, многими расцениваемого как превосходящий свой прототип, — но здесь позволим себе

вспомнить известный и не раз повторявшийся афоризм: «Перевод не должен быть лучше оригинала» (курсив наш. — Г. Х.). Заметим, что несколько столетий назад на это обстоятельство обратил внимание Джон Драйден (кстати, его считают основоположником английского классицизма). По его мнению, действительно таким путем может быть создано нечто великое и даже более великое, чем подлинник, но далеко не всякий человек (имеется в виду, естественно, автор оригинала), ожидающий уплаты долга, будет доволен, получив вместо него подарок (Dryden, 1992).

Отвлекаясь от оценочных параметров («лучше/хуже»), подчеркнем, что если предшественники скопос-теории — будь то классицисты XVIII века или приверженцы теории динамической эквивалентности XX века — ссылаются главным образом на лингвокультурные моменты, то представители последней выдвигают на передний план понятие цели перевода (что проявляется в названии теории) и фигуру заказчика, по идее, предписывающего, что и как должно сообщаться, независимо от того, отражает ли полученный вариант содержание подлинника. В. Н. Комиссаров прокомментировал подобную установку следующим образом: «Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика» (Комиссаров, 2002, с. 258).

Такая трактовка может показаться некоторым преувеличением, однако Х. Фермеер действительно утверждал, что некоего единого исходного текста не существует, а наличествует только специфически интерпретируемый оригинал для определенного реципиента и в определенное время, а отсюда вполне логично заключить, что, дабы достичь поставленной заказчиком цели, вполне можно создать такое речевое произведение, которое удовлетворяет последней (Прунч, 2015) (и будет соответствующим образом оплачено, хотя об этом напрямую обычно не говорится).

Вместе с тем, как это часто бывает, дальнейшая эволюция обеих концепций привела к некоторому смягчению присущих им изначально крайностей. Применительно к Ю. Найде можно констатировать определенное изменение взглядов самого ученого (показателем чего стало переосмысление понятия динамической эквивалентности в функциональную), представленное в позднейшей работе, имеющейся и в русском переводе (Ваард, Найда, 1998). При этом название оригинала было несколько видоизменено, чем и объясняется их расхождение в списке источников и *References*. Не имея возможности останавливаться на данной книге подробно (достаточно информативное изложение можно найти в работе А. С. Десницкого, посвященной специально вопросам перевода Библии (Десницкий, 2015)), заметим только следующее. Сам Ю. Найда подчеркивал преемственность между названными понятиями (динамического и функционального эквивалентов), рассматривая вторую концепцию как уточнение первой; однако, по словам В. Н. Комиссарова, «американский переводовед в более поздних работах уже не требует такой адаптации текста

перевода, которая переместила бы его в новую/культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. Теперь упор делается на объяснении культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем достигается правильное понимание текста рецептором перевода, но уже речь идет не об обеспечении одинакового воздействия, как этого требовал принцип динамической эквивалентности» (Комиссаров, 2002, с. 230).

Что касается скопос-теории, то определенные коррективы были внесены в нее ученицей и последовательницей ее создателей К. Норд. Именно выполненный ею перевод основного труда последних на английский язык (см. выше) позволил названной концепции выйти за пределы германоязычной аудитории и получить мировую известность. При этом, подчеркивая свою верность принципам скопос-теории, она одновременно — в качестве своего рода моста между автором исходного текста (роль которого в первоначальном варианте рассматриваемой концепции практически игнорировалась) и принимающей стороной (переводчиком и заказчиком) — ввела понятия лояльности (*loyalty*) и верности (*fidelity*), применяя первое как обозначение межличностного (переводчик/автор), второе — межтекстового (перевод/оригинал) отношения. Однако, поставив второе в подчеркнуто подчиненное положение к первому и выдвигая в связи с этим на передний план не объективное содержание текста, а намерения автора (которые — отметим в скобках — часто представляют собой своего рода додумывание со стороны переводчика, с одной стороны, и могут противоречить тому, что реально вышло из-под пера создателя произведения, — с другой), исследовательница приходит к весьма парадоксальному выводу о возможности истолковать последние в духе, автору противоречащем. Тем самым абсолютизация принципа «цель оправдывает средства», по существу, сохраняется, а следовательно, остается в силе и возможность изменения (а по сути, искажения) подлинника, на которое — по признанию самой К. Норд — автор, возможно, и не дал бы своего согласия (Nord, 2006) (что напоминает известный парадокс Х. Борхеса: «Оригинал неверен по отношению к переводу»).

Заключение

Подводя итог нашему рассмотрению, можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, представляется необходимым уточнить содержание понятия «перевод», отграничив его от других видов межъязыковой/межкультурной коммуникации. При этом речь должна идти не об оценочной характеристике: о превосходстве или, наоборот, недостатке какого-либо типа последней над другим, а именно о *разных*, хотя и тесно соприкасающихся друг с другом явлениях, к каждому из которых предъявляются специфические требования.

Во-вторых, тезис о переводчике как о вторичном авторе, нашедший отражение и в Хартии переводчика, является основополагающим при решении вопроса о том, можно ли считать тот или иной имеющий иноязычный прототип текст переводом или он должен рассматриваться как продукт самостоятельного творчества и, соответственно, подходить к нему следует под другим углом зрения.

В-третьих, исходя из вышесказанного, целесообразно признать, что текст, претендующий на статус именно перевода, не может быть лучше оригинала — в противном случае он должен уже квалифицироваться как иной вид коммуникации.

В-четвертых, при анализе теоретических концепций, рассматривающих вопросы перевода (в нашем случае — теории динамической/функциональной эквивалентности и скопос-теории) необходимо учитывать их последующее развитие как самими авторами, так и их продолжателями, поскольку в ходе последнего исходные положения могут претерпеть определенные изменения, порой достаточно существенные, но рассматриваемые как остающиеся в рамках соответствующей концепции.

В-пятых, представляется нерелевантным при обосновании сознательного отклонения от исходного текста ссылаться на некие намерения автора, а не на объективное содержание подлинника, поскольку такой подход может привести к ничем не ограниченному субъективизму.

Думается, что приведенные положения (во многом носящие дискуссионный характер) могут способствовать дальнейшим исследованиям в области переводоведения.

Список источников

1. Микушевич, В. (1971). Поэтический мотив и контекст. В Т. А. Рузская (Сост.). *Вопросы теории художественного перевода* (с. 6–79). Сборник статей. Е. Д. Вишневская, Т. А. Рузская, К. Д. Трофимов и др. (Редкол.). Художественная литература.
2. Хартия переводчика. *Мастерство перевода 1964* (с. 496–500). Художественная литература.
3. Пушкин, А. С. (1951). О Мильтоне и Шатобриановом переводе потерянного рая. В А. С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7, с. 488–502. Издательство Академии наук СССР.
4. Сдобников, В. В. (2016). *Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Московский государственный лингвистический университет].
5. Иванов, Н. В. (2015). Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения). *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода*, 4, 34–64.
6. Шлепнев, Д. Н. (2018). Переводческая деятельность и целеполагание. Ч. II. Целеполагание в переводоведении: анализ и критика. *Перспективы науки и образования*, 2(32), 192–199. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-deyatelnost-i-tselepolaganie-chast-ii-tselepolaganie-v-perevodovedenii-analiz-i-kritika>

7. Nida, E. (1964). *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Brill.
8. Reiß, K., & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a general theory of translational action. Skopos Theory explained. Translated from the German by Christian Nord. English reviewed by Marina Dudenhöfer*. Routledge.
9. Dryden, J. (1992). On translation. *Theories of translation. An anthology of essays from Dryden to Derrida. Edited by R. Schulte and J. Biguenet* (p. 17–31). The University of Chicago Press.
10. Комиссаров, В. Н. (2002). *Современное переводоведение*. ЭТС.
11. Прунч, Э. (2015). *Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической*. Н. И. Рейнгольд (Науч. ред.). Издательство Р. Валент.
12. Ваард, Я. де, & Найда, Ю. А. (1998). *На новых языках заговорят: функциональная эквивалентность в библейских переводах*. Российское библейское общество.
13. Десницкий, А. (2015). *Современный библейский перевод: теория и методология*. Издательство ПСТГУ.
14. Nord, C. (2006). Loyalty and fidelity in specialized translation. *Confluências — Revista de tradução científica e técnica*, 4, 29–42.

References

1. Mikushevich, V. (1971). Poetical motive and context. In T. A. Ruzskaya (Comp.). *Questions of the literary translation theory* (p. 6–79). Collection of articles. E. D. Vishnevskaya, T. A. Ruzskaya, K. D. Trofimov, et al. (Ed. Board). *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.).
2. The translator's charter. (1965). *The skill of translation 1964* (p. 496–500). *Hudozhestvennaya literature*. (In Russ.).
3. Pushkin, A. S. (1951). On Milton and Chateaubriand's translation of *Paradise Lost*. In A. S. Pushkin. *The complete works*. USSR Academy of Science Publishing House.
4. Sdobnikov, V. V. (2016). *Communicative situation of the translation as the foundation of the translation strategy choice* [Abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow State Linguistic University]. (In Russ.).
5. Ivanov, N. V. (2015). Dichotomies in translation: ontological definition of scientific object in translation studies. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 4, 34–64. (In Russ.).
6. Shlepnev, D. N. (2018). Translational activity and translation purpose. Part II. Analysis and critique of purpose-based theories. *Perspektives of Science and Education*, 2(32), 192–199. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-deyatelnost-i-tselepolaganie-chast-ii-tselepolaganie-v-perevodovedenii-analiz-i-kritika>. (In Russ.).
7. Nida, E. (1964). *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Brill.
8. Reiß, K., & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a general theory of translational action. Skopos Theory explained. Translated from the German by Christian Nord. English reviewed by Marina Dudenhöfer*. Routledge.
9. Dryden, J. (1992). On translation. *Theories of translation. An anthology of essays from Dryden to Derrida. Edited by R. Schulte and J. Biguenet* (p. 17–31). The University of Chicago Press.
10. Komissarov, V. N. (2002). *Modern translation studies*. ETS. (In Russ.).

11. Prunch, E. (2015). *The Ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one*. N. I. Reingold (Scient. Ed.). Izdatel'stvo R. Valent. (In Russ.).
12. Vaard, J. de, & Nida, E. A. (1986). *From one language to another: functional equivalence in Bible translation*. Rossijskoe biblejskoe obshhestvo. (In Russ.).
13. Desnickij, A. (2015). *Modern Bible translation: theory and methodology*. Izdatel'stvo PSTGU. (In Russ.).
14. Nord, C. (2006). Loyalty and fidelity in specialized translation. *Confluências — Revista de tradução científica e técnica*, 4, 29–42.

Информация об авторе

Георгий Теймуразович Хухуни — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения.

Information about the author

Georgy T. Khukhuni — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics Department, Faculty of Linguistics, State University of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК [811.111:811.161.1]’42:81-13

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-136-151

ДИСКУРС МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТАТЬИ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Хутыз Ирина ПавловнаКубанский государственный университет,
Краснодар, Россия,ir_khoutyz@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4141-5395>

Аннотация. Статья освещает особенности описания методологии исследования англоязычными и русскоязычными лингвистами. Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью раздела о методологии, формирующего у читателя доверие к результатам, описываемым в академической статье. Соответственно, цель исследования — выявить и систематизировать различия в конструировании дискурса о методологии в академических статьях по лингвистике на русском и английском языках в международных научных журналах, индексируемых в базах Web of Science and Scopus (Q1). Эмпирический корпус включает в себя 30 статей (15 на русском и 15 на английском языке), которые были опубликованы за последние четыре года. Методы дискурсивного, лингвопрагматического и контрастивного анализа, а также систематизации, интерпретации и численной обработки данных применялись при изучении дискурса разделов о методологии в избранных для анализа статьях. Было определено, что раздел о методологии можно представить в виде коммуникативной стратегии «Надежность и обоснованность исследования», которая конструируется с помощью трех тактик: «Материал исследования и его сбор: достоверность информации», «Обоснование избранной процедуры анализа и описание его осуществления», «Характеристика результативности исследования». Контрастивный анализ выявил, что дискурс о методологии англоязычных авторов реализует все три тактики, в то время как у русскоязычных лингвистов преимущественно представлены две тактики, причем некоторые их аспекты выражены имплицативно.

Ключевые слова: академическая статья, раздел о методологии исследования, коммуникативная стратегия, тактики, контрастивный анализ.

Для цитирования: Хутыз, И. П. (2026). Дискурс методологии исследования академической статьи: контрастивный аспект. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 136–151. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-136-151>

Original article

UDC [811.111:811.161.1]’42:81-13

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-136-151

RESEARCH METHODOLOGY DISCOURSE IN AN ACADEMIC ARTICLE: CONTRASTIVE ASPECT

Irina P. KhoutyzKuban State University,
Krasnodar, Russia,ir_khoutyz@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4141-5395>

Abstract. The article highlights how Russian- and English-language linguists describe their research methodology. The relevance of this study is justified by the great role that the methodology section plays in making the reader trust the results presented in the academic article. Thus, the aim of this research is to identify and systematize cultural differences in how discourse about research methodology is constructed in academic articles in Linguistics by Russian- and English-language authors in international journals indexed in the Web of Science and Scopus (Q1) databases. The empirical corpus comprises 30 academic articles (15 in Russian and 15 in English), which were published in high-profile journals in Linguistics during the last 4 years. Discourse analysis, methods of pragmatic and contrastive analysis as well as systematization, interpretation, and calculation of the obtained results have been used to investigate the methodology section discourse. The study revealed that the methodology section can be represented by the commutative strategy «Research reliability and validity». It is represented by three tactics «Collecting the research corpus: credibility», «Analysis procedure: description», «Specification of research efficiently». The contrastive analysis identified that the English-language authors used all the three tactics in their methodology discourse, while the Russian-language linguists predominantly relied on the first two tactics some aspects of which were expressed implicatively.

Keywords: academic article, section on research methodology, communicative strategy, tactics, contrastive analysis.

For citation: Khoutyz, I. P. (2026). Research methodology discourse in an academic article: contrastive aspect. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 136–151. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-136-151>

Введение

Лингвисты, занимающиеся исследованием академического дискурса, отмечают, что раздел о методологии, по сравнению с такими разделами научных трудов, как аннотация, введение и заключение, остается малоизученным (Arsyad, 2024). При этом ученые подчеркивают его высокую значимость как элемента академического письма, так как о валидности и достоверности научной работы читатель судит по качеству написания данного раздела

(Azevedo et al., 2011). Существует несколько основных направлений в изучении особенностей дискурса раздела о методологии (преимущественно зарубежными лингвистами). Рассмотрим их подробнее.

1. *Анализ риторических ходов и шагов, определение их значимости* является наиболее активно представленным направлением, так как оно тесно связано с пониманием международных стандартов академического письма. Именно поэтому значимой представляется работа М. Пикока, который проанализировал 288 текстов, относящихся к разделу о методологии из академических статей различных дисциплин, и пришел к выводу о том, что для него типично наличие семи риторических ходов (Peacock, 2011). Данная научная публикация вдохновила других лингвистов на постижение риторических особенностей академического дискурса о методологии исследования.

Ученые из Индонезии рассмотрели 50 диссертаций выпускников магистерских педагогических программ и выделили пять основных риторических ходов, три из которых они считают обязательными (Chen, Kuo, 2012). Полученные результаты в дальнейшем были подтверждены другими филологами (Tulud, Algouti, 2021). Итак, назовем эти риторические ходы: 1) вводная информация о методологии; 2) характеристика дизайна исследования; 3) описание процесса сбора материала исследования; 4) объяснение процедуры анализа данных; 5) вывод о достоверности исследования, связь с предшествующими изысканиями. При осуществлении анализа лингвисты, как правило, разделяют текст на объединенные общей целью ходы (moves), состоящие из шагов (steps), которые включают в себя соответствующие лингвистические средства. Ходы и шаги выделяются на основе их коммуникативной цели, а лингвистические особенности представлены спецификой использования грамматического времени, залога, глаголов, местоимений и т. д. Подобный подход к анализу дискурса выделяет закономерности в его конструировании (Joseph et al., 2014).

2. *Особенности аргументации раздела о методологии.* По мнению ученых, раздел о методологии выполняет важную функцию убеждения: если читатель не убежден в правильности избранных методов и их применения, дискуссия и выводы не имеют весомости (Arsyad, 2024). Рассмотрев 60 статей из шести авторитетных научных журналов, С. Арсиад приходит к выводу, что типичными элементами раздела о методологии служат сведения об участниках исследования, о сборе данных, процедуре анализа данных, об исследовательских инструментах. Также лингвист отмечает, что нет единых требований, насколько подробно нужно представлять обоснование избрания той или иной методологии и применения определенных методов (Arsyad, 2024).

Настоящая публикация посвящена дискурсивным особенностям раздела академической статьи о методологии русскоязычных и англоязычных лингвистов. Цель работы — выявить кросс-культурные различия в рассматриваемом дискурсе. Актуальность изыскания заключается в значимости обзора методологии научного труда для его убедительной характеристики и, как следствие, высокой оценки деятельности ученого научным сообществом. Благодаря

контрастивному характеру исследования, фокусом которого является определение несоответствий в текстах двух лингвокультур, удастся выделить «как инвариантные, так и национальные признаки коммуникативного поведения» (Эсхаг, 2023, с. 235). В нашем случае подобный подход обнаруживает лингвокультурные различия в специфике описания методологии исследования, помогая улучшить навыки академического письма на английском языке. Научная новизна заключается в распознавании коммуникативных тактик и языковых средств, формирующих специфику дискурса раздела о методологии исследования в академических статьях русскоязычных и англоязычных авторов.

Методология исследования

Для изучения особенностей дискурса раздела о методологии в статьях по лингвистике, опубликованных в международных изданиях на русском и английском языках, сформирован корпус из 30 публикаций (по 15 работ на каждом языке). Научные труды отобраны из журналов, которые вышли в свет с 2022 по 2026 год и индексируются в Scopus и Web of Science (квартиль Q1). Лингвистическая направленность научных изданий обусловлена личными интересами автора исследования. В русскоязычный корпус включены материалы из журналов *Terra Linguistica* и «Научный диалог», в англоязычный корпус — *Journal of Writing Research* и *Moderna Språk*. Из указанных изданий методом сплошной выборки сформирован исследовательский корпус для выявления различий в дискурсе о методологии.

Анализ осуществлялся с опорой на теоретические положения о проведении процедуры дискурс-анализа, рассматривающей дискурс как процесс речевой деятельности, создаваемой в ходе целеполагания с учетом таких параметров, как участники, контекст общения, форма коммуникации и ее содержательная составляющая. Сама же процедура анализа определяет формальные свойства текста в соотношении с внешними факторами, которые повлияли на его конструирование (Леонтович, 2011; Fairclough, 2003) (например, институциональность академического дискурса, существующие ожидания к его конструированию).

Главная цель раздела о методологии — ясно изложить информацию о проделанной работе, исходя из которой читатель будет судить о ее качестве, обоснованности и воспроизводимости (Fox, Jennings, 2014). Соответственно, мы можем заключить, что данный раздел выполняет информирующую и одновременно убеждающую функции, при условии успешной реализации которых адресат не будет сомневаться в надежности описанного в статье исследования. Данную цель мы представляем как коммуникативную стратегию подтверждения надежности и обоснованности исследования. Оценка задач, ориентированных на достижение ключевой цели раздела о методологии, дает возможность посредством лингвопрагматического анализа определить способствующие реализации указанной коммуникативной стратегии тактики:

- 1) сбор материала исследования, проверка достоверности информации;
- 2) обоснование избранной процедуры анализа и описание его осуществления;
- 3) характеристика результативности исследования.

Опираясь на контрастивный анализ, мы определили различия в использовании перечисленных тактик при описании методологии исследования русскоязычными и англоязычными авторами. После систематизации полученные результаты были интерпретированы с точки зрения традиций академического письма. Подведение итогов исследования наглядно показало, насколько активно применяются выявленные тактики в статьях из эмпирического корпуса. Сами языковые средства, формирующие тактики изучаемой стратегии, не продемонстрировали глубоких отличий.

Результаты и дискуссия

Прежде чем мы перейдем к анализу тактик, формирующих коммуникативную стратегию подтверждения надежности и обоснованности исследования, отметим некоторые характеристики рассматриваемого материала.

Общей особенностью англоязычных и русскоязычных текстов является отсутствие единообразия при описании методологии исследования. Подобные тексты значительно отличаются даже в одном выпуске журнала. Так, в исследовательский корпус вошли две статьи из журнала *Journal of Writing Research*, № 17 (1) за 2025 год. Раздел о методологии одной публикации (3. Methodology) содержит 805 слов и включает в себя три подраздела (Boillos, Idoiaga, 2025), а раздел о методологии другой работы из этого же выпуска журнала (3. Methods and Materials) состоит из 2 052 слов и содержит четыре подраздела под другими названиями (Lazebnik, Rosenfeld, 2025). Главное отличие англоязычных разделов методологии от русскоязычных заключается в наличии визуальных средств, с помощью которых авторы иллюстрируют процедуры анализа (графики, таблицы, рисунки) или характеризуют исследовательский корпус. Также англоязычные авторы приводят примеры для демонстрации применения описываемой методологии. Особенности раздела о методологии систематизированы в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Характеристики раздела о методологии
Characteristics of the research methodology section

Характеристика	Статьи	
	англоязычные	русскоязычные
Максимальное количество слов, <i>ед.</i>	2 527	1 386
Минимальное количество слов, <i>ед.</i>	682	141
Примеры, <i>ст.</i> (%)	11 (73)	2 (13)
Визуальные средства, <i>ст.</i> (%)	10 (67)	1 (7)
Наличие подразделов, <i>ст.</i> (%)	9 (60)	—

Примечание: *ед.* — единица; *ст.* — статья.

В целом отметим, что в англоязычных статьях описание методологии информативно и выглядит более творческим, а не формальным элементом статьи. Авторы стараются представить максимально ясно информацию о проведенном исследовании и заинтересовать читателя в процедуре анализа и его результатах. Некоторые русскоязычные тексты описаний методологии неинформативны: авторы кратко перечисляют методы и не озабочены тем, будет ли информация раскрывать суть реализованного изыскания читателю. В одном из разделов о методологии на русском языке материал исследования не указан. Пять из 15 русскоязычных (33 %) описаний методологии составляют менее 200 слов, что, как мы можем полагать, не позволяет автору подробно и ясно охарактеризовать материал и процедуру анализа. Подобное описание методологии затрудняет понимание информации читателем, личность которого, как можно заключить из рассмотренных статей, не учитывается русскоязычными авторами. Это еще раз указывает на то, что русскоязычное академическое письмо продолжает ориентироваться на автора (Hinds, 1987; Хутыз, 2023), о чем мы поговорим при обсуждении результатов анализа. Далее рассмотрим тактики, которые формируют раздел о методологии академической статьи и объединены в коммуникативную стратегию подтверждения надежности и обоснованности исследования.

Тактика 1. Сбор материала исследования, проверка достоверности информации. Раздел о методологии начинается, как правило, с информации о материале исследования и о том, как он был собран. Соответственно, тактика 1 нацелена на детальное информирование об участниках или материале научной работы, о принципе отбора конкретного материала, чтобы подчеркнуть его соответствие цели изыскания.

Англоязычные авторы во всех рассмотренных разделах о методологии подробно характеризуют материал, например указывая пол, возраст, родной язык участников эксперимента, конкретизируют принцип отбора материала и поясняют предпочтение именно его. Если информация собиралась с помощью программы или устройства, авторы указывают название этого устройства и объясняют принцип его действия. Например, авторы описывают программное обеспечение, которое позволило им осуществлять лексический анализ собранного материала:

The present study utilized the Iramuteq software, developed by Ratinaud (2009) and refined by Ratinaud and Marchand (2012), to conduct a comprehensive lexical analysis of the collected corpus of responses (Boillos, Idoiaga, 2025, p. 160).

Ср.: Настоящее исследование использовало программу IRaMuTeQ, разработанную Ратино (2009), а затем улучшенную Ратино и Маршан (2012), чтобы осуществить всесторонний лексический анализ собранного корпуса ответов (здесь и далее перевод наш. — И. Х.).

Как видно из примера, исследование проводилось с помощью программы *Iramuteq*, которая была создана *Ratinaud* (2009), а затем улучшена *Ratinaud* и *Marchand* (2012) в целях осуществления обширного (comprehensive) лексического анализа. Особенность обширного анализа переносится и на исследование авторов статьи, одновременно положительно характеризует его.

В русскоязычном корпусе достоверность рассматриваемой информации преимущественно имплицитруется наличием опубликованных значимых источников, в которых ранее использовался схожий подход или методология. Авторы подчеркивают, что применяемая ими методология уже была ранее апробирована, а с дизайном исследования можно ознакомиться в опубликованных источниках. Достоверность и надежность подхода усиливается, если среди перечисленных источников указаны известные лингвисты. Так, в следующем примере автор ссылается на известных российских ученых и подчеркивает, что относительно недавно «сложилось целое направление» (Дмитриева, 2025, с. 12), посвященное изучению рассматриваемого понятия. Как следствие, достоверность информации передается путем размещения собственного исследования в существующий контекст и опоры на опубликованные источники:

Кроме того, в лингвистике и литературоведении сложилось целое направление, изучающее культурные коды, количественный состав которых варьируется от традиционно выделяемых шести базовых кодов по В. В. Красных [Красных, 2001] до 12–14 и более (см. [Леонтьева, 2014; Маслова и др., 2016]) (Дмитриева, 2025, с. 12).

Русскоязычные авторы отмечают использование методологии, разработанной другими учеными, акцентируя принцип воспроизводимости методологии; они преимущественно опираются на фамилии авторов, но также указывают названия словарей, корпусов, исследуемых произведений и иных источников: газет, фильмов, статей, видеопроектов. Названия программ и устройств не замечены в русскоязычном корпусе, численные данные встречаются реже (без формул), что свидетельствует о более теоретическом, а не об экспериментальном подходе.

Подводя итог, можно сказать, что в англоязычном дискурсе Тактика 1 представлена характеристикой дизайна исследования и деталями сбора материала. Для этого авторы опираются на имена собственные (названия программ, устройств, университетов), числительные (количество материала исследования, возраст участников эксперимента, соотношения данных), междисциплинарную и общеупотребимую лексику, пассивный и активный залог, конструкции с перечислением. Русскоязычные авторы конструируют подобную тактику, размещая свое исследование в дисциплинарный контекст и активно опираясь на опубликованные источники. Они приводят имена собственные (преимущественно фамилии авторов), числительные (количество материала исследования), преимущественно употребляют узконаучную лексику, пассивный залог. Особенности реализации Тактики 1 представлены в таблице 2.

Тактика 2. Обоснование избранной процедуры анализа и описание его осуществления. Содержит объяснение процедуры анализа данных: авторы характеризуют материал исследования, способ его отбора, объясняют предпочтения выбора и далее описывают ход работы. Разъясняют, что удалось осуществить на различных этапах процесса, и одновременно продолжают демонстрировать читателю уместность избранной методологии.

Таблица 2 / Table 2

Особенности сбора материала исследования, проверки достоверности информации
Specifics of the research corpus collection, information credibility verification

Характеристика	Статьи	
	англоязычные	русскоязычные
Указан материал исследования, <i>ст.</i> (%)	15 (100)	14 (93)
Назван принцип отбора материала исследования, <i>ст.</i> (%)	15 (100)	7 (47)
Обоснован материал исследования, <i>ст.</i> (%)	15 (100)	4 (27)

В англоязычном материале все рассмотренные статьи содержат описание процедуры анализа. В восьми публикациях этому посвящен отдельный подраздел, озаглавленный как *Procedure, Tasks and Procedures, Data Analysis* или *Procedure and Instrument* и т. д. Как правило, описание осуществляется в хронологическом порядке с подробной характеристикой каждого этапа и задействованных методов. В случае необходимости разъясняется, где и когда проводилось изыскание (Willis, 2023). Авторы 13 англоязычных текстов ссылаются кратко на предшествующие научные работы для акцентирования внимания на том, что методология уже была протестирована ранее. Они пошагово описывают процедуру исследования, например с помощью активного залога и местоимения «я»:

I will start the analysis by characterising the topic expressions used in the ten language versions of *Le Petit Prince*. The topic expressions are classified according to two parameters... (Granvik, 2022, p. 229).

Ср.: Я начну анализ с характеристики тематических выражений, которые используются в десяти версиях повести «Маленький принц» на разных языках. Эти тематические выражения классифицированы в соответствии с двумя параметрами...

Как правило, в ходе описания этапов анализа авторы полагаются на лексемы, позволяющие подчеркнуть хронологию процесса, например *First, we... To that end, we utilize... Once... is obtained, we use... Finally, we...* (Lazebnik, Rosenfeld, 2025). Или: *First, Author I watched... We both... We then... We had interpreted... Following our discussion, we therefore... Consequently...* (Casoli-Uvsløkk, Thue Vold, 2024).

Общедисциплинарная лексика (например, *evaluate* — оценивать, *rely on* — полагаться на, *give a point* — отдать очко, *vary* — варьироваться) сочетается с дисциплинарными терминами (*cognitive ability* — когнитивная способность; *the Raven’s Progressive Matrices test* — модель оценки прогрессивной матрицей Равена; *verbal aspect* — вербальный аспект) (Silva et al., 2024, p. 306). Уточняющие наречия и прилагательные усиливают ощущение эффективности исследования. Так, после ссылок на успешное применение моделей дистрибуции другими авторами автор статьи подчеркивает:

Both distribution models effectively address over-dispersion in data and are well-suited for analyzing complex data distributions such as language unit lengths (Liu et al., 2024, p. 56).

Ср.: Обе дистрибутивные модели эффективно решают проблему чрезмерной дисперсии данных и хорошо подходят для анализа сложного распределения данных, таких как протяженность языковых единиц.

Авторы переносят способность ранее примененной модели анализа эффективно выделять рассматриваемые качества и на свое исследование, так как модель отлично подходит и для анализа дистрибуции сложных данных — *well-suited for analyzing complex data distributions*.

Описывая предварительные условия анализа, а затем пошаговую процедуру исследования, англоязычные авторы конструируют нарратив, который дает полное представление о том, как велась работа с материалом изучения, одновременно демонстрируя читателю состоятельность и эффективность процедуры. Таким образом, Тактика 2 информирует адресата о процедуре анализа и одновременно убеждает в соответствующем осуществлении описываемого изыскания.

В русскоязычном корпусе тактика конструируется несколько иначе. Авторы статей на русском языке менее подробно излагают информацию о процедуре анализа, если вообще дают ее. В следующем примере показано, как автор объясняет, что подразумевает процедура анализа, но не конкретизирует, как она реализуется: «Процедура анализа материала подразумевает выявление образных парадигм сравнений с учетом культурных и авторских коннотаций, а также описание видов лексико-семантических и грамматических трансформаций сравнительных конструкций в русском переводе» (Соколова, 2025, с. 165). Для выражения своей мысли автор задействовала абстрактные существительные (выявление... парадигм сравнений), представленные перечислением. Данный прием играет важную роль в описании процедуры исследования, особенно в статьях русскоязычных авторов, позволяя охарактеризовать целый набор действий в одном предложении. Так как они не придерживаются принципа хронологического описания процедуры анализа, а пытаются рассказать о ней с помощью одного-двух сложных предложений, то иногда размещают дополнительную разъясняющую информацию в скобках.

В отличие от англоязычного корпуса во всех русскоязычных статьях было обнаружено описание теоретических истоков формирования исследовательского подхода, что в русскоязычных текстах, предположительно, компенсирует описание процедуры анализа. Подобно англоязычным авторам, русскоязычные авторы часто опираются на ранее разработанную методологию, указывая источник, более подробно характеризуя возможности данной методологии, которые они могут затем применить в собственном исследовании (см., например: Бабенко, Романова, 2025).

При конструировании Тактики 2 англоязычные авторы ссылаются на источники, приводят имена собственные (названия программ и оборудования) и наречия для обозначения порядка процедуры. Общенаучная и узконаучная

лексика, динамичные глаголы, сочетание активного и пассивного залогов, синтаксические конструкции перечисления, преимущественно прошедшее время — эти средства участвуют в формировании данной тактики в англоязычном корпусе. В русскоязычном корпусе, конструируя Тактику 2, авторы обосновывают процесс анализа, опираясь на опубликованные источники и описывая теоретические истоки избранной процедуры. Общенаучные и лингвистические термины, имена собственные (фамилии авторов), возвратные глаголы, активные и пассивные конструкции, номинализированная лексика, сложные синтаксические структуры с перечислением, прошедшее время задействованы в конструировании тактики русскоязычными авторами (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Особенности обоснования избранной процедуры
анализа и описания его осуществления

Specifics of the analysis procedure rationale and description of its implementation

Характеристика	Статьи	
	англоязычные	русскоязычные
Процедура анализа:		
– подробно описана, <i>ст.</i> (%)	15 (100)	–
– упоминается, <i>ст.</i> (%)	–	13 (93)

Тактика 3. Характеристика результативности исследования. Представляются результаты исследования, полученные как следствие применения описанной методологии, дополняется по желанию автора разъясняющая информация. Отмечается, как в будущем можно глубже изучить тему (*limitations*), демонстрируя факт осознанности неполноты исследования.

В англоязычном исследовательском корпусе данная тактика выражает, что удалось выявить с помощью подробно описанной методологии — логичной и взаимосвязанной структуры, которая позволяет достичь цели. Англоязычные авторы реализуют Тактику 3 по-разному: в семи из 15 статей указаны результаты и именно в трех из них описаны возможности улучшения исследования. В пяти публикациях результаты имплицитируются: авторы подводят краткий итог методологическому описанию, не конкретизируя результаты. Так, авторы отмечают, что сравнительный анализ количественных и качественных результатов выявил различия и совпадения, но не конкретизируют их:

A comparative analysis of qualitative and quantitative results revealed distinctions and overlaps, thereby deepening data interpretation. This approach meets mixed-method criteria, broadens insights, and enriches understanding (Yetkin, Alagözlü, 2025, p. 6).

Ср.: Сравнительный анализ качественных и количественных результатов вскрыл отличия и совпадения, углубляя таким образом интерпретацию данных. Этот подход соответствует критериям смешанных методов, расширяет наши знания и обогащает понимание.

Авторы недвусмысленно утверждают, что избранный ими подход «обогащает понимание» изучаемого вопроса — возможно, это наилучший результат,

который демонстрирует успешно избранную методологию. В одной статье в конце раздела автор сообщает, что результаты будут указаны далее: «The results, including detailed procedures, are presented in the following sections» (Akinlotan, 2023, p. 161). В двух статьях авторы не упоминают о результатах.

В русскоязычных работах данная тактика представлена слабо: в 10 из 15 работ нет никакого упоминания о результате. В одной публикации автор отмечает, что результаты будут описаны далее: «Все основные результаты прагмафразеологического анализа двух фильмов по установленным параметрам подробно описаны в следующем разделе настоящей статьи» (Зыкова, 2025, с. 53). В трех публикациях результаты имплицированы, т. е. описан ожидаемый от методологии результат: «...далее параллельные контексты, отобранные с сайтов Linguee.ru и Reverso.net (оригинальный текст и перевод), анализировались с помощью сравнительно-сопоставительного метода для дальнейшего выявления принципов корреляции между русскими и английскими структурами» (Беклемешева, Малыгина, 2025, с. 12). Как видно из примера, автор поясняет, какой результат ожидается от описанной методологии. Наконец, только в одной статье кратко описан результат: «Таким образом, видим, что СМИ позиционируют себя важным носителем контрэкспертного знания и, как следствие, участвуют в процессе расшатывания жестких иерархий и системной несправедливости в принятии решений по вопросам качества жизни и благополучия людей» (Коломиец, 2024, с. 175).

В целом отметим, что при конструировании Тактики 3 англоязычные авторы стараются упомянуть результат, выявленный с помощью эффективной методологии. Они описывают его одним-двумя сложными предложениями с перечислением, включая уточняющие наречия и/или прилагательные с позитивной коннотацией. Для тактики характерно сочетание настоящего и прошедшего времени, употребление динамичных глаголов коммуникативного и физического характера, подчеркивающих эффект изменения состояния. Авторы напоминают читателю о себе с помощью личных местоимений *we* и *I*. Наиболее частотные лексемы в данной тактике, завершающей раздел о методологии, — *analysis* и *result*. Русскоязычные авторы, если упоминают результат научной работы, делают это кратко, как правило, с помощью перечисления, возможно сочетание прошедшего времени с настоящим. Также в завершающих фразах присутствуют глаголы активного действия, даже при отсутствии тактики в конце раздела используются активно лексемы *анализ* и *метод/методология* (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Особенности характеристики результативности исследования
Specifics of the Specification of research efficiently

Характеристика	Статьи	
	англоязычные	русскоязычные
Указаны результаты применения методологии, <i>см.</i> (%)	7 (47)	1 (7)
Отмечены возможности улучшения методологии в будущем, <i>см.</i> (%)	3 (20)	—

Характеристика	Статьи	
	англоязычные	русскоязычные
Тактика полностью отсутствует, <i>ст.</i> (%)	2 (13)	10 (66)
Результат имплицирован, <i>ст.</i> (%)	5 (33)	3 (20)
Дана формулировка о дальнейшем описании результатов, <i>ст.</i> (%)	1 (7)	1 (7)
Используются местоимения 1-го лица, <i>ст.</i> (%)	5 (33)	—

Заключение

Дискурс о методологии, информирующий о процедуре анализа материала исследования, направлен на убеждение адресата в валидности и достоверности полученных результатов. Описание методологии не имеет четких дисциплинарных стандартов. Контрастивный анализ разделов о методологии в статьях англоязычных и русскоязычных авторов-лингвистов продемонстрировал отличия на уровне используемых тактик при конструировании коммуникативной стратегии подтверждения надежности и обоснованности исследования, реализуемой в разделе о методологии.

Англоязычные авторы конструируют данную коммуникативную стратегию, используя три тактики: 1) сбор материала исследования, проверка достоверности информации; 2) обоснование избранной процедуры анализа и описание его осуществления; 3) характеристика результативности исследования. Они предусматривают подробную характеристику сбора материала для научной работы, обоснование принципа его отбора. Хронология порядка анализа эмпирического корпуса с применением указанных методов формирует четкое представление о каждом этапе исследования. Полученные результаты, которые авторы четко и лаконично описывают в конце раздела, кажутся надежными и не вызывают сомнений у читателя.

Русскоязычные авторы реализуют коммуникативную стратегию подтверждения надежности и обоснованности исследования преимущественно посредством двух тактик. Первая — кратко информирует о материале исследования, фокусируя внимание читателя в основном на том, как данная работа вписывается в дисциплинарный контекст. Соответственно, достоверность информации заключается не в детальном информировании о материале изыскания, а в способности автора обозначить его среди опубликованных ранее работ. Вторая тактика, нацеленная на подробное изложение процедуры анализа, предусматривает демонстрацию успешного применения избранной методологии другими учеными, что подчеркивает ее теоретическую апробированность. Собственная процедура анализа отражается кратко, как правило, посредством перечисления приемов без пояснений. Результаты исследования в подавляющем большинстве публикаций русскоязычными лингвистами не указаны.

Таким образом, вышесказанное указывает на все еще существующие различия в национальных традициях академического письма. Так, англоязычные работы ориентированы на читателя и уже давно направлены не только на информирование, но и на активное продвижение научного результата, установление диалога с широкой читательской аудиторией. Русскоязычная традиция академического письма продолжает ориентироваться на автора, который ожидает от читателя коммуникативного усилия, нацеленного на формирование самостоятельных умозаключений из имеющейся информации. Подобные социокультурные различия в конструировании академического дискурса указывают, что результаты контрастивного анализа академического дискурса не могут ограничиваться поиском дисциплинарных соответствий, а должны рассматриваться в системе когнитивно-дискурсивной парадигмы (Тивьяева, Нерсесова, 2023). Отметим, что при подготовке публикации для международного читателя на английском языке уместно учитывать международные традиции академического письма, ориентированные на личность читателя. Таким образом, полученные результаты нашего исследования расширяют понимание о национальных различиях в описании методологии научного труда и способствуют эффективной адаптации академического дискурса к международным требованиям.

Список источников

1. Arsyad, S. (2024). Arguments in the methods section of journal articles in English language education published in high-impact journals. *Discourse and Interaction*, 17(1), 8–29. <https://doi.org/10.5817/DI2024-1-8>
2. Azevedo, L. F., Canário-Almeida, F., Fonseca, J. A., Costa-Pereira, A., Winck, J. C., & Hespanhol, V. (2011). How to write a scientific paper — Writing the methods section. *Revista portuguesa de pneumologia*, 17(5), 232–238.
3. Peacock, M. (2011). The structure of the methods section in research articles across eight disciplines. *Asian ESP Journal*, 7(2), 98–124.
4. Chen, T. Y., & Kuo, S. P. (2012). A genre-based analysis of master's thesis in Applied Linguistics. *The Asian ESP Journal*, 8(1), 24–52.
5. Tulud, D., & Algouti, H. J. M. M. (2021). Methodology section of graduate school thesis manuscripts: a genre analysis probe of rhetorical structure. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*, 3(9), 36–52. <https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.9.4>
6. Joseph, R., Lim, J. M. H., & Nor, N. A. M. (2014). Communicative moves in forestry research introductions: Implications for the design of learning materials. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 134, 53–69.
7. Эсхаг, Р. (2023). Контрастивный анализ социальных регулятивов в русском и персидском языках. *Современное педагогическое образование*, (5), 235–240.
8. Леонтович, О. А. (2011). *Методы коммуникативных исследований*. Гнозис.
9. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse*. Routledge.
10. Fox, B. H., & Jennings, W. G. (2014). How to write a methodology and results section for empirical research. *Journal of Criminal Justice Education*, 25(2), 137–156. <https://doi.org/10.1080/10511253.2014.888089>
11. Boillos, M. M., & Idoiaga, N. (2025). Student perspectives on the use of AI-based language tools in academic writing. *Journal of Writing Research*, 17(1), 155–170. <https://doi.org/10.17239/jowr-2025.17.01.06>

12. Lazebnik, T., & Rosenfeld, A. (2025). A computational model for individual scholars' writing style dynamics. *Journal of Writing Research*, 17(1), 87–114. <https://doi.org/10.17239/jowr-2025.17.01.04>
13. Hinds, J. (1987). Reader versus writer responsibility: a new typology. *Writing across Languages: Analysis of L2 text* (p. 131–152). Addison-Wesley.
14. Хутыз, И. П. (2023). Фактор адресата в письменном академическом дискурсе. *Коммуникативные исследования*, 10(1), 146–162. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(1\).146-162](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162)
15. Димитриева, О. А. (2025). Культурный код в научном и публицистическом измерениях. *Научный диалог*, 14(1), 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30>
16. Willis, L. D. (2023). How to write the Methods Section of a research manuscript. *Respiratory Care*, 68(12), 1763–1770. <https://doi.org/10.4187/respcare.11437>. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10676260/>
17. Granvik, A. (2022). Topic metaphors in European languages. *Moderna Språk*, 116(2), 222–255. <https://doi.org/10.58221/mosp.v116i2.12283>
18. Casoli-Uvsløkk, J., & Thue Vold, E. (2024). Comparing intercultural competence in lower secondary English and French classrooms in Norway: an overview study. *Moderna Språk*, 118(1), 23–44. <https://doi.org/10.58221/mosp.v118i1.15016>
19. Silva, C., Peixoto, F., & Salvador, L. (2024). «With a little help from my friends»: Effects of a self-reflection tool and social interaction on orthographic performance. *Journal of Writing Research*, 16(2), 323–351. <https://orcid.org/0000-0001-6238-2663>
20. Liu, J., Yang, N., & Liu, H. (2024). Distribution of sentence length of English complex sentences. *Moderna Språk*, 118(3), 51–69. <https://doi.org/10.58221/mosp.v118i3.15574>
21. Соколова, Е. Н. (2025). Сравнительные конструкции в романе Р. Брэдли «Марсианские хроники». *Научный диалог*, 14(5), 162–181. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-162-181>
22. Бабенко, Л. Г., & Романова, М. А. (2025). Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования. *Научный диалог*, 14(6), 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-6-9-30>
23. Yetkin, R., & Alagöz, N. (2025). EFL student teacher anxiety in online and in-person practicum: A Turkish perspective. *Moderna Språk*, 119(3), 1–19. <https://doi.org/10.58221/mosp.v119i3.48808>
24. Akinlotan, M. (2023). A multivariate analysis of the structural variability of existential noun phrases. *Moderna Språk*, 117(3), 155–174. <https://doi.org/10.58221/mosp.v117i3.13033>
25. Зыкова, И. В. (2025). Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов). *Terra Linguistica*, 16(3), 46–65. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16304>
26. Беклемешева, Н. Н., & Малыгина, Е. В. (2025). Английские атрибутивные композиты как средство синтаксической компрессии научного текста с точки зрения перевода. *Terra Linguistica*, 16(4), 7–26. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16401>
27. Коломиец, Е. А. (2024). Создание образа эксперта в жанре «редакторская статья»: дискурсивные практики. *Научный диалог*, 13(6), 169–185. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-169-185>
28. Тивьяева, И. В., & Нерсесова, Э. В. (2023). Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08). *Вестник*

МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 4(52), 149–157.
<https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.11>

References

1. Arsyad, S. (2024). Arguments in the methods section of journal articles in English language education published in high-impact journals. *Discourse and Interaction*, 17(1), 8–29. <https://doi.org/10.5817/DI2024-1-8>
2. Azevedo, L. F., Canário-Almeida, F., Fonseca, J. A., Costa-Pereira, A., Winck, J. C., & Hespanhol, V. (2011). How to write a scientific paper — Writing the methods section. *Revista portuguesa de pneumologia*, 17(5), 232–238.
3. Peacock, M. (2011). The structure of the methods section in research articles across eight disciplines. *Asian ESP Journal*, 7(2), 98–124.
4. Chen, T. Y., & Kuo, S. P. (2012). A genre-based analysis of master's thesis in Applied Linguistics. *The Asian ESP Journal*, 8(1), 24–52.
5. Tulud, D., & Algouti, H. J. M. M. (2021). Methodology section of graduate school thesis manuscripts: a genre analysis probe of rhetorical structure. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*, 3(9), 36–52. <https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.9.4>
6. Joseph, R., Lim, J. M. H., & Nor, N. A. M. (2014). Communicative moves in forestry research introductions: Implications for the design of learning materials. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 134, 53–69.
7. Es'hag, R. (2023). Contrastive analysis of social regulatives in Russian and Persian languages. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, (5), 235–240. (In Russ.).
8. Leontovich, O. A. (2011). *Methods of research in communication*. Gnozis. (In Russ.).
9. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse*. Routledge.
10. Fox, B. H., & Jennings, W. G. (2014). How to write a methodology and results section for empirical research. *Journal of Criminal Justice Education*, 25(2), 137–156. <https://doi.org/10.1080/10511253.2014.888089>
11. Boillos, M. M., & Idoiaga, N. (2025). Student perspectives on the use of AI-based language tools in academic writing. *Journal of Writing Research*, 17(1), 155–170. <https://doi.org/10.17239/jowr-2025.17.01.06>
12. Lazebnik, T., & Rosenfeld, A. (2025). A computational model for individual scholars' writing style dynamics. *Journal of Writing Research*, 17(1), 87–114. <https://doi.org/10.17239/jowr-2025.17.01.04>
13. Hinds, J. (1987). Reader versus writer responsibility: a new typology. *Writing across Languages: Analysis of L2 text* (p. 131–152). Addison-Wesley.
14. Khoutyz, I. P. (2023). Addressee factor in written academic discourse. *Communication Studies (Russia)*, 10(1), 146–162. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(1\).146-162](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162) (In Russ.).
15. Dimitrieva, O. A. (2025). Cultural code in scientific and journalistic dimensions. *Nauchny'j dialog*, 14(1), 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30> (In Russ.).
16. Willis, L. D. (2023). How to write the Methods Section of a research manuscript. *Respiratory Care*, 68(12), 1763–1770. <https://doi.org/10.4187/respcare.11437>
17. Granvik, A. (2022). Topic metaphors in European languages. *Moderna Språk*, 116(2), 222–255. <https://doi.org/10.58221/mosp.v116i2.12283>
18. Casoli-Uvsløkk, J., & Thue Vold, E. (2024). Comparing intercultural competence in lower secondary English and French classrooms in Norway: an overview study. *Moderna Språk*, 118(1), 23–44. <https://doi.org/10.58221/mosp.v118i1.15016>

19. Silva, C., Peixoto, F., & Salvador, L. (2024). «With a little help from my friends»: Effects of a self-reflection tool and social interaction on orthographic performance. *Journal of Writing Research*, 16(2), 323–351. <https://orcid.org/0000-0001-6238-2663>
20. Liu, J., Yang, N., & Liu, H. (2024). Distribution of sentence length of English complex sentences. *Moderna Språk*, 118(3), 51–69. <https://doi.org/10.58221/mosp.v118i3.15574>
21. Sokolova, E. N. (2025). Comparative Constructions in Ray Bradbury's «The Martian Chronicles». *Nauchnyi dialog*, 14(5), 162–181. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-162-181> (In Russ.).
22. Babenko, L. G., & Romanova, M. A. (2025). Metaphorical space of emotions in Russian: structure and cognitive strategies of modeling. *Nauchnyj dialog*, 14(6), 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-6-9-30> (In Russ.).
23. Yetkin, R., & Alagözlü, N. (2025). EFL student teacher anxiety in online and in-person practicums: A Turkish perspective. *Moderna Språk*, 119(3), 1–19. <https://doi.org/10.58221/mosp.v119i3.48808>
24. Akinlotan, M. (2023). A multivariate analysis of the structural variability of existential noun phrases. *Moderna Språk*, 117(3), 155–174. <https://doi.org/10.58221/mosp.v117i3.13033>
25. Zykova I. V. (2025). Parameters of pragmatic analysis of phraseology in multimodal discourse (the case study of feature films). *Terra Linguistica*, 16(3), 46–65. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16304> (In Russ.).
26. Beklemesheva, N. N., & Malygina, E. V. (2025). English attributive compounds as a means of structural compression in academic discourse from a translation perspective. *Terra Linguistica*, 16(4), 7–26. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16401> (In Russ.).
27. Kolomiyets, E. A. (2024). Construction of expert image in genre of editorial: discursive practices. *Nauchnyj dialog*, 13(6), 169–185. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-169-185> (In Russ.).
28. Tivyaeva, I. V., & Nersesova, E. V. (2023). Advancement of the cognitive-discursive paradigm in studies by Russian linguists: insights from candidate and doctoral dissertations defended in the dissertation council D 850.007.08. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 149–157. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.11> (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Павловна Хутыз — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета.

Information about the author

Irina P. Khoutyz — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at the Department of Applied Linguistics and New Information Technology, Kuban State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-152-165

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В МАССМЕДИА

Шевченко Вячеслав Дмитриевич¹,
Шевченко Екатерина Сергеевна²

^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева,

¹ Самарский государственный технический университет,

¹ Приволжский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия,

¹ vds@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

² e.shevchenko@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу дискурсивных функций цитат в медиатекстах. Цель статьи — анализ основных дискурсивных функций интертекстуальных включений (ИВ) в медиатексте. В ходе работы использованы методы дискурс-анализа, лингвокогнитивного, лингвистического анализа, приемы наблюдения и описания. Выявлены и проанализированы языковые и экстралингвистические средства выполнения дискурсивных функций ИВ. Актуальность исследования обусловлена важной ролью ИВ в процессе воздействия на сознание реципиента. Особой значимостью при этом обладает дискурсивная функция ИВ, которая определяется как зависимость формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов включения от тех же составляющих принимающего текста. Ценность научной работы состоит в том, что она вносит вклад в интерпретацию медиа-дискурса с точки зрения когнитивной лингвистики и прагмалингвистики. Полученные в ходе изыскания результаты могут быть применены в курсах по лингвистике текста и дискурса, стилистике, семантике. Проведенное изучение показывает, что ИВ играют значимую роль в составе современного медиатекста. Несмотря на то что включенный и принимающий тексты отделены друг от друга разными дискурсами, жанрами, контекстами, а также значительно отдалены друг от друга во времени и пространстве, тем не менее ИВ оказывают значительное влияние на интерпретацию содержания современного медиатекста, формирование или изменение мнения читателя. Содержание современного медиатекста также воздействует на переосмысление событий прошлого, репрезентируемых при помощи ИВ. В зависимости от формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных характеристик ИВ, на наш взгляд, по отношению к принимающему медиатексту выполняют детализирующую, экспрессивную, объяснительную и информативную дискурсивные функции.

Ключевые слова: дискурсивные функции, медиатекст, интертекстуальное включение, контекст, когнитивная лингвистика.

Для цитирования: Шевченко, В. Д., Шевченко, Е. С. (2026). Дискурсивные функции интертекстуальных включений в массмедиа. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 152–165. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-152-165>

Original article

UDC 811.111'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-152-165

DISCURSIVE FUNCTIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN MASS MEDIA

**Viacheslav D. Shevchenko¹,
Ekaterina S. Shevchenko²**

^{1,2} Samara National Research University,

¹ Samara State Technical University,

¹ Volga State Transport University,
Samara, Russia,

¹ vds@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

² e.shevchenko@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the discursive functions of quotations in media texts. The purpose of the article is to analyze the main discursive functions of intertextual inclusions within media texts. While undertaking research the authors used the methods of discourse analysis, linguocognitive analysis, linguistic analysis, and observation and description techniques. As a result, the article identifies and analyzes the linguistic and extralinguistic means of implementing the discursive functions of intertextual inclusions. The topicality of the research is determined by the important role of intertextual inclusions in the process of influencing the recipient's consciousness. The discursive function of intertextual inclusions is defined as the dependence of the formal, semantic, cognitive, pragmatic, and contextual elements of the inclusion on the same components of the receiving text. The value of this research lies in its contribution to the interpretation of media discourse from the perspective of cognitive linguistics and pragmalinguistics. The results obtained during the research can be applied in courses on linguistics of text and discourse, stylistics, semantics. The conducted research has shown that intertextual inclusions play a significant role in the composition of modern media text. Despite the fact that the included and receiving texts are separated from each other by different discourses, genres, contexts, and are also significantly distant from each other in time and space, they nevertheless have a significant impact on the interpretation of the content of a modern media text, the formation or change of the reader's opinion. The content of a modern media text also influences the reinterpretation of the events of the past, represented with the help of intertextual inclusion. Depending on the formal, semantic, cognitive, pragmatic, and contextual characteristics, intertextual inclusions, in our opinion, perform detailing, expressive, explanatory, and informative discursive functions in relation to the receiving media text.

Keywords: discursive functions, media text, intertextual inclusion, context, cognitive linguistics.

For citation: Shevchenko, V. D., & Shevchenko, E. S. (2026). Discursive functions of intertextual inclusions in mass media. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 152–165. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-152-165>

Введение

Медиадискурс и медиакommunikация традиционно привлекают внимание множества исследователей, которые обращаются как к современной проблематике (Балакина, 2024; Анисимов и др., 2024; Резанова, Владимирова, 2024; Влавацкая, Родина, 2024; Галичкина, Дроздова, 2025; Болдырев, Ефименко, 2025; Заботкина, Позднякова, 2025; Копнина, 2025), так и к медиатекстам прошлого (Азарова, 2024).

Современные средства массовой информации используют разнообразные, в том числе и мультимедийные материалы для привлечения внимания читателей и выполнения основной своей функции — информирования и убеждения читателя. Несмотря на обилие мультимедийных материалов в медиатекстах, которые также в основном представлены в электронном виде, языковые способы фиксации внимания читателя, выделения наиболее значимых элементов сообщения, а также когнитивных моделей ситуаций не теряют своей актуальности, развиваются и совершенствуются.

Один из таких способов — использование интертекстуальных включений. Интертекстуальности посвящено большое количество трудов отечественных и зарубежных исследователей (Толочин, 1996; Кузьмина, 1999; Чернявская, 1999; Kristeva, 1980; Баль, 2025), но данная проблема продолжает оставаться актуальной, поскольку в настоящее время наблюдается и существование, и репрезентация тесных связей между различными сферами жизнедеятельности человека, а также между разными временными периодами: журналисты достаточно часто обращаются к событиям прошлого и применяют относящиеся к ним тексты для анализа современных событий или предсказания будущих.

Интертекстуальность как связь разных типов между текстами следует отличать от феномена прецедентности, относящегося к единицам, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» (Гудков и др., 1997, с. 102). В рамках настоящего исследования проводится анализ именно интертекстуальных единиц — цитат.

Журналисты обращаются к интертекстуальным включениям, поскольку они выступают знаками определенного социокультурного контекста, принадлежащего определенной эпохе, который контрастирует с представленным в современном медиатексте, являющемся составной частью медиадискурса. Как правило, интертекстуальные включения репрезентируют другие дискурсы, что также подчеркивает их особую роль в составе медиадискурса.

В связи с принадлежностью интертекстуального включения (ИВ) иному дискурсу возникает вопрос о его дискурсивной функции. И. В. Арнольд пишет о том, что «функция как математическое понятие есть зависимость одних переменных

величин от других» (Арнольд, 1999, с. 159). Дискурсивную функцию ИВ мы определяем как зависимость формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов включения от тех же составляющих принимающего текста. Реализация данной функции происходит благодаря контрасту между составляющими ИВ и принимающего текста и соотносению взаимодействующих текстов с их социокультурными контекстами, что, собственно, и является обращением к дискурсам взаимодействующих текстов и к их функциям. И. Т. Касавин выделяет такие функции дискурса, как когнитивная, аксиологическая и прагматическая: дискурс «способен сообщать знания, влиять на эмоциональное состояние, побуждать к действию» (Касавин, 2008, с. 367). Соглашаясь с данной классификацией, мы полагаем, что обращение к различным характеристикам ИВ и принимающего текста, а также к отношениям между ними позволяет выделить более точные разновидности когнитивной и аксиологической функций.

Цель исследования заключается в выявлении дискурсивных функций ИВ в медиатекстах на материале интернет-версии журнала *National Geographic (Was Nero..., 2024)*.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть формальные, семантические, когнитивные, прагматические и контекстуальные характеристики ИВ, применяемых в рамках анализируемой статьи;
- 2) провести анализ языковых и экстралингвистических средств, посредством которых ИВ выполняют детализирующую функцию по отношению к принимающему медиатексту;
- 3) выявить языковые и экстралингвистические средства, посредством которых ИВ выполняют экспрессивную функцию в медиадискурсе;
- 4) проанализировать языковые и экстралингвистические средства, посредством которых ИВ выполняют объяснительную функцию по отношению к принимающему медиатексту;
- 5) рассмотреть языковые и экстралингвистические средства, с помощью которых ИВ выполняют информативную функцию в медиадискурсе.

Научная новизна проведенной научной работы заключается во впервые реализованном комплексном анализе формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов ИВ, а также таких же составляющих принимающего медиатекста, что позволило впервые выявить ряд дискурсивных функций ИВ в рамках медиадискурса.

Методология исследования

В ходе исследования для определения контекстуальных и прагматических особенностей включенного и принимающего текстов, в том числе для установления специфики конкретно-исторической ситуации, задействовался метод дискурс-анализа.

В целях выявления формальных, семантических и когнитивных особенностей взаимодействующих текстов применялся метод лингвокогнитивного анализа, а также приемы наблюдения и описания.

Комплекс методов позволил определить взаимосвязь между этими особенностями включенного и принимающего текстов и, следовательно, проанализировать несколько дискурсивных функций, выполняемых интертекстуальными включениями в рамках медиатекста.

В качестве источника фактического материала выбрана интернет-версия журнала National Geographic; в ходе исследования проанализировано 12 примеров ИВ, встречающихся в медиатексте.

Результаты и дискуссия

Рассмотрим пример из медиатекста — статью, размещенную на сайте журнала National Geographic и рассказывающую о личности римского императора Нерона:

According to Roman historian Suetonius, the young Nero was prone to acts of **«wantonness, lust, extravagance, and cruelty»**. With age, he wrote, the emperor's vices only grew stronger: **He prolonged his revels from midday to midnight... Sometimes too he closed the inlets and banqueted in public in the great tank, in the Campus Martius, or in the Circus Maximus, waited on by harlots and dancing girls from all over the city** (National Geographic, 2024).

Согласно римскому историку Светонию, юный Нерон был подвержен «распутству, похоти, расточительству и жестокости». С возрастом, писал он, пороки императора только усиливались: Он устраивал свои пиршества с полудня до полуночи... Иногда он закрывал входы и прилюдно пировал в просторных термах на Марсовом поле или в Большом цирке вместе с блудницами и танцовщицами со всего города (здесь и далее перевод наш. — В. Ш.).

В данном случае в состав медиатекста как неотъемлемой части медиадискурса включен фрагмент исторического произведения, созданного древнеримским писателем и историком Светонием; данное ИВ, в свою очередь, репрезентирует исторический дискурс и в то же время выполняет особую дискурсивную функцию в составе медиадискурса.

Уделим внимание специфике дискурсивной функции данного ИВ. Прежде всего, следует обратить внимание на зависимость формальных и семантических элементов ИВ от таких же составляющих принимающего текста. В отличие от медиатекста, который носит аналитический характер, поскольку автор в нем изучает личность, историю жизни и действия императора Нерона, ИВ представляет собой исторический нарратив — фиксацию значимых для истории событий.

Что касается зависимости семантических элементов друг от друга, то принимающий текст содержит некоторые лексические единицы с обобщенным значением, которые конкретизируются при помощи других языковых единиц ИВ, например:

<i>vices</i> (принимающий текст):	<i>wantonness, lust, waited on by harlots and dancing girls</i> <i>from all over the city</i> (ИБ);
<i>life of the party</i> (принимающий текст):	<i>extravagance, prolonged his revels from midday to midnight,</i> <i>banqueted in public in the great tank</i> (ИБ).

Таким образом, между ИВ и принимающим текстом устанавливаются следующие семантические корреляции: принимающий текст содержит лексическую единицу, обозначающую пороки (*vices*); ИВ при этом имеют лексические единицы, обозначающие конкретные пороки (*wantonness, lust*), и объекты пороков (*harlots and dancing girls*). В принимающем тексте также есть словосочетание, обозначающее праздный образ жизни (*life of the party*); при этом в ИВ содержатся языковые единицы, обозначающие одну из характеристик праздной жизни — расточительность (*extravagance*), и языковые единицы, которые также передают конкретные действия, вызывающие расточительность (*prolonged his revels from midday to midnight, banqueted in public in the great tank*).

Здесь наблюдается следующая зависимость: ИВ выполняет детализирующую функцию, поскольку содержит более детальную информацию по отношению к информации обобщающего характера, содержащейся в принимающем тексте. Языковые единицы ИВ обозначают конкретные действия, места и участников событий, в то время как языковые единицы принимающего текста в основном номинируют события в целом. Именно благодаря соположению включенного и принимающего текстов читатель соотносит языковые единицы, содержащиеся в них, устанавливая семантические корреляции между ними по модели «общее vs частное». Иными словами, читатель понимает, что ИВ передает более подробную информацию, только когда сопоставляет эти единицы с единицами принимающего текста, передающими обобщенные значения. Именно в этом проявляется зависимость, в частности, формальных и семантических элементов ИВ и принимающего текста друг от друга, что позволяет ИВ выполнять детализирующую функцию. Дискурсивная функция ИВ в данном случае реализуется прежде всего благодаря зависимости формальных и семантических элементов ИВ от этих же элементов принимающего медиатекста.

Также осуществлению ИВ детализирующей дискурсивной функции способствует зависимость когнитивных элементов ИВ от тех же элементов принимающего текста. Языковые единицы ИВ репрезентируют и одновременно актуализируют в сознании реципиента когнитивную модель ситуации, в которой доминантными являются такие компоненты, как *участники* (*harlots, dancing girls*), *действия*, совершаемые во время пиршества (*banqueted in public in the great tank*), *время* и *место*, так как именно их репрезентируют знаки, содержащиеся в ИВ. Очевидно, что языковые единицы ИВ репрезентируют основные компоненты когнитивной модели ситуации «пиршество», т. е. данная модель в ИВ также представлена детально.

Принимающий текст также репрезентирует когнитивную модель, но другой ситуации — «принятие государственного решения»:

Early in his reign, to avoid abuses of power by the sovereign and the Senate, he eliminated secret trials held *intra cubiculum principis* (literally «inside the prince's chamber»), which involved the arbitrary condemnation or acquittal of a prisoner. Such private hearings had been common in the time of Claudius, and their suppression was recommended by Nero's former tutor and mentor, the philosopher Seneca (National Geographic, 2024).

В начале своего правления, чтобы избежать обвинений в превышении власти императора и Сената, он отменил секретные суды, проводившиеся *intra cubiculum principis* (букв.: «внутри покоев правителя»), во время которых обвиняемому произвольно выносили приговор или оправдывали его. Такие тайные суды были распространены во время правления Клавдия, а отменить их рекомендовал Нерону его бывший учитель и наставник — философ Сенека.

Несмотря на то что принимающий текст относится к другой ситуации, между репрезентируемыми когнитивными моделями наблюдается следующая зависимость: когнитивная модель ситуации принимающего текста также получает достаточно детальную репрезентацию, но доминантными в ней являются такие составляющие, как *участники* (*Nero, the Senate, prisoner, Claudius, Seneca*), *действия* (*eliminated secret trials*) и *предшествующие события* (*Such private hearings had been common in the time of Claudius, and their suppression was recommended by Nero's former tutor and mentor, the philosopher Seneca*). Сопоставление и сравнение доминантных компонентов когнитивных моделей ситуаций ИВ и принимающего текста показывают, что к доминантным в обеих моделях относятся составляющие участники и действия, что способствует фиксации внимания читателя на них и пониманию важной роли субъекта и его действий в развитии события. Зависимость элементов друг от друга, о которой шла речь ранее, заключается в том, что именно благодаря сопоставлению моделей читатель выделяет общие для них доминантные компоненты.

Что касается зависимости прагматических элементов, то в данном случае, скорее, на первый взгляд наблюдается комбинирование прагматических целей ИВ и принимающего текста: целью автора исторического текста, как уже отмечалось, выступает фиксация значимых для истории событий, на основе которой потомки составляют о них свое мнение. Прагматической целью автора медиатекста служит информирование читателя и убеждение его в своей точке зрения. Тем не менее зависимость может выражаться в том, что медиатекст определенным образом использует ИВ: прагматическая целеустановка ИВ подчинена медиатексту; таким образом, цель автора исторического текста как бы используется автором медиатекста.

Как отмечает П. Вердонк, дискурс представляет собой процесс активации текста путем соотнесения его с контекстом использования (Verdonk, 2002, p. 18–19). Сопоставляя ИВ и принимающий текст с их контекстами применения,

мы обращаемся к их дискурсам, которые также вступают во взаимодействие друг с другом.

Рассмотрим связи между контекстуальными элементами ИВ и принимающего текста, также оказывающими влияние на выполнение ИВ детализирующей функции и в то же время выполнение принимающим текстом генерализирующей функции по отношению к ИВ. Пониманию дискурсивных функций как ИВ, так и принимающего текста способствует то, что реципиент, воспринимая смыслы, содержащиеся в медиатексте и в ИВ, соотносит эти смыслы с их контекстами, т. е. со знаниями о событиях и соответствующем культурно-историческом периоде, которые содержатся в его памяти. Одновременно реципиент обновляет хранящиеся в его памяти когнитивные модели ситуаций и знания о соответствующих событиях.

Поскольку в дискурсивной функции мы рассматриваем зависимость одних элементов от других, то нужно понять, как зависят друг от друга ситуационные контексты взаимодействующих текстов. В анализируемом примере такая составляющая современного контекста, как мнение реципиента об историческом персонаже, подвергается изменениям позитивного характера благодаря историческому контексту, вернее, новым знаниям о деталях исторического контекста (например, событиях, действиях, совершаемых субъектом и т. п.), содержащимся в тексте (зависимость современного контекста от исторического). Исторический контекст, представленный конкретно-исторической ситуацией (Прогнозное..., 1994), переосмысливается благодаря такой составляющей современного контекста, как цель участника (журналиста), заключающейся в переоценке некоторых черт личности древнеримского императора (зависимость исторического контекста от современного). Мы полагаем, что в подобных случаях мы имеем дело с интерференцией (взаимовлиянием) дискурсов (Шевченко, 2010).

В данном случае действуют, по нашему мнению, внутренние факторы детерминации контекста, к которым Дж. Фёрт относит индивидов со свойственными им качествами (включая их языковые и внеязыковые действия), а также внеязыковые и внеличностные события (Firth, 1968).

В следующем примере ИВ также выполняют детализирующую дискурсивную функцию:

The animosity the Roman people showed toward Poppaea wasn't shared in other parts of the empire. In the Campania region, where Poppaea was born in the city of Pompeii, the imperial couple enjoyed popular support. On the walls of Pompeian houses (destroyed by the eruption of Vesuvius in A. D. 79) archaeologists uncovered graffiti reading «**Hail Nero**», «**Long Live Poppaea**», and «**Hurray for the Emperor and Empress**» (National Geographic, 2024).

Той враждебности, которую испытывали римляне по отношению к Пoppее, не было в других провинциях империи. В Кампании, где Пoppея родилась в городе Помпеи, императорская чета пользовалась поддержкой народа. На стенах помпейских домов (разрушенных во время извержения Везувия в 79 году н. э.) археологи обнаружили граффити следующего содержания: «Приветствуем тебя, Нерон», «Да здравствует Пoppея», «Слава Императору и Императрице».

Как мы видим, в медиатексте цитируются древние граффити на стенах домов Помпей. Лексические единицы медиатекста обозначают народную поддержку в целом (*popular support*); ИВ содержит знаки, задействуемые в качестве возгласов толпы и обозначающие прославление императора и императрицы, т. е. указана конкретная форма народной поддержки — прославление. Что касается когнитивных характеристик ИВ, то они актуализируют когнитивную модель конкретной ситуации «приветствие императора и императрицы народом» в отличие от обозначения общего отношения к императорской чете, передаваемого посредством словосочетания *popular support*. Следует отметить, что модель ситуации не представлена детально в ИВ, однако эмоциональных языковых единиц, выбранных автором, достаточно, по нашему мнению, для ее актуализации. Добавим, что актуализация (под которой мы понимаем извлечение из памяти когнитивных моделей ситуаций), происходящая посредством знаков медиатекста, а также знаков интертекстуального включения, способствует обновлению, воссозданию более детального набора знаний о событиях древнеримской истории и нравах, царивших в то время.

Исследуемый материал продемонстрировал, что ИВ чаще всего выполняют детализирующую дискурсивную функцию. Рассмотрим особенности ИВ, представляющего собой цитату из труда древнеримского историка Тацита:

No exile ever filled the eyes of beholders with tears of greater compassion ... After a few days, she received an order that she was to die... She was then tightly bound with cords, and the veins of every limb were opened; but as her blood was congealed by terror and flowed too slowly, she was killed outright by the steam of an intensely hot bath. To this was added the yet more appalling horror of Poppaea beholding the severed head which was conveyed to Rome (National Geographic, 2024).

Ни одно изгнание не вызывало когда-либо большего сострадания у очевидцев... Через несколько дней она узнала о том, что ей предстоит умереть... Затем ее крепко связали веревками и вскрыли все вены; но поскольку ее кровь застыла от ужаса и текла слишком медленно, ее бросили в кипяток, отчего она сразу же погибла. Это вызвало еще больший ужас у Пoppеи, увидевшей отрубленную и доставленную в Рим голову.

Как и в предыдущих примерах, медиатекст содержит лексические единицы, обладающие общим значением (*murder of his wife Octavia*); ИВ при этом имеет языковые единицы, обозначающие конкретные действия, совершенные при убийстве жены Нерона — Клавдии Октавии (*She was then tightly bound with cords, and the veins of every limb were opened; but as her blood was congealed by terror and flowed too slowly, she was killed outright by the steam of an intensely hot bath*). Также в ИВ включены знаки, обозначающие отношение к ней, а также реакцию Пoppеи — новой жены Нерона. Таким образом, ИВ выполняет детализирующую функцию еще и потому, что в нем репрезентированы когнитивные модели нескольких ситуаций («ссылка бывшей жены императора», «реакция на ссылку», «казнь бывшей жены императора»), из которых одна модель («казнь бывшей жены императора») представлена наиболее детально.

В следующем примере ИВ выполняет, на наш взгляд, экспрессивную функцию:

It's said that a well-known comic actor made a daring allusion in song to the murder. He sang: «**Farewell to thee, father; farewell to thee, mother**», while doing a mime of eating and swimming. Claudius had been poisoned while eating dinner, and Agrippina had narrowly escaped being drowned (National Geographic, 2024).

Говорили, что один известный комик смело намекнул на убийство в своей песне. Он спел: «Прощай, отец; прощай, матушка», одновременно изображая в пантомиме, как он ест и плавает. Клавдия отравили во время обеда, а Агриппина едва избежала смерти, спасшись с затонувшего корабля.

В данном случае ИВ не передает смысла «смерть отца и матери» эксплицитно, это происходит по метонимической модели: вместо прямой номинации смерти используются слова, которые произносятся при прощании; сами слова являются аллюзией на события, произошедшие с отчимом и матерью Нерона. Смысл «убийство» передается в тексте как эксплицитно (*murder*), так и имплицитно путем описания жестикуляции актера, изображающей некоторые из обстоятельств, при которых произошли трагические события. Цитата лишь метонимически повторяет передачу этого смысла, поэтому функция интертекста здесь — экспрессивная.

Интертекстуальным включением, по нашему убеждению, выступает и латинское словосочетание *damnatio memoriae* (*the removal of all his public and private images and inscriptions after his death*), обозначающее особую форму посмертного наказания, применявшуюся в Древнем Риме, т. е. название закона. Данное интертекстуальное включение в совокупности с его определением на английском выполняет, на наш взгляд, объяснительную функцию.

Приведем следующие примеры:

One legend about Nero recounts that, during the Great Fire of Rome in A.D. 64, he «**fiddled while Rome burned**», an expression still used to describe leaders responding frivolously to a crisis; However, Tacitus also chronicled rumors that the music-loving Nero spent the time «**in song**». On his orders they were «**covered with wild beasts' skins and torn to death by dogs; or they were fastened on crosses, and were burned to serve as lamps by night**». It was, according to Tacitus, «**a period rich in disasters, frightful in its wars, torn by civil strife, and even in peace full of horrors**» (National Geographic, 2024).

Согласно одной из легенд, во время Великого пожара Рима в 64 году н. э. Нерон «играл на музыкальном инструменте, пока Рим горел». Это выражение используется до сих пор по отношению к тем лидерам, которые легкомысленно относятся к кризисным ситуациям. Однако, Тацит также документировал слухи о том, что Нерон, обожавший музыку, проводил время «под песни». По его приказу их «покрывали шкурами диких животных, затем их разрывали на части собаки; еще их распинали на крестах и поджигали, чтобы они светили ночью». Согласно Тациту, этот «период был полон бедствий, страшных войн и распрей народа и даже в мирное время в нем было много ужаса».

Здесь ИВ выполняют, с нашей точки зрения, информативную функцию, поскольку они в рамках медиатекста сообщают о действиях субъектов как бы из уст участников, т. е. для передачи новой информации в тексте автор приводит не свои слова, а цитату: чужое слово вызывает больший интерес именно при контрасте со словами автора текста.

Таким образом, формальные, семантические, когнитивные, прагматические и контекстуальные элементы включения вступают во взаимодействие с такими же составляющими принимающего медиатекста, что приводит к выполнению ИВ определенной дискурсивной функции.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ИВ играют значимую роль в составе современного медиатекста. Несмотря на то что включенный и принимающий тексты отделены друг от друга разными дискурсами, жанрами, контекстами, а также значительно отдалены друг от друга во времени и пространстве, тем не менее ИВ оказывают значительное влияние на интерпретацию содержания современного медиатекста, формирование или изменение мнения читателя.

Содержание современного медиатекста также влияет на переосмысление событий прошлого, репрезентируемых при помощи ИВ. Мы полагаем, что в зависимости от формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных характеристик интертекстуальные включения по отношению к принимающему медиатексту выполняют детализирующую, экспрессивную, объяснительную и информативную дискурсивные функции.

Перспективы исследования состоят в выявлении и анализе других дискурсивных функций, выполняемых ИВ в составе медиадискурса, а также в исследовании функций ИВ в рамках других дискурсов.

Список источников

1. Балакина, Ю. В. (2024). Медиаконцепт «вакцинация» в дискурсе немецких СМИ во время пандемии COVID-19. *Вестник Томского государственного университета*, 509, 23–34. <https://doi.org/10.17223/15617793/509/>
2. Анисимов, И. В., Макеев, М. И., & Трищенко, Н. Д. (2024). Основные характеристики публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации в 2017–2021 гг. в изданиях, индексируемых Web of Science. *Вестник Томского государственного университета*, 508, 47–55. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/5>
3. Резанова, З. И., & Владимирова, В. Е. (2024). Федеральные и региональные новости в отражении кризисной ситуации (на материале русскоязычных текстов СМИ о пандемии COVID-19). *Вестник Томского государственного университета*, 507, 37–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/507/5>
4. Влавацкая, М. В., & Родина, Д. Г. (2024). Концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе. *Вестник Томского государственного университета*, 500, 76–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/500/9>

5. Галичкина, Е. Н., & Дроздова, Т. В. (2025). Метафорическая репрезентация концепта ИНТЕРНЕТ/INTERNET в русских и американских медиатекстах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (1), 52–65.
6. Болдырев, Н. Н., & Ефименко, Т. Н. (2025). Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (3), 5–18.
7. Заботкина, В. И., & Позднякова, Е. М. (2025). Манипулятор vs манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (4), 44–56.
8. Копнина, Г. А. (2025). Триггерность как коммуникативная категория медийного дискурса и ее роль в информационно-психологических войнах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (2), 42–52.
9. Азарова, В. Н. (2024). Детская тема на страницах сибирской периодической печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь», 1897–1900 гг.). *Вестник Томского государственного университета*, 499, 5–11. <https://doi.org/10.17223/15617793/499/1>
10. Толочин, И. В. (1996). *Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. Лингвостилистический аспект*. Издательство СПбГУ.
11. Кузьмина, Н. А. (1999). *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Издательство Уральского университета; Издательство Омского государственного университета.
12. Чернявская, В. Е. (1999). *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*. Издательство СПбГУЭФ.
13. Kristeva, J. (1980). *Desire in language: a semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
14. Баль, В. Ю. (2025). Сюжет «возвращения в рай из ада» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем. *Вестник Томского государственного университета*, 514, 16–24. <https://doi.org/10.17223/15617793/514/2>
15. Гудков, Д. Б., Красных, В. В., Захаренко, И. В., & Багаева, Д. В. (1997). Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. *Вестник Московского университета*, (4), 106–118.
16. Арнольд, И. В. (1999). *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Издательство СПбГУ.
17. Касавин, И. Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка*. Канон+.
18. Was Nero really a monster? (2024). *National Geographic*. (2026, 5 января). <https://www.nationalgeographic.com/history/article/emperor-nero-ancient-rome-reputation>
19. Verdonk, P. (2002). *Stylistics*. Oxford University Press.
20. *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. (1994). Т. М. Дридзе (Ред.). Наука.
21. Шевченко, В. Д. (2010). *Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики)*. Издательство «Самарский университет».
22. Firth, J. R. (1968). *Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959*. Indiana University Press.

References

1. Balakina, Yu. V. (2024). The media concept of «vaccination» in the discourse of the German media during the COVID-19 pandemic. *Tomsk State University Journal*, 509, 23–34. <https://doi.org/10.17223/15617793/509/>. (In Russ.).

2. Anisimov, I. V., Makeenko, M. I., & Trishchenko, N. D. (2024). The main characteristics of the publication activity of Russian media and communication researchers in 2017–2021 in publications indexed by Web of Science. *Tomsk State University Journal*, 508, 47–55. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/5>. (In Russ.).
3. Rezanova, Z. I., & Vladimirova, V. E. (2024). Federal and regional news reflecting the crisis situation (based on Russian-language media texts about the COVID-19 pandemic). *Tomsk State University Journal*, 507, 37–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/507/5>. (In Russ.).
4. Vlavatskaya, M. V., & Rodina, D. G. (2024). Conceptual dominants of sports neologisms of English, German and Russian languages in media discourse. *Tomsk State University Journal*, 500, 76–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/500/9>. (In Russ.).
5. Galichkina, E. N., & Drozdova, T. V. (2025). Metaphorical representation of the ИНТЕПНЕТ/INTERNET concept in Russian and American media texts. *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 52–65. (In Russ.).
6. Boldyrev, N. N., & Efimenko, T. N. (2025). The influencing potential of media text: a cognitive approach. *Issues of Cognitive Linguistics*, (3), 5–18. (In Russ.).
7. Zabotkina, V. I., & Pozdnyakova, E. M. (2025). Manipulator vs manipulated: distortion of cognitive processes in media discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 44–56. (In Russ.).
8. Kopnina, G. A. (2025). Triggers as a communicative category of media discourse and its role in information and psychological warfare. *Issues of Cognitive Linguistics*, (2), 42–52. (In Russ.).
9. Azarova, V. N. (2024). Children's theme on the pages of Siberian periodicals (based on materials from the newspaper *Sibirskaya zhizn'*, 1897–1900). *Tomsk State University Journal*, 499, 5–11. <https://doi.org/10.17223/15617793/499/1>. (In Russ.).
10. Tolochin, I. V. (1996). *Metaphor and intertextuality in English language poetry*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
11. Kuzmina, N. A. (1999). *Intertextuality and its role in the processes of poetic language evolution*. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
12. Chernyavskaya, V. E. (1999). *Intertextual interaction as the basis for scientific communication*. Izdatel'stvo SPbGUE'F. (In Russ.).
13. Kristeva, J. (1980). *Desire in language: a semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
14. Bal, V. Yu. (2025). The plot of «return to heaven from hell» in Vladimir Sharov's novel «Return to Egypt»: A dialogue with Gogol. *Tomsk State University Journal*, 514, 16–24. <https://doi.org/10.17223/15617793/514/2>. (In Russ.).
15. Gudkov, D. B., Krasnykh, V. V., Zakharenko, I. V., & Bagaeva, D. V. (1997). Peculiarities of precedent statements' functioning. *Moscow State University Journal*, (4), 106–118. (In Russ.).
16. Arnold, I. V. (1999). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
17. Kasavin, I. T. (2008). *Text. Discourse. Context. Introduction into social epistemology of language*. Kanon+. (In Russ.).
18. Was Nero really a monster? (2024). *National Geographic*. (2026, 5 января). <https://www.nationalgeographic.com/history/article/emperor-nero-ancient-rome-reputation>
19. Verdonk, P. (2002). *Stylistics*. Oxford University Press.
20. *Prognostic social projecting: theoretical-methodological and methodical problems*. (1994). T. M. Dridze (Ed.). Nauka. (In Russ.).

21. Shevchenko, V. D. (2010). *Theory of discourses' interference (on the basis of English language mass media)*. Izdatel'stvo «Samariskij universitet». (In Russ.).
22. Firth, J. R. (1968). *Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959*. Indiana University Press.

Информация об авторах

Вячеслав Дмитриевич Шевченко — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва; профессор кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета; профессор кафедры лингвистики Приволжского государственного университета путей сообщения.

Екатерина Сергеевна Шевченко — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва.

Information about the authors

Viacheslav D. Shevchenko — Dr. Sc. (Philology), Docent, Head of English Philology Department, Faculty of philology and journalism, Samara National Research University; Professor, Foreign Languages Department, Samara State Technical University; Professor, Linguistics Department, Volga State Transport University.

Ekaterina S. Shevchenko — Dr. Sc. (Philology), Docent, Professor of Russian and Foreign Literature and PR Department, Faculty of philology and journalism, Samara National Research University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'246.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-166-183

СТЕРЕОТИПЫ МАСКУЛИННОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМОВ)

Маркина Людмила Витальевна¹,
Глебова Анна Васильевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

² anna-gleb@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению представлений о маскулинности и ее критериях в условиях так называемого кризиса маскулинности на материале интернет-мемов — репрезентантов современного социокультурного контекста. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью в атмосфере существующего в отечественном социуме гендерного напряжения анализа трансформационных процессов, происходящих в интерпретировании и практиках объективации маскулинности, и их динамики. Цель исследования — выявление и описание переформатирования представлений о маскулинности и реакции на изменения, актуализированные в интернет-пространстве, отражающие ценностные установки современного отечественного социума. Источниками материала для анализа послужили интернет-платформы развлекательных каналов для обмена новостями. Методы исследования: описательный, сплошной выборки, количественный, культурологического и контекстуального анализа. В статье проанализированы характеристики маскулинности, значимые и престижные для современной мужской и женской отечественной аудитории. Установлено, что образец настоящего мужчины, который проявляет качества-репрезентанты гегемонной маскулинности, являющиеся наследием патриархального социального порядка (доминантность, властность, исполнение роли добытчика, кормильца и защитника), глубоко внедрен в сознание носителей русского языка как нормативный образец. Показан запрос социума на большее разнообразие характеристик мужественности, включение в их состав черт, отличных от патриархального гендерного канона — гегемонной мужественности. На примере выявленного изменения сущностного содержания пологендерной роли главы семьи продемонстрировано наличие гендерно-ролевого стресса, обуславливающее эклектичность и размытость представлений о настоящем мужчине в современном социуме. Приведенные в статье материалы позволяют констатировать осуществляющийся в современном отечественном социуме процесс изменения, расширения критериев маскулинности, более гибкого ее толкования, продемонстрировать его динамику, а также свидетельствуют о сопровождающей его на данном этапе слабой адаптации к новой гендерной реальности как мужчин, так и женщин.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, маскулинность, интернет-коммуникация, мем, патриархальность.

Для цитирования: Маркина, Л. В., Глебова, А. В (2026). Стереотипы маскулинности в интернет-коммуникации (на материале мемов). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 166–183. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-166-183>

Original article

UDC 811.161.1'246.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-166-183

STEREOTYPES OF MASCULINITY IN INTERNET COMMUNICATION (BASED ON MEMES)

**Lyudmila V. Markina¹,
Anna V. Glebova²**

^{1, 2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

² anna-gleb@yandex.ru

Abstract. This study examines ideas about masculinity and its criteria in the context of the so-called masculinity crisis using internet memes as a representative element of the contemporary sociocultural context. The relevance of this work stems from the need, in the context of gender tension in Russian society, to analyze the transformational processes occurring in the interpretation and practice of objectifying masculinity, as well as their dynamics. The purpose of this study is to identify and describe the reformatting of ideas about masculinity and the reaction to changes actualized in the online space, which reflects the value attitudes of contemporary Russian society. The sources of material for the analysis were internet platforms that are entertainment channels for exchanging news. Research methods include descriptive, continuous sampling, quantitative, and cultural and contextual analysis. The article analyzes the characteristics of masculinity that are significant and prestigious for modern male and female Russian audiences. It has been established that the model of a real man who exhibits qualities representative of hegemonic masculinity, a legacy of the patriarchal social order (dominance, authority, fulfilling the roles of provider, breadwinner, and protector), is deeply ingrained in the consciousness of Russian speakers as a normative model. A societal demand for a greater diversity of masculinity characteristics, including traits distinct from the patriarchal gender canon of hegemonic masculinity, is demonstrated. Using the example of the identified change in the essential content of the gender role of the head of the family, the presence of gender-role stress is demonstrated, leading to eclecticism and blurred ideas about a real man in modern society. The materials presented in the article allow us to acknowledge the process of change taking place in contemporary Russian society, expanding the criteria of masculinity, and more flexible interpretations of it.

They demonstrate the dynamics of this process and also testify to the accompanying weak adaptation to the new gender reality of both men and women.

Keywords: gender stereotypes, masculinity, internet communication, meme, patriarchy.

For citation: Markina, L. V., & Glebova, A. V. Stereotypes of masculinity in internet communication (based on memes). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 166–183. [https://doi.org/ 10.24412/2076-913X-2026-262-166-183](https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-166-183)

Введение

Обращение к исследованию стереотипов маскулинности обусловлено актуальностью для отечественного социума проблемы осмысления происходящих изменений в сложившейся гендерной системе с маскулинностью и феминностью как ее базовыми характеристиками.

В современных социокультурных реалиях с их трансформацией социальных ценностей, норм, установок и представлений, в том числе гендерных, на лингвистическом уровне возникает настоятельная необходимость в выявлении, описании и анализе детерминированных этими процессами новых представлений и складывающихся стереотипов маскулинности в различных типах дискурсов и на разнообразном языковом материале, в частности в интернет-мемах. Стереотипы маскулинности, транслируемые в интернет-мемах, насколько известно, предметом специального анализа не были.

Цель исследования — выявить и описать гендерные представления о маскулинности, актуализированные в единицах интернет-дискурса — интернет-мемах, в их обусловленности социокультурным контекстом.

Материалом исследования послужили интернет-мемы с гендерным компонентом «маскулинность» общим объемом 160 единиц, извлеченные из интернет-каналов: платформа «Пикабу» (<https://pikabu.ru>), сайт «АйДаПрикол» (<https://idaprikol.ru/>) информационная площадка «Пинтерест» (Pinterest), социальная сеть «Фотострана» (m.fotostrana.ru); телеграм-каналы: «Женский юмор» (428 тыс. подписчиков), «Мемач» (4 018 252 подписчика) и некоторые другие. В работе интернет-мемы приводятся с оригинальным текстом и знаками препинания.

Методы исследования

В работе используются следующие методы: описательно-сопоставительный, контекстуального анализа, приемы лингвокультурологического анализа и методик исследования креолизованного текста, сплошной выборки интернет-единиц с гендерным компонентом «маскулинность», количественный метод.

Методологической основой описания фактического материала служит теория социального конструирования гендера, представление маскулинности как явления, зависимого от социокультурного контекста и задаваемой культурой основы гендерной иерархизации общества. Анализ материала ориентирован на междисциплинарность, позволяющую через привлечение данных из других научных областей переосмысливать известные ранее явления.

Одним из новых и значимых источников гендерной информации на современном этапе развития общества становится такой феномен интернет-коммуникации, как интернет-мем. В «Оксфордском толковом словаре» мем определяется как «изображение, видео, фрагмент текста и др., как правило, юмористического характера, которое быстро копируется и распространяется пользователями интернета, часто с небольшими вариациями»¹. Мы разделяем понимание этого феномена, представленное М. Кронгаузом: «Под интернет-мемом подразумевается любая, но короткая информация (слово или фраза, изображение, мелодия и т. п.), мгновенно и неожиданно ставшая модной и воспроизводящаяся в интернете, как правило, в новых контекстах или ситуациях» (Кронгауз, 2012, URL).

Р. Докинз, впервые использовавший понятие «мем» для обозначения единицы культурной информации в своей книге «The Selfish Gene» в 1976 году (Докинз, 2013), прямыми предшественниками интернет-мемов в прошлые эпохи называет речевые клише, крылатые фразы и паремии. Исследователи рассматривают мем в широком смысле как некий механизм распространения и хранения культурной информации, поскольку практически мгновенная передача и тиражирование этих единиц могут быть объяснены прежде всего интересом к конкретному культурному явлению, которое и порождает мем (Щурина, 2012, с. 162). Мем как реакция, таким образом, становится показателем отношения интернет-пользователя к тому или иному событию или явлению, в частности к трансформации гендерной категории маскулинности в текущей реальности. Интернет-мемы исследователи рассматривают как один из самых популярных креолизованных текстов (Карташова, Ахметзянова, 2019), т. е. как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» (Анисимова, 2003, с. 63). Их относят также вместе с шутками, анекдотами, демотиваторами и др. к «комическим аттрактивам (по классификации интернет-текстов В. И. Карасика), т. е. к текстам, предназначенным для удовольствия читателей и состоящим в карнавальном переворачивании стереотипных представлений, мнений и способов поведения (Карасик, 2019).

Юмористической коннотацией этих единиц авторы выражают свое отношение к явлениям окружающего (Кронгауз, 2012).

¹ Oxford Dictionaries. Meme. *Oxford Dictionaries*. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/meme>

Под гендерными стереотипами мы вслед за А. В. Кирилиной понимаем культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, которые отражены на всех уровнях языка и тесно связаны с формами выражения оценки в языке (Кирилина, 2002, с. 98). Гендерные стереотипы продуцируются прежде всего гендерной идеологией и социализацией, культурными факторами.

Изученность проблемы

Теоретической базой исследования стали труды зарубежных и российских авторов, посвященные проблеме гендера, воздействию гендерного фактора культуры на конкретную личность и социум (М. Messner, R. Connell, С. Бем, И. И. Булычев, Л. М. Богатова и др.), работы по рассмотрению маскулинности и феминности как гендерных стереотипов и описанию языковых средств их конструирования (А. В. Кирилина, А. Г. Фомин, Е. С. Гриценко и др.), репрезентации маскулинности в различных типах дискурсов (У. С. Захарова, Е. С. Зиновьева, М. В. Мудрая, Н. С. Шушанян и др.); труды по общим вопросам социологии и анализу трансформаций маскулинности в современном российском социуме (И. С. Кон, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина, В. А. Лабунская, С. В. Ушакин и др.); а также работы по анализу специфики интернет-общения и жанрам интернет-текстов, в частности интернет-мемов (Р. Докинз, М. Кронгауз, Т. Н. Колокольцева, В. И. Карасик, Е. И. Горошко и др.).

Понятие «маскулинность» появилось в отечественных научных исследованиях в конце XX века в рамках гендерной психологии благодаря И. С. Кону (Кон, 2009, с. 44–46). В лингвистическом аспекте эту гендерную категорию в отечественном исследовательском поле анализируют преимущественно в сопоставлении или с феминностью, или с ее реализацией в других языках (В. А. Ефремов, Е. С. Зиновьева, У. С. Захарова, Е. А. Фурса и др.). В трудах ученых отмечается отсутствие однозначного определения маскулинности. В нашей работе термин «маскулинность» понимается как поведение, социальные роли и свойства, приписываемые мужчинам в конкретном обществе, сообществе или институте, а также культурные значения, атрибутируемые мужчинам и их опыту (Здравомыслова, Темкина, 2018, с. 54). В центре внимания ученых была традиционная, в другой терминологии нормативная, эталонная, гегемонная маскулинность.

Прослеживаемые с конца XX века преобразования гендерной идеологии и гендерного порядка, отражающие изменения социально-экономических условий в процессе глобального переустройства мира, вызвали явление так называемого кризиса маскулинности, активно исследуемого прежде всего социологами (И. И. Булычев, И. С. Кон, Л. М. Богатова, С. В. Ушакин, В. А. Лабунская и др.) и требующего рассмотрения в лингвистическом аспекте.

Ученые отмечают выявленную И. С. Коном комплексность изменений в гендерной системе, связанных с экономической, властно-политической, брачно-семейной, сексуальными областями, особенностями гендерной социализации, общественных представлений и внутригендерных отношений, а также сферой телесного и эмоциональности (Зайцева, 2011). Установлено отсутствие единого канона маскулинности. Кроме традиционной маскулинности, выделяются новые формы — *нереализованная маскулинность* (И. С. Кон), *несостоявшаяся маскулинность* (И. Н. Тартаковская), *естественная маскулинность* (С. А. Ильиных) и др. Нам представляется наиболее целесообразным обращение к *естественной маскулинности* (Ильиных, 2011, с. 109), отличающейся от гегемонной большей вариативностью моделей мышления и поведения мужчин.

Результаты

Интернет-мемы фиксируют изменения в гендерной картине мира, касающиеся существующих форм маскулинности, и, главное, отношение к этому явлению в отечественном социуме.

Для традиционного социума характерна патриархальная концепция гендерного устройства, наличие устоявшихся гендерных отношений, предусматривающих главенствующую роль мужчины в семье и социуме, где женщине отводится второстепенная роль. Общественно одобряемым примером для мужчин являются особенности поведения, соответствующие *гегемонной маскулинности*. И. С. Кон определяет гегемонную маскулинность как социокультурный нормативный образец, которому мужчины и мальчики пытаются соответствовать (образ настоящего мужчины) (Кон, 2010, с. 102). Такой образец включает в себя, например, следующие личностные качества: властность, умение принимать решения, ответственность, уверенность в себе, решительность, стремление к успеху, бесстрашие. Настоящий мужчина «физически силен, менее эмоционален и более эгоцентричен» (Слезкина, 2012, с. 90).

Интернет-мемы демонстрируют, что ряд характеристик традиционно понимаемой маскулинности, описывающих настоящего мужчину, остаются высокоценными и для современного отечественного общества, в котором предпочтительны такие мужские качества (репрезентанты гегемонной маскулинности), как сильный характер, успешность и, как следствие, материальная обеспеченность, сексуальность, а также щедрость.

Особенно наглядно притягательность подобных черт традиционно понимаемой маскулинности проявляется в обсуждении образа настоящего мужчины как партнера для отношений (мужа), что активно поддерживается мемами. Мужчина без денег в некотором роде вообще не рассматривается как представитель мужского пола (см. рис. 1).

Как говорила Изольда Марковна. Мужчина без денег – это подруга



Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/726698089858352702/>

Рис. 1 / Fig. 1



Источник: https://gigi.click/picture/kak-zastavit-babotek-v-zivote-poratsli-tam-kartosetka-i-kotletok-pat-MjkyMDU3MA?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 2 / Fig. 2

Изображенная на картинке пожилая и потому знающая жизнь интеллигентного вида женщина преподносится мемом в роли лучшей наставницы при выборе достойного кандидата.

Если у мужчины нет достаточной материальной базы, то ему совсем не следует начинать отношений с женщинами.

Креолизованный текст транслирует уничижительное отношение автора следующего мема к неимущему мужчине: тот, кто не может ничего предложить женщине, равен путающейся под ногами собачке (рис. 2).

Мемы в ряде случаев напрямую называют и перечисляют качества, трактуемые в современном социуме как характерные для настоящих мужчин: умение зарабатывать, уверенность в себе, решительность, физическая сила, способность выполнять обещания, делать женщину счастливой. По мнению создателей интернет-мемов, именно таких мужчин женщина склонна выбирать для отношений.

Беседуют мужчина и женщина (рис. 3):

Она: — Нормальных мужиков не осталось!

Он: — Будь честной.

Она: — Честно! Современные мужики никак не хотят остепениться!

Он: — Честнее!

Она: — Просто я хочу выйти замуж за успешного, умного, щедрого и богатого мужика, при этом сама я ничего из себя не представляю.

Он: — Спасибо.



Источник: <https://idaprikol.ru/tags/%D0%B-F%D0%B8%D0%B9>

Рис. 3 / Fig. 3

Мальчик: я все оплачу
Мужчина:



Источник: https://cdn.gigi.click/data/upload/UID248057_1739770681_47.jpg

Рис. 4 / Fig. 4

С очевидностью можно утверждать, что в данном случае срабатывает фактор многовековой, подкрепленной религиозными догмами, культурными нормами, традициями и социальным окружением укорененности в общественном сознании установки: мужчина — добытчик, кормилец. Материальная обеспеченность, уровень жизни зависят от него, его возможностей полностью содержать женщину, семью.

Мемы наглядно показывают, что отечественное социальное окружение в своей основе продолжает разделять идеологию гегемонной маскулинности с ее культом силы, властности, доминирования, эмоционального контроля и рациональности как нормативную, правильную и ожидать от мужчин соблюдения ее норм.

Однако наряду с констатацией крайней устойчивости гендерного стереотипа *мужчина-добытчик, мужчина-кормилец* мемы информируют о перспективе его разрушения, демонтажа, свидетельствуя, что мужчины могут жить и живут на средства женщины (рис. 4).

Изображения молодых, сильных мужчин подчеркивают пейоративность смысла мемов (такие мужчины могли бы и должны обеспечивать себя сами, однако предпочитают жить за счет женщины) и одновременно оставляют место для дискуссии в обозримом будущем о критериях маскулинности в современных реалиях (см. рис. 5 на с. 174).

Нормативная, гегемонная, маскулинность являет собой идеализированный конструкт. В реальности мужчины всегда обладали и качествами, по определению нехарактерными для этого конструкта, — факт, подтверждаемый языковым материалом. Так, в русской диалектной речи бранные номинации

Это могли быть мы с
тобой, но ты не заработала
нам денег на путёвку



Источник: https://s00.yaplakal.com/pics/pics_original/4/4/2/20337244.jpg

Рис. 5 / Fig. 5

Поскольку частью «идеологии мужественности» выступает норма антиженственности — дистанцирование мужчин от предписываемых женщинам «отприродных» качеств, моделей поведения, занятий, женских видов деятельности, воспринимаемых как понижающие их статус и роняющие их мужское достоинство, признание наличия у мужчины качеств, приписываемых прежде всего женщинам, в патриархальном обществе было стигматизированным. Убедительным подтверждением этого факта служат устойчивые сравнения, где объектом сравнения выступает женщина (номинация «баба»), а субъектом — мужчины, не вписывающиеся в представление о нормативной маскулинности из-за наличия немужских качеств — *как баба / как базарная баба: разревётся, как баба; выболтать что-то, как базарная баба* (Глебова, 2025, с. 4720). Сравнение с бабой означало разрушение мужской репутации: *как баба* — это позорно и недостойно для мужчины.

Интернет-мемы фиксируют связанные с ориентацией на современные реалии и социальные запросы изменения во взглядах на атрибутивные свойства мужественности, отражают процесс осознания важности естественного, без следования строгим рамкам настоящего мужчины, поведения представителей мужского пола.

Так, в представлении об идеальном муже появляются желательные характеристики, которые не соотносятся с традиционно понимаемой мужественностью и укоренившейся в общественном сознании установкой, что мужчине по статусу не положено заниматься домашними хозяйственными делами (рис. 6).

Ироническая коннотация мема выражает критическое отношение к имеющемуся положению дел и тем самым актуализирует посыл к его изменению.

мужчин выявляют признаваемые патриархальным социумом чисто женскими качества и черты характера, которые не могут считаться нормой для представителей мужской половины человечества, — бесхарактерность, неэффективность, безответственность, лень, болтливость и пр. (продыра, чужеспинник, болона, галах, тупяк и др.) (Маркина, 2015). «...Заостренно негативная оценочная эмоционально экспрессивная семантика бранных слов и характеристик ярко отражает систему стереотипных предписаний, представлений и ожиданий, в частности гендерных, которые существуют в том или ином социуме, характеризую специфику восприятия гендера» (Маркина, 2018, с. 197).

Идеальный муж — это тот, который вовремя приходит домой, покупает продукты, готовит еду, моет посуду, занимается с детьми. Отсюда вывод: Идеальный муж — это жена.

Источник: https://m.fotostrana.ru/public/post/232954/1151544813/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 6 / Fig. 6

- Как называется отец, который присутствовал в жизни ребёнка только по документам? - Папка для бумаг.

Источник: https://m.fotostrana.ru/public/post/231923/2745315780/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 7 / Fig. 7

В обществе формируется запрос на «осознанное отцовство», т. е. включенность в уход за детьми и их воспитание начиная с младенческой поры, что также всегда считалось и по традиции продолжает считаться исключительно женским делом. Саркастично представлен типичный образ отца в меме (рис. 7). Мемы также демонстрируют отчужденность отца, отсутствие желания общаться с ребенком (рис. 8).

Однако в целом ряде мемов манифестируется активное (со своей спецификой) участие отцов в жизни своих детей. Папы не привыкли много времени тратить на воспитание и поэтому используют современные технологии (рис. 9; см. рис. 10 на с. 176). Методы воспитания современных отцов более суровые, чем у матерей (см. рис. 11 на с. 176). Зато с папой весело, он может проявить фантазию и сам любит развлечься (см. рис. 12–13 на с. 176).



Источник: https://www.anekdot.ru/i/caricatures/normal/20/1/11/papa-znaet-cto_38107.jpg

Рис. 8 / Fig. 8



Источник: https://forum.cxem.net/topic/200204page995/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera-%D1%8E%D0%B-%C%D0%BE%D1%80/

Рис. 9 / Fig. 9



Источник: https://demotivatorium.ru/ssstorage/3/2015/05/05125410869274/demotivatorium_ru_udalennoe_vospitanie_87656.jpg

Рис. 10 / Fig. 10



Источник: https://m.fotostrana.ru/public/post/235984/2401073000/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmart-camera

Рис. 11 / Fig. 11



Источник: https://ru.pinterest.com/pin/380694974764436669/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmart-camera

Рис. 12 / Fig. 12



Источник: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/271828/pub_680b3fe0b03c651bda5dcff6_680b41acdebb0932cfcfae51/scale_1200

Рис. 13 / Fig. 13

Анализ представленного материала показывает, что, с одной стороны, само появление интернет-мемов, где активно обсуждается маскулинность и ее характеристики, свидетельствует о заметной проявленности у мужского населения качеств, не вписывающихся в ее традиционные каноны, что подразумевает под собой наличие общественного запроса на это явление, с другой — ироничная подача информации означает неготовность общества

к признанию нормальности, естественности такой *новой* маскулинности. Мемы транслируют разные оценки происходящих в обществе трансформаций гендерных категорий, порой полярные.

Так, характерными для традиционной гегемонной маскулинности считаются решительность и сниженная эмоциональность, настоящий мужчина должен сдерживать эмоции.

Исследователи между тем отмечают и доказывают естественность процесса проявления эмоций (в частности, страха) у представителей сильного пола (Ильиных, 2011, с. 104). В конструкте маскулинности обосновывается движение от гегемонной к естественной маскулинности.

Мемы также свидетельствуют о складывающемся в обществе запросе на эмоциональную открытость мужчин (рис. 14). Реализацию такого запроса можно увидеть в фиксировании фактов заинтересованности отцов в общении со своими детьми, открытом проявлении чувств (рис. 15–16).

Однако содержащиеся в современном интернет-дискурсе свидетельства проявления чувствительности у лиц мужского пола, их «нежной душевной организации», которая раньше, согласно гендерным предписаниям, была присуща только



Источник: https://www.liveinternet.ru/users/borovik76/post430960670/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 14 / Fig. 14



Источник: https://cdn.gigi.click/data/upload/UID979995_1598031144_45.j

Рис. 15 / Fig. 15



Источник: https://m.fotostrana.ru/public/post/231960/1090299759/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 16 / Fig. 16

женщинам, могут подвергаться и резкой критике, что свидетельствует о разбросе мнений по этому поводу (рис. 17).

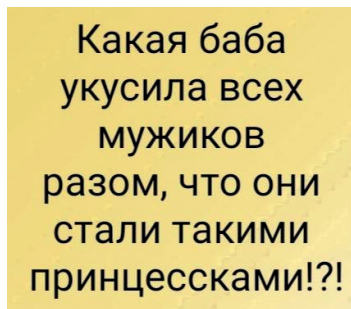
Обилие эмоциональных знаков препинания в тексте первого мема передает возмущение автора подверженностью мужчин, которые традиционно воспринимаются как эмоционально закрытые, беспричинным страданиям. Причем создатели мема обобщают «всех мужиков», что подчеркивает тенденцию трансформации содержательных характеристик маскулинности. Работы исследователей подтверждают такую тенденцию (Комкова, 2011, с. 16). Выявляя атрибутивную сочетаемость маскулинных номинаций лица, исследователь обнаружила сочетания существительного *мужчина* с определениями, свойственными раньше только женскому полу: *чувственный, тонкий, сострадательный*.

Ярко представлена в интернет-мемах противоречивая картина стереотипных представлений о мужчине в качестве главы семьи. Ожидание проявления маскулинного идеала в виде опоры, решателя проблем, защитника, как было отмечено ранее, в отечественном социуме остается по-прежнему очень активным (рис. 18).

Интернет-мемы в текущем моменте, с одной стороны, демонстрируют покушение на лидерство, властность, доминирование в семье, положенные настоящему мужчине, что нарушает издавна заведенный, а следовательно, правильный порядок вещей и должно вызвать осуждение (рис. 19).

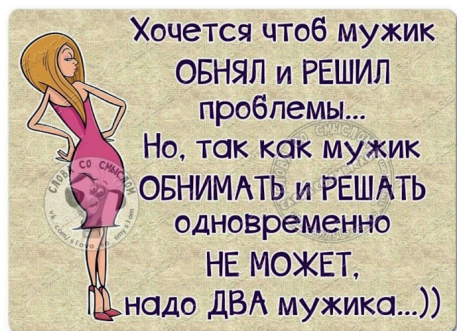
С другой стороны, свидетельствуют о полной отстраненности от семейных обязательств, безответственности мужчины, нежелании проявлять активность, устранении от принятия решений и ответственности за их последствия, что предписывается его традиционной пологендерной ролью главы семьи (рис. 20).

В тексте, сопровождающем иконическую часть мема, перечисление всех обуз на шее женщины, которые контрастирует всего с одной «обузой» мужчины — галстуком на его шее (рис. 20).



Источник: <https://gigi.click/picture/kakaa-baba-ukusila-vseh-muzikov-razom-cto-oni-stali-takimi-princesskami-Mjc4OTM3MQ>

Рис. 17 / Fig. 17



Источник: https://p7.tabor.ru/feed/2022-03-30/26125047/3722853_760x500.jpg

Рис. 18 / Fig. 18



Источник: https://pikabu.ru/story/skaza-t_v_zagse_da_11028502

Рис. 19 / Fig. 19



Источник: https://m.e1.ru/f/67/12013165/p/5?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 20 / Fig. 20

На первой картинке в приведенном ниже меме (рис. 21) изображено неприятное агрессивное лицо мужчины, утверждающего право на свое главенство. На второй — лицо того же мужчины, но растерянного, даже испуганного, отказывающегося от решения возникших проблем. Мужчине саркастически приписывается в семье роль ребенка (рис. 22; см. рис. 23 на с. 180).

Однако обслуживание мужа как главы семьи, вменяемое в обязанность в патриархальной среде, считается самими женщинами, как показывает практика, гендерно соответствующим поведением и в современном обществе, отказ от него строго осуждается. Логично сделать вывод, что статус главы семьи как составляющая гегемонной маскулинности не подвержен сомнениям,

БАТЯ: ТОЖЕ БАТЯ:



Источник: <https://idaprikol.ru/picture/batya-toze-batya-cyoty-ot-menya-ya-glava-semi-yav-00YDToVR8>

Рис. 21 / Fig. 21

Ребёнок спрашивает: — Мам, у папы есть родители?... — Конечно, есть... бабушка Валя и дедушка Витя... И тут гениальный вопрос: — А зачем они его нам отдали?...)))



Источник: https://fi.pinterest.com/pin/822610688159763739/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 22 / Fig. 22



Источник: https://ru.pinterest.com/pin/270427152596969787/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 23 / Fig. 23



Источник: https://idaprikol.ru/picture/R6b5B6kw7?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Рис. 24 / Fig. 24

воспринимается женщинами как безусловность, несмотря на символический характер мужских обязанностей в хозяйственной деятельности современной семьи, отмечаемый мемами.

Устрашающее изображение в иконической части мема «сильной женщины», готовой властной рукой навести порядок в семье, как и подобает ее главе, производит крайне негативное впечатление и свидетельствует о неготовности общества оценивать функции делом, а не гендерной принадлежностью, а также об осуждении нарушения норм гегемонной маскулинности (рис. 24).

В таком случае сетования по поводу неподъемного груза обязанностей и ответственности на женских плечах могут означать стресс, дискомфорт от вынужденности по факту исполнять роль главы семьи, что, в свою очередь, свидетельствует о сложности процесса адаптации к современным реалиям с существующим гендерно-ролевым конфликтом, перераспределением гендерных ролей.

Выводы

В отечественном социуме формируется запрос на корректировку и расширение круга критериев маскулинности, более гибкую ее интерпретацию, яркими языковыми репрезентантами чего служат интернет-мемы как единицы, способные остановить мгновение, давая возможность увидеть разворачивающуюся динамику изменений. Этот процесс сопровождается размытостью и неустойчивостью оценок возможных новых эталонов, что находит отражение в эклектичности образа настоящего мужчины, представленного в интернет-пространстве.

Очевидны престижность и приоритетность классического патриархального представления маскулинности, однако желательными и востребованными в современных реалиях оказываются новые качества, которые определяют маскулинный портрет современного мужчины, отличный от традиционного патриархального образа, характеризую маскулинность, определяемую как естественная. Стойкость патриархального представления о маскулинности, неоднозначное отношение к осуществляющемуся перераспределению гендерных ролей свидетельствуют о слабой адаптации к восприятию новой гендерной реальности как мужчин, так и женщин.

Список источников

1. Кронгауз, М. А. (2012). Мемы в Интернете: опыт деконструкции. *Наука и жизнь*, 11. <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/>
2. Докинз, Р. (2013). *Эгоистичный ген (The Selfish Gene)*. Corpus.
3. Щурина, Ю. В. (2012). Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации. *Научный диалог*, (3), 161–173.
4. Карташова, Е. П., & Ахмедзянова, А. Р. (2019). Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего». *Вестник Марийского государственного университета*, 13(3), 426–430.
5. Анисимова, Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Академия.
6. Карасик, В. И. (2019). Комические аттрактивы в сетевом дискурсе. *Жанры речи*, 3(23), 227–233.
7. Кирилина, А. В. (2002). *Словарь гендерных терминов*. Информация XXI век.
8. Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. Время.
9. Здравомыслова, Е. А., & Тёмкина, А. А. (2018). Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6, 48–73.
10. Зайцева, Т. И. (2011). Мужская гендерная идентичность: теоретические аспекты исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 352, 78–81.
11. Ильиных, С. А. (2011). Множественная маскулинность. *СОЦИС*, 7, 101–109.
12. Кон, И. С. (2010). Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. *Этнографическое обозрение*, 6, 99–114.
13. Слезкина, Ю. М. (2012). Характеристики доминантных моделей маскулинности и фемининности. *Вестник ТГУ*, 1(17), 85–91.
14. Маркина, Л. В. (2015). О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации. В Т. В. Белошапкина (Ред.). *Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л. И. Осиповой*, 92–105.
15. Маркина, Л. В. (2018). Жаргонные бранные номинации и характеристики женщин в современной молодежной коммуникации: гендерные стереотипы. *Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве* (с. 197–204). Материалы Международной научно-практической конференции, Саратов – Москва, 24–26 октября 2018 г. Перо, Амирит.
16. Глебова, А. В. (2025). Стереотипы маскулинности сквозь призму русских устойчивых сравнений. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 18, Вып. 11, 4717–4723.

17. Комкова, О. В. (2011). *Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных наименований лица* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ивановский государственный университет].

References

1. Krongauz, M. A. (2012). Memes on the Internet: the experience of decostruction. *Nauka i zhizn'*, 11. <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (In Russ.).
2. Dawkins, R. (2013). *The Selfish Gene*. Corpus. (In Russ.).
3. Shchurina, Yu. V. (2012). Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyj dialog*, (3), 161–173.
4. Kartashova, E. P., & Akhmedzyanova, A. R. (2019). The Internet meme as the main type of creolized text in the self-presentation of a «creative person». *Vestnik of the Mari State University*, 13(3), 426–430. (In Russ.).
5. Anisimova, E. E. (2003). *Linguistics of text and intercultural communication (based on the material of creolized texts)*. Akademiya. (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (2019). Comic attractions in online discourse. *Genres of Speech*, 3(23), 227–233. (In Russ.).
7. Kirilina, A. V. (2002). *Dictionary of gender terms*. Information of the XXI century. (In Russ.).
8. Kon, I. S. (2009). *A man in a changing world*. Time. (In Russ.).
9. Zdravomyslova, E. A., & Temkina, A. A. (2018). What is «masculinity»? Conceptual lockpicks of critical studies of men and masculinities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny*, 6, 48–73. (In Russ.).
10. Zaitseva, T. I. (2011). Male gender identity: theoretical aspects of research. *Tomsk State University Journal*, 352, 78–81. (In Russ.).
11. Ilinykh, S. A. (2011). Multiple masculinity. *Sociological Studies*, (7), 101–109. (In Russ.).
12. Kon, I. S. (2010). Changing men in a changing world. *Ethnographic Review*, 6, 99–114. (In Russ.).
13. Slezkina, Yu. M. (2012). Characteristics of dominant models of masculinity and femininity. *Tomsk State University Journal*, 1(17), 85–91.
14. Markina, L. V. (2015). On the semantics of human swear words in modern dialect communication. In T. V. Beloshapkova (Ed.). *Philological collection: in honor of the anniversary of Professor L. I. Osipova*, 92–105. (In Russ.).
15. Markina, L. V. (2018). Slang swear words and characteristics of women in modern youth communication: gender stereotypes. *Russian language and literature in professional communication and multicultural space* (p. 197–204). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov – Moscow, October 24–26, 2018. Pero, Amirit.
16. Glebova, A. V. (2025). Stereotypes of masculinity through the prism of Russian stable comparisons. *Philology. Theory & Practice*, 18, Issue 11, 4717–4723. (In Russ.).
17. Komkova, O. V. (2011). *Attributive compatibility of masculine and feminine facial names* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 02.10.2011. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet]. (In Russ.).

Информация об авторах

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Анна Васильевна Глебова — аспирант МГПУ.

Information about the authors

Lyudmila V. Markina — Dr. Sc. (Philology), Docent, Full Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Anna V. Glebova — a Graduate Student at MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.



Научная статья

УДК [37.016:811].091.64:004

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-184-205

ПОТЕНЦИАЛ ИИ-АГЕНТОВ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Тарева Елена Генриховна¹,
Вишневецкая Наталья Владимировна²,
Коробко Дарья Андреевна³**

^{1, 2, 3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

² vishnevetskajanv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7090-0301>

³ korobkoda@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3132-8514>

Аннотация. В условиях повсеместной цифровизации, охватывающей все уровни функционирования общества, укрепляется потребность в поиске новых путей оптимизации образовательных систем. Традиционно восприимчивая к интеграции инноваций, сфера образования начинает активно адаптировать возникшие в бизнес-сфере решения по внедрению ИИ-агентов, на данный момент считающихся качественно новым этапом развития нейросетевых технологий. Цель данной статьи — проведение компаративного анализа зарубежных подходов к применению ИИ-агентов на основе изучения опыта Китайской Народной Республики (КНР), Республики Корея и Соединенных Штатов Америки (США) в целях выявления основных направлений

разработок в этой области, а также для определения возможных векторов развития данной проблематики в образовательной системе Российской Федерации. Особый вектор рассуждений о потенциале ИИ-агентов относится к сфере обучения иностранным языкам — области, традиционно стоящей впереди любых образовательных инноваций и трансформаций. Анализируя опыт применения ИИ-инструментов на уровне среднего и высшего образования, авторы выявляют наиболее успешные инициативы, приводят эффективные практики применения ИИ-ассистентов. На основе полученных результатов выделяются функции и ключевые задачи применения агентных ИИ-технологий в образовании, сгруппированные по нескольким направлениям: коммуникация и сопровождение обучающихся, повышение качества учебного процесса и создание индивидуализированных образовательных траекторий на занятиях, а также вне их. Делается акцент на особых специализированных функциях применения ИИ-агентов: психологическая поддержка преподавателей, помощь в написании научных работ преподавателей-исследователей и др. Применительно к обучению иностранному языку анализируется потенциал ИИ-агентов в развитии различных речевых умений обучающихся в целенаправленном процессе школьного и университетского образования. В статье затрагивается также вопрос этических норм применения ИИ-ассистентов в образовательной сфере. По итогам исследования сформулированы два блока рекомендаций: рекомендации по проектированию агентных систем на основе продвинутых технологических механизмов, продуманного педагогического дизайна и нормативно-этических аспектов, которые учитываются в странах, уже прошедших путь первичного внедрения агентных технологий в образование; рекомендации о возможных направлениях применения ИИ-агентов в сфере образования Российской Федерации в целом и языковом образовании в частности.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), интеграция искусственного интеллекта в образование, ИИ-агенты, ИИ-персоны, цифровая трансформация образования.

Для цитирования: Тарева, Е. Г., Вишневецкая, Н. В., Коробко, Д. А. (2026). Потенциал ИИ-агентов: анализ зарубежного опыта и перспективы развития российского образования. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 184–205. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-184-205>

Scientific article

UDC [37.016:811].091.64:004

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-184-205

AI AGENTS: GLOBAL PRACTICES AND THE POTENTIAL FOR LANGUAGE EDUCATION

Elena G. Tareva¹,Natalya V. Vishnevetskaya²,Darya A. Korobko³^{1, 2, 3} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>² vishnevetskajanv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7090-0301>³ korobkoda@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3132-8514>

Abstract. In the context of widespread digitalization, covering all levels of societal functioning, the need to find new ways of optimizing educational systems is growing. The field of education, traditionally receptive to the integration of innovations, is beginning to actively adapt solutions developed in the business sector regarding the implementation of AI agents, which are currently considered a qualitatively new stage in the development of neural network technologies. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of foreign approaches to the use of AI agents, based on studying the experience of the People's Republic of China, the Republic of Korea, and the United States of America, in order to identify the main areas of development in this field, as well as to determine possible vectors for the development of this issue within the educational system of the Russian Federation. A particular line of reasoning about the potential of AI agents pertains to the field of foreign language teaching — an area traditionally at the forefront of any educational innovations and transformations. Analyzing the experience of using AI tools at the levels of secondary and higher education, the authors identify the most successful initiatives and present effective practices for the use of AI assistants. Based on the results obtained, the functions and key tasks of applying agentic AI technologies in education are highlighted, grouped into several areas: communication and student support; improving the quality of the educational process; and creating individualized educational trajectories both in and outside the classroom. Emphasis is placed on specific specialized functions of using AI agents: psychological support for teachers, assistance in writing research papers for academic staff, and others. With regard to foreign language teaching, the potential of AI agents in developing various language skills of students within the targeted process of school and university education is analyzed. The article also addresses the issue of ethical norms for the use of AI assistants in the educational sphere. Based on the research findings, two sets of recommendations are formulated: recommendations for designing agentic systems based on advanced technological mechanisms, thoughtful pedagogical design, and regulatory-ethical aspects that are taken into account in countries that have already gone through the initial phase of integrating agentic technologies into education; and recommendations on possible directions for the use of AI agents in the educational sphere of the Russian Federation in general and in language education in particular.

Keywords: artificial intelligence (AI), AI in education, AI agents, AI personas, digital transformation of Education.

For citation: Tareva, T. G., Vishnevetskaya, N. V., & Korobko, D. A. (2026). AI agents: global practices and the potential for language education. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 184–205. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-184-205>

Введение

Стремительное развитие информационных технологий и, как следствие, искусственного интеллекта (ИИ) обусловило преобразование различных сфер деятельности. ИИ, относящийся к вычислительным технологиям, предназначенным для выполнения диагностических, инструментальных, технологических, алгоритмических действий, обычно требующих серьезных психологических и временных затрат человеческого интеллекта, активно внедряется в жизненное пространство индивида, сокращая трудоемкость деятельности, освобождая последнего от решения рутинных и ординарных задач. Велика роль ИИ-технологий в образовательной среде: инструмент преобразует привычные дидактические процессы, оказывает влияние на обновление педагогической среды, позволяет переосмыслить роли педагога и обучающегося, трансформирует подход к проектированию и предоставлению образовательного контента — все это лишь часть системных изменений, подвластных данной технологии (Тивьяева, Михайлова, 2025).

Благодаря мощному потенциалу ИИ-сервисов появляются множественные образовательные технологии: адаптивные обучающие платформы, интеллектуальные системы обучения, образовательное программное обеспечение. Возникла среда для внедрения *ИИ-акторов* — систем, обладающих способностями «мыслить», реагировать, решать задачи, строить программы развития и пр. Сегодня к таким особым акторам образовательного процесса относят *ИИ-агентов/ИИ-персон*, которые выступают в качестве ассистентов при решении различных образовательных и организационных задач.

Разработчики и пользователи только начинают описывать агентные ИИ-технологии: момент их фиксации в информационных каналах зафиксирован 2024–2026 годами. Это суперновые системы, конструирование, обучение и применение которых только начинают подвергаться анализу, осмыслению и информированию заинтересованных пользователей и разработчиков, при этом подчеркивается их способность выступать в качестве инструмента расширения возможностей человека посредством решения широкого спектра сложных практико-ориентированных задач (Qu et al., 2025, с. 7). С помощью таких систем потенциально может быть автоматизировано любое действие, которое поддается описанию с помощью текста; ожидается, что данные системы изменят экономику и другие аспекты человеческого бытия ввиду того,

что в текущий момент они уже выполняют действия без инструкции со стороны человека (MIT Technology Review..., 2025).

С учетом возникшего в научной среде ажиотажа вокруг потенциала (как кажется, безграничного!) ИИ-сервисов встает важная исследовательская проблема, касающаяся оценки исходных для мирового опыта предпосылок изучения ИИ-агентов/ИИ-персон, позиционирующихся сегодня как зарождающиеся и формирующиеся в различных странах мира. Интересен международный опыт разработки, внедрения и описания результатов применения таких продуктов в сфере образования в целях принятия решений в области перспектив их использования в российской образовательной системе, в том числе в области обучения иностранным языкам.

С точки зрения фиксации статуса ИИ-агентов/ИИ-персон наибольшим опытом обладают такие страны, как Китайская Народная Республика (КНР), Республика Корея, Соединенные Штаты Америки (США), которые позиционируют себя лидерами в этой области. Выбор государств обусловлен выявленным фактом наибольшего интереса их исследователей и разработчиков к проблематике создания, обучения и применения ИИ-агентов/ИИ-персон, проявленного в источниках информации.

Учитывая сказанное, необходимо изучить формирующийся опыт разработки таких систем в данных государствах для определения перспектив его использования в области образования применительно к аналогичным разработкам в России. Как видится, именно сфера образования потенциально может испытывать потребность в применении ИИ-агентов/ИИ-персон в статусе ИИ-ассистентов педагога и/или обучающегося. Особый спектр потенциальных возможностей данные системы имеют применительно к обучению иностранным языкам, традиционно трудозатратному и осложненному рядом труднопреодолимых факторов. Обучающий, консультирующий, фасилитирующий потенциал подобных систем видится весьма значимым. Приведенные факты, а также чрезвычайная актуальность заявленной проблематики обусловили постановку цели и задач исследования.

Методология исследования

Настоящее исследование представляет собой проект, опирающийся на сравнительный анализ теоретических источников и практического опыта. Оно построено на основе подбора и систематизации различных источников информации: а) нормативно-правовых документов, регламентирующих данную область в рассматриваемых странах; б) информации из СМИ, включая сайты, об ИИ-агентах, а также предоставляемых ведущими ИИ-разработчиками материалов, в которых содержится описание принципов функционирования ИИ-агентов, даны примеры их внедрения, а также рекомендации по проектированию и оптимизации их работ; в) научных публикаций, с разных точек зрения

рассматривающих технологию и философию внедрения ИИ-агентов в различные сферы жизни человека, а также затрагивающих юридические, этические и социальные аспекты разработки и внедрения ИИ-агентов.

Отбор научных публикаций осуществлен в соответствии с общепринятой схемой компаративного анализа. На первом этапе сформирован поисковый запрос на базе ключевых слов и их сочетаний на английском языке (*AI agents, intelligent agents, agentic AI, AI personas, LLM agents, agent-based systems* и др.) (ИИ-агенты, интеллектуальные агенты, агентный ИИ, ИИ-персоны, LLM-агенты (агенты на основе больших языковых моделей), агентные системы и др.) (перевод наш. — Н. В.), а также их эквивалентов на китайском и корейском языках. Поиск проведен в валидных международных базах данных: англоязычных Scopus, Web of Science, ScienceDirect, Taylor & Francis Online, SpringerLink, а также в базах других стран.

Главный критерий отбора источников информации — фокус публикации на ИИ-агентах и ИИ-персонах в различных областях их применения с приоритетным вниманием к сфере образования. В анализ также включены отдельные публикации, раскрывающие принципы и характеристики, релевантные ИИ-агентам, в том числе в рамках более широкого понятия ИИ. Критерием исключения послужили публикации, посвященные ИИ в целом, не содержащие положений, непосредственно относящихся к ИИ-агентам/ИИ-персонам.

Исследование и результаты

Терминологические решения. Под *ИИ-агентом* понимается программа, которая может самостоятельно выполнять задачи для пользователя или другой системы, создавая собственный рабочий процесс и применяя доступные инструменты (Берман, 2025, с. 166). ИИ-агенты отличаются рядом характеристик и функциональных возможностей. К последним относится способность работать автономно (без непосредственного участия человека), адаптивно подстраиваться под профиль пользователя, обучаться под его влиянием и с учетом его особенностей реагировать на изменения, определять потребности субъекта деятельности, взаимодействовать с другими ИИ-агентами. В зарубежных источниках (как в научных публикациях, так и в публикациях в области СМИ) преимущественно встречаются такие термины, как *AI agents, agentic AI, agentic AI systems*.

В отличие от ИИ-агента, *ИИ-персона* — персонифицированный цифровой интерфейс для общения с людьми (виртуальный тьютор, ассистент, цифровой аватар), реализуемый на базе моделей ИИ, в том числе, но не обязательно, агентных систем; персонификация ИИ-агента — это его часть, ответственная за взаимодействие с пользователем. Термин закрепился в русскоязычном терминологическом поле и обозначает ИИ-инструмент (чаще всего чат-бот), реализованный в образе какого-либо персонажа и обученный таким образом

и на таких материалах, чтобы осуществлять коммуникацию в рамках заданной роли, стиля общения и функционала.

По причине относительной новизны описываемых явлений в источниках наблюдаются разночтения: в ряде случаев авторы (как отечественные, так и зарубежные) употребляют термин «ИИ-агент», фактически описывая функционал чат-бота или имея в виду ИИ-персону. В этом проявляются ключевые особенности ИИ-агентов: автономность, способность к работе не с отдельным промптом, а с контекстом, что предполагает координацию различных действий в рамках одной задачи (отсюда указание на контекст-инжиниринг вместо промпт-инжиниринга (Effective context..., 2025)).

Следует заключить, что термины «ИИ-персона» и «ИИ-агент» нетождественные, но и не взаимоисключающие. Нормативные подходы и практики в различных странах стремятся избегать смешения данных явлений: к архитектуре агентов предъявляются требования обеспечения безопасности и качества, а к конструктору персон — объяснимости и социальной приемлемости. Что особенно заметно в сфере образования: ИИ как персона-тьютор должен быть не только компетентным, но и психологически комфортным, этичным и поддерживающим.

Прогнозируя развитие данных ИИ-инструментов, отметим, что следующим фундаментальным сдвигом в парадигме автоматизации интеллектуального труда станет переход к *мультиагентным системам*, состоящим из нескольких взаимодействующих агентов на базе ИИ, которые координируют свои действия в реальном времени для решения сложных, контекстуально-насыщенных задач (Allmendinger et al., 2026; Uchoa et al., 2026). Подобные системы все активнее находят применение в условиях образовательной среды (У и др., 2024).

Анализ зарубежного опыта изучения функций ИИ-агентов. За краткий (пока!) период своего позиционирования в изучении агентных ИИ-технологий в международном исследовательском пространстве был накоплен определенный опыт, анализ которого позволяет выявить некоторые тенденции в данной области. Они проявляются как на уровне законодательно-нормативных решений государств, так и в сфере практического внедрения ИИ-агентов (с фокусом на систему образования).

В *Китае* инновации в области ИИ всячески поощряются на государственном уровне; страна активно формирует экосистему разработки и внедрения ИИ-агентов, ориентируясь на концепцию «ИИ для всех» и опираясь на применение любым пользователем открытого кода (Уведомление Государственного совета о выпуске плана развития искусственного интеллекта нового поколения, 2017; Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации, 2021). Активное внедрение ИИ-агентов сопровождается развитием теоретической базы. Появляются классификации образовательных агентов, уточняются их функции и модели взаимодействия с учащимися. Предпринята также попытка создать каталог ИИ-агентов на государственном уровне. Установлено, что в вопросах этики все ИИ-инструменты должны придерживаться основных

социалистических ценностей (Временные меры..., 2023), а некоторые темы, касающиеся партийных решений, исторических событий или государственной безопасности, вовсе не могут быть подвергнуты обработке при помощи китайских ИИ.

ИИ-агенты в КНР становятся ключевым элементом цифровой трансформации образования: создаются платформы-конструкторы для разработки универсальных и специализированных образовательных агентов. К ним, например, относятся: Coze DTC, Zhipu Qingyan, Wenxin Agent Builder. В образовательной сфере опыт китайских университетов и компаний подтверждает смещение фокуса с отдельных ИИ-моделей к комплексным агентным системам, адаптируемым под разнообразие образовательные задачи. Среди них известны Xiao I Robot (小 I 机器人), Zheda Xiansheng (浙大先生). Мультиагентные системы приобретают все больший функционал: формируют банк учебных ресурсов, разрабатывают индивидуальную траекторию обучения, обеспечивают тьюторское сопровождение, предоставляют педагогическое сопровождение всего процесса, выступают в качестве интеллектуального компаньона преподавателя-ученого, а также проводят мониторинг общественного мнения (например, позволяют своевременно узнавать о поведении учащихся, предотвращая школьную травлю и кибербуллинг (У и др., 2024).

Китайские университеты занимаются разработкой собственных ИИ-агентов. Четыре ИИ-агента, например, разработал Пекинский университет; Наньчанский университет создал собственного ИИ-агента «Умный друг “камфорное дерево”» (香樟智友). Педагогический университет Центрального Китая разработал ИИ-инструменты для школ. Применяется ИИ-агент для математического образования Panlong (盘龙).

Активное внедрение ИИ-агентов сопровождается развитием теоретической базы. Появляются классификации образовательных агентов, уточняются их функции и модели взаимодействия с учащимися. Предпринята также попытка создать каталог ИИ-агентов на государственном уровне.

Развитие ИИ в *Республике Корея* во многом определяется экономической стратегией страны и ее промышленной специализацией. Согласно данным Высшей школы экономики, по показателю числа документов в сфере политики разработки и применения ИИ страна находится на пятой позиции, что подтверждает стратегическую значимость данной группы технологий для правительства (Инициативы..., 2025). Основными инициаторами и бенефициарами внедрения ИИ-агентов выступают крупные корпорации Samsung, Hyundai, LG; при этом делается особый акцент на разработке собственных национальных ИИ-систем, что формирует фокус на технологически ориентированных и автономных решениях. ИИ-агенты активно используются в образовательной сфере: интегрируются в курсы и учебники, поддерживают преподавателей и помогают в оценке знаний обучающихся (Asim et al., 2024).

Исследовательский ракурс рассмотрения ИИ-индустрии в Республике Корея не отличается величиной и глубиной изучения: по количеству публикаций

в этой области страна занимает лишь 25-е место, что указывает на сравнительно умеренный уровень развития фундаментальных и прикладных работ в сфере ИИ, по сравнению с ведущими научными центрами других стран. Очевидно тем не менее, что в государстве ИИ-агенты рассматриваются как будущее ИИ: утверждается, что мир ИИ постепенно движется к сложным агентным системам, которые представляют собой следующее поколение технологий (Reasoning model).

Анализ литературы показывает, что в США регулирование ИИ-агентов носит пока инициальный характер: отсутствует всеобъемлющее государственное законодательство, а существующие постановления и указы касаются только общих принципов развития ИИ. Это связано с тем, что выпущенный в 2025 году America's AI Action Plan отменяет политику предыдущего президента, который выступал за более осторожный подход к внедрению ИИ. В связи с этим многие новые законы и нормативные инициативы в области ИИ находятся на стадии разработки, но при этом следуют стратегии устранения барьеров на пути к технологическому лидерству страны, в котором ИИ должен играть ключевую роль (America's AI Action Plan, 2025). Научные исследования (Vijayvargiya et al., 2025; MIT Technology Review, 2025; Riedl & Desai, 2025) подчеркивают юридические, этические и социальные аспекты использования ИИ-агентов, необходимость оценки рисков и определения правового статуса автономных систем. Создана база данных ИИ-агентов (The AI Agent Index, 2025).

Результаты внедрения ИИ-агентов в образовательный процесс описаны в научной литературе; все авторы не только демонстрируют потенциал инструментов, но и подчеркивают необходимость продуманного регулирования и оценки рисков при их внедрении (Tamascelli et al., 2025; Dieker et al., 2024; Yao et al., 2025).

В стране ИИ-агенты активно присутствуют в сфере образования и науки в штатах Теннесси, Мэн, Пенсильвания, Нью-Йорк, Джорджия, Иллинойс, Флорида, Монтана, Мичиган и др. Есть несколько популярных ИИ-агентов, созданных специально для сферы образования: агент-рекрутер абитуриентов CollegeVine; агент Halda, помогающий вузам коммуницировать со студентами; KiraLearning — агент от создателя Coursera, нацеленный непосредственно на процесс обучения и проходящий апробацию в школьных округах США, в том числе по всему штату Теннесси; конструктор ИИ-агентов Cogniti.

Существуют ИИ-агенты, созданные для конкретных учебных учреждений (главным образом вузов), некоторые направлены на оптимизацию организационных вопросов (финансовая помощь, получение общежития и т. д.), академическое консультирование и коммуникацию со студентами, а некоторые — на интенсификацию учебного процесса: Pounce (Georgia State University), Advanced Virtual Teaching Assistant (University of Michigan), MyResource (Pennsylvania State University), Una (Unity Environmental University).

В результате проведенного анализа можно выделить несколько общих значимых направлений в области состояния дел и перспектив применения ИИ-агентов и ИИ-персон в анализируемых странах:

1. Регулирование развития и применения ИИ в целом осуществляется на государственном уровне. Так, в США действует America's AI Action Plan; а в Китае ИИ-агенты, будучи частью ИИ-пространства, подпадают под то же правовое регулирование, что и все ИИ-инструменты, поскольку основаны на больших моделях генеративного ИИ.

2. Проведенный анализ показал, что 67 % разработчиков ИИ-агентов находятся в США, 12 % — в Китае, при этом 73 % из них представляют промышленный сектор (The Challenges..., 2025). Помимо промышленного применения, ИИ-агенты активно используются в бизнесе, науке, образовании, медицине, финансовом секторе, творчестве, а также в повседневной жизни.

3. При разработке и обучении ИИ-агентов в любой сфере ключевое значение имеет подбор и структурирование данных, на базе которых формируется их функциональная модель. В области образования в качестве таких данных обычно выступают учебные программы, нормативные документы, расписания занятий, каталоги курсов и учебные материалы. Это позволяет обеспечить работу ИИ в заданном образовательном контексте и повысить релевантность его ответов.

4. На смену промпт-инжинирингу приходит контекст-инжиниринг. В отличие от ИИ-ассистентов, ИИ-агенты функционируют в нескольких циклах и на протяжении длительного времени, что требует более сложных инструментов для управления их «поведением» и контекстом взаимодействия. Показателен пример Китая, где реализован следующий значимый кейс: Tiangong AI Agent (天工智能体) — агент, обученный на материалах и коммуникационном стиле конкретного профессора, что позволяет системе взаимодействовать со студентами от его имени и что требует управления сложным контекстом взаимодействия с пользователем (ИИ-агент реализован в виде ИИ-персоны).

5. Ключевым технологическим фундаментом ИИ-агентов выступают большие языковые модели (Large Language Models, LLM). Благодаря обучению на триллионах токенов текста и программного кода такие модели усваивают не только фактические знания о мире, но и логические структуры, причинно-следственные связи, а также способность к пошаговому рассуждению. Одной из значимых методик, раскрывающих этот потенциал, служит техника цепочки рассуждений (Chain-of-Thought, CoT), которая позволяет модели выстраивать внутренний монолог и «рассуждать» последовательно. Этот метод, имитирующий процесс размышления вслух, помогает модели разбивать сложные задачи на более мелкие и выполнимые этапы, что приводит к более точным и последовательным результатам (Correia et al., 2025). Именно эта способность лежит в основе функции планирования, осуществляемой ИИ-агентами. На следующем этапе LLM обучаются использованию внешних инструментов для выполнения отдельных шагов своего плана, что делает их действия более автономными и целенаправленными. Кроме того, существуют ИИ-агенты, способные анализировать мимику и эмоции человека, интегрируя технологии машинного зрения, к таким можно отнести ИИ-агента ZB (США) (Dieker, 2024).

6. Активно развиваются мультиагентные архитектуры, в которых несколько ИИ-агентов взаимодействуют и координируют свои действия при решении сложных задач; показателен в этом смысле пример Китая. Подобно индивидуальным ИИ-системам мультиагентные структуры повышают свой интеллектуальный потенциал за счет совместного обучения, коллективного принятия решений и обмена информацией.

7. Предпринимаются попытки создания каталогов ИИ-агентов: в США — общих реестров и классификаций, охватывающих различные сферы применения, а в Китае — специализированных каталогов, ориентированных преимущественно на сферу образования.

8. Существуют конструкторы ИИ-агентов, работающие по принципу low-code/no-code, например в Китае — Wenxin Agent Builder, в США — Vertex AI, SmythOS, фреймворк LangChain. Они обеспечивают типизированный и алгоритмизированный процесс создания агента, включающий в себя выбор типа агента, настройку «конституции» (правил поведения), формирование библиотеки знаний, подключение внешних инструментов, тестирование и последующую публикацию. Существуют также конструкторы ИИ-агентов, ориентированные специально на образование. Среди них в США — Cogniti, в Китае — DTC (新道 DTC教育智能体开发平台) и Coze (扣子). Эти платформы позволяют создавать образовательных ИИ-агентов с учетом специфики учебного процесса, требований к контенту и взаимодействию с учащимися.

9. Существующие исследования, как в образовательной сфере, так и в других областях, включают в себя опросы пользователей, отражающие их готовность к задействованию ИИ, а также предоставляют эмпирические данные о результатах и эффективности внедрения конкретных систем, таких как MAIC, Textbook AI Walker, AI Speaking и Atama+ (AI agents for government: New Study).

ИИ-агенты/ИИ-персоны в образовании. В контексте образования изученных нами стран (Китай, Корея, США) ИИ-агенты внедряются в учебных заведениях (преимущественно в секторе высшего образования; помимо этой среды, они применяются в школах и частных образовательных компаниях. Эти инструменты рассматриваются не только как средство повышения эффективности учебного процесса (как цифровой ассистент преподавателя, помощник в учебе для учеников, инструмент для проектирования образовательных траекторий, в том числе среди учеников с особыми образовательными потребностями). Кроме этого, они выполняют широкий спектр функций, например консультируют абитуриентов, помогают решать задачи академического консультирования и сопровождения студентов на различных этапах обучения, организационной поддержки. В таблице перечислены главные образовательные функции ИИ-агентов.

Успешные практики применения ИИ-агентов/ИИ-персон. Представим кейсы, иллюстрирующие наиболее успешные случаи интеграции ИИ-агентов в образовательный процесс.

1. Kira Learning (США) — ИИ-агент, разработанный основателем Coursera, DeepLearning AI, Google Brain и ориентированный на трансформацию школьного

образования в США. Функциональные возможности инструмента направлены на сокращение времени педагогов за счет делегирования ассистенту рутинных задач планирования уроков в соответствии со стандартами, отслеживания прогресса учащихся и получения автоматических рекомендаций по работе с отстающими учениками. Для обучающихся предусмотрен формат индивидуализированного сопровождения в формате индивидуальных консультаций.

2. В университете Цинхуа (Китай) разработана образовательная платформа MAIC (Massive AI-Empowered Course), функционал которой помогает преподавателям создавать курсы, автоматически генерируя ИИ-преподавателей, ИИ-помощников и ИИ-однорूपников с разными стилями общения. Это позволяет быстро выстраивать персонализированную мультиагентную среду обучения, в которой учащиеся могут выполнять индивидуальные задания под руководством нескольких ИИ-агентов. Содержание и темп обучения адаптируются согласно потребностям конкретного студента, а ИИ постоянно регулирует процесс обучения. Курсы MAIC приходят на замену MOOC (Massive Open Online Courses), которые используются в данном университете (и во многих других университетах по всему миру, включая Российскую Федерацию) в дополнение к основному учебному процессу (Yu et al., 2024).

3. Существуют **универсальные решения**, применяемые в разных образовательных организациях. В США это Halda, CollegeVine; в Китае — Coze. Такие решения позволяют внедрять ИИ-агентов без построения полностью кастомизированных систем для каждого учебного заведения, обеспечивая более широкое распространение технологий и стандартизированные инструменты для преподавателей. В ряде случаев ИИ-агенты разрабатываются специально для конкретного учебного заведения (например, Pounce в Georgia State University или MyResource в Penn State), что свидетельствует о движении к институционально ориентированным решениям. Существует и третий вариант, предполагающий распространение частного ИИ-агента в другие образовательные контексты по примеру китайского MAIC, созданного в одном из университетов и доступного к масштабированию и адаптации в других образовательных учреждениях.

Рассмотрение опыта государств с уже сформировавшимися экосистемами применения ИИ (а в последнее время и ИИ-агентов) показало, что успешные модели опираются на сочетание технологических механизмов, продуманного педагогического дизайна и нормативно-этических аспектов. В связи с этим предлагаем следующие *рекомендации по проектированию ИИ-агентов/ИИ-персон для российского образовательного пространства*:

1. Необходимо применение открытых моделей и платформ для создания ИИ-агентов (например, решений, реализованных для платформ Wenxin, MEIC и др.), которые позволяют адаптировать их архитектуру под образовательные задачи. Особое внимание следует уделить инструментам, не требующим навыков программирования, — конструкторам Low-Code / No-Code. Это делает технологии доступными для преподавателей и администраторов, обладающих

Таблица / Table

Функции и основные задачи применения ИИ-агентов в образовании
Functions and key objectives of the application of AI agents in education

Функция	Основные задачи
Коммуникация и сопровождение обучающихся	– Консультации для абитуриентов (подбор курса, ориентирование в вопросах вступительных испытаний, возможность получения места в общежитии и др.). – Академическое консультирование студентов (помощь в выборе курсов, элективов, информирование о возможности участия в конкурсах и др.). Особое внимание к первокурсникам). – Консультации по вопросам финансовой помощи. – Консультации по вопросам психологического и физического здоровья (сообщения о возможности вакцинации и др.).
Повышение качества учебного процесса и создание индивидуализированных образовательных траекторий	<i>Вне занятий</i> – Отслеживание прогресса студентов. – Автоматическое оценивание работ студентов и составление рекомендаций. – Формирование учебного профиля студентов. – Рекомендации для преподавателей по работе с каждым учеником и с группой в целом. – Создание образовательной среды для помощи студентам в выполнении домашних заданий: возможность дополнительного объяснения пройденного материала по материалам, загруженным преподавателем (с помощью сократического метода), создание ИИ-персон (ИИ-учитель, ИИ-профессор и т. д). – Создание учебного контента (автоматическое подключение промпта: создание дополнительных заданий / тестов / дополнительных заданий) при загрузке преподавателем учебной программы и основных учебных материалов. <i>На занятиях</i> – Поддержка преподавателя в аудитории: оценка устной речи студентов, моделирование проблемных ситуаций и др.) Помощь при инклюзивном обучении
Другие специальные функции	– Поддержка психологического здоровья преподавателей. – Помощь в написании научных работ (анализ данных экспериментов, поиск релевантной научной литературы и т. д. (для преподавателей вузов))

глубоким пониманием предметной области и особенностей организации образовательного процесса, но не имеющих специальной подготовки. Такой подход способствует расширению участия педагогического сообщества в разработке и настройке ИИ-систем. При этом необходимо заранее продумать дизайн ИИ-агента с точки зрения конечного пользователя. Так, для задач академического консультирования оптимальное решение — чат-бот, способный вести диалог

с абитуриентами и студентами, предоставлять рекомендации и напоминания. Для разработки учебного контента или образовательных материалов требуется более сложное техническое решение — платформа или конструктор, в который преподаватель может загружать свои лекции, структурировать их и на этой основе формировать интерактивные задания, тесты и адаптивные учебные траектории.

2. Важно предусмотреть адаптацию агентных ИИ-моделей к российской образовательной практике и разработать единую концептуальную модель проектирования и применения ИИ-агентов в образовании. Важный аспект — локализация ИИ-решений с учетом российских образовательных стандартов, нормативных документов, языковых и культурных особенностей. Адаптация предполагает не только настройку данных и алгоритмов, но и приведение технологических решений к требованиям российских регуляторных политик, включая политику в сфере обработки персональных данных, безопасность и соответствие федеральному государственному стандарту.

3. Желательна разработка стандартов для создания специализированных предметных баз знаний. Ключевым фактором качества ИИ-агентов в сфере образования выступает наличие структурированных и нормативно выверенных баз знаний по учебным предметам для обучения на них ИИ. Эти базы должны формироваться с опорой на официальные учебники, проверенные (доказанные с научной и практико-ориентированной точек зрения) методические материалы и стандартизированные образовательные ресурсы, а также тексты лекций и научные статьи преподавателей.

4. Важно спроектировать ИИ-персоны с учетом ролевой, коммуникативной и поведенческой моделей. Для повышения вовлеченности обучающихся рекомендуется наделять ИИ-агентов четко сформулированной ролью, характером и коммуникативной стратегией. Китайские разработки Coze, специализированный ИИ-агент для анализа письменных исторических источников на основе Zhipu Qingyan, американская система Una и другие кейсы демонстрируют, что ролевые ИИ-персоны повышают доверие, улучшают восприятие материала и способствуют развитию самостоятельности обучающихся.

5. При разработке ИИ-агентов для образования необходимо руководствоваться этическими принципами и правилами безопасности учащихся (например, по формуле американских компаний: «справедливость, прозрачность, подотчетность» (AI Agent Ethics)) и строго соблюдать нормы защиты персональных данных в соответствии с законодательством Российской Федерации. Следует применять многоэтапное тестирование, включая проверку на наличие предвзятости, корректность ответов, устойчивость к ошибочным запросам и способность объяснять принимаемые решения. Такой подход соответствует лучшим практикам ведущих международных компаний и исследовательских центров. Можно создать руководство для проектирования и применения ИИ-агентов в образовании, в нем требуется определить правовую регламентацию их статуса в образовании, зафиксировать уровень автономности.

6. Следует предусмотреть формирование открытого реестра ИИ-агентов для сферы образования — общедоступной базы данных, включающей в себя описания успешных и неудачных кейсов применения ИИ-агентов. Такие материалы должны содержать перечень обучающих источников, оценку безопасности, сведения о соответствии этическим нормам и информацию о сценариях использования. Подобный реестр станет инструментом накопления коллективного опыта и обеспечит прозрачность для образовательных организаций и разработчиков.

7. Управление жизненным циклом ИИ в образовании должно учитывать специфику автономных систем. Уже на этапе замысла и архитектурного проектирования необходимо:

- определить сценарии, в которых агент принимает решения, потенциально влияющие на обучающихся или образовательный процесс;
- задать ограничения автономии, включая перечень действий, допустимых без участия человека, и тех, которые требуют явного согласия пользователя или педагога;
- разработать механизмы объяснимости рекомендаций и действий агента, обеспечивая прозрачность принятия решений и повышая доверие пользователей.

Такой каркас позволит внедрять ИИ-агентов безопасно, прогнозируемо и в соответствии с образовательными целями.

8. Необходимо формирование внутриуниверситетской инфраструктуры поддержки внедрения ИИ-агентов. Вуз может создать рабочую группу и центр компетенции по ИИ, разрабатывать обучающие программы для преподавателей, проводить внутренние тестирования ИИ-агентов в реальных педагогических сценариях.

9. По совету основателей компании EdGenerative при разработке ИИ-агентов рекомендуется начинать с небольших шагов, придерживаться стратегического подхода, ставить потребности людей во главу угла при их внедрении (AI Agents..., 2025).

10. При создании ИИ-агентов важно определиться с функционально обусловленным типом продукта. К таким типам относятся:

а) ИИ-агенты знаний: инструменты, фокусирующиеся на построении семантических графов знаний по дисциплинам, управлению базами знаний и интеллектуальному поиску (например, системы вопросов и ответов по профессиональным знаниям);

б) интерактивные ИИ-агенты: инструменты, реализующие интерактивное преподавание на основе технологий обработки естественного языка (например, роботы для интеллектуальных ответов на вопросы, виртуальные ассистенты преподавателей);

в) ИИ-агенты для решения задач: инструменты, поддерживающие автоматизацию учебных процессов (например, системы интеллектуальной проверки домашних заданий, составления экзаменационных вопросов);

г) инструментальные ИИ-агенты: прикладные инструменты, предоставляющие специальные преподавательские функции (например, платформы имитации экспериментов, помощники по интеллектуальному проектированию обучения) (Объявление..., 2025).

11. При разработке ИИ-агента подспорьем станет алгоритм, представленный на рисунке.

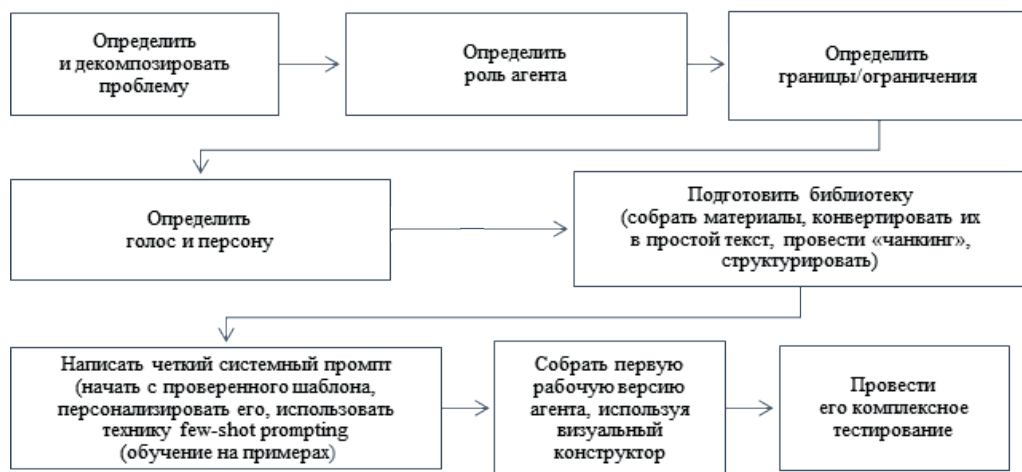


Рис. Алгоритм разработки ИИ-агента

Fig. Algorithm for Developing an AI agent

12. Необходимо создать экспертную группу, ответственную за разработку шаблонов, администрирование платформы, методическую поддержку и консультирование преподавателей.

В целом перспективным направлением видится создание универсального ИИ-агента, способного решать широкий спектр задач в единой архитектуре — от поддержки учебного процесса и индивидуальных образовательных траекторий до консультаций абитуриентов, сопровождения педагогов и административных работников. В мировой практике (в Китае и США) предпринимаются попытки разработки подобных многоцелевых агентов, однако комплексных решений, охватывающих все уровни образовательной вертикали, пока не существует. Для российского контекста подобный проект представляет собой инновационную и стратегически значимую задачу. Создание такого агента позволило бы сформировать устойчивую цифровую экосистему образовательной организации; кроме того, разработка универсального ИИ-агента обладает существенным имиджевым потенциалом: появление подобного решения укрепило бы бренд института как лидера в области интеллектуальных образовательных технологий и создателя уникального отечественного продукта, не имеющего прямых аналогов.

Заключение

Компаративный анализ позволил представить опыт разработки и применения ИИ-агентов/ИИ-персон и заключить, что в этой области наметились явные тенденции. Многие из инструментов универсальны, при этом в разных странах имеются особые направления развития ИИ-агентов, основанные на специфике философии, идеологии и ментальности, свойственным данным государствам.

За недолгий срок существования ИИ-агенты обозначили свое место в концепциях трансформации образования в различных странах. В образовательной модели, в которой появляются новые субъекты образовательного процесса — ИИ-агенты, роль преподавателя кардинально меняется. Он освобождается от технической работы и концентрируется на своей главной компетенции — взаимодействии с обучающимся в целях его обучения, воспитания и развития. ИИ-агент выступает в роли архитектора образовательного опыта, который использует готовые, безопасные и проверенные строительные блоки при создании уникальных, кастомизированных решений для своих студентов. Именно поэтому привлекательность таких систем отмечают не только администраторы образовательных организаций и учреждений, но и пользователи — педагоги и обучающиеся.

Очевидно, что зародившиеся тенденции будут укрепляться и диверсифицироваться с позиций актуальных потребностей развития общественных и производственных процессов. Имеющийся опыт помогает выявить универсальные направления внедрения и разработки ИИ-агентов, а также определить специфику этих продуктов для отдельной страны, конкретной системы образования, основанной на нормативах и регламентациях национального характера.

Существующие пока в немногочисленном виде прецеденты нуждаются в классификации и типологизации. Одновременно необходимо готовить нормативную базу для корректной адаптации существующих практик и/или для разработки собственных решений с опорой на имеющийся международный опыт. Требуется также определить степень допустимости применения ИИ-агентов в отечественной системе образования, выявить перспективные направления их разработки и внедрения.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательных учреждениях высшего образования для определения стратегий разработки и применения ИИ-агентов/ИИ-персон в системе обучения, выстраивания политики регламентации внедрения таких систем в практику российского образования, формирования стратегии в области разработки и применения ИИ-технологий, в частности ИИ-персон, в образовательном контексте.

Список источников

1. Тивьяева, И. В., & Михайлова, С. В. (2025). Искусственный интеллект — дань моде или реальная помощь учителю? *Русская словесность*, (1), 3–10.
2. Qu, X., Damoah, A., Sherwood, J., Liu, P., Shun Jin, Ch., Chen, L., Shen, M., Aleisa, N., Hou, Z., Zhang, Ch., Gao, L., Li, Y., Yang, Q., Wang, Q., & De Souza, Ch. (2025). A comprehensive review of AI Agents: transforming possibilities in technology and beyond. *arXiv*. 92508.11957 (2025). (2026, 1 марта). <https://arxiv.org/abs/2508.11957>
3. *MIT Technology Review*. Are we ready to hand AI agents the keys? (2025). (2026, 1 марта). <https://www.technologyreview.com/2025/06/12/1118189/ai-agents-manus-control-autonomy-operator-openai/>
4. Берман, Н. Д. (2025). Преодоление вызовов внедрения ИИ-агентов в образовательной среде: фокус на этические аспекты и риски. *ЦИТИСЭ*, 3(45), 166–177.
5. *Effective context engineering for AI agents*. (2025). (2026, 1 марта). <https://www.anthropic.com/engineering/effective-context-engineering-for-ai-agents?clck-id=7012eb82>
6. Allmendinger, S., Bonenberger, L., Endres, K., Fetzer, D., Gimpel, H., & Köhl, N. (2026). Multi-agent AI. *Electron Markets*, (36), 18. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12525-025-00862-z>
7. Uchoa, A. P., Oliveira, C. E. T., Motta, C. L. R., & Schneider, D. (2026). Multi-stakeholder Alignment in LLM-Powered collaborative AI Systems: a multi-agent framework for intelligent tutoring. In J. F. Krems, H. P. da Silva, P. Cipresso (Eds.). *Computer-Human Interaction Research and Applications. CHIRA. Communications in Computer and Information Science. Springer, Cham*, 2835, 360–379.
8. 吴永和, 姜元昊, 陈圆圆, & 张文轩. (2024). 大语言模型支持的多智能体: 技术路径、教育应用与未来展望. *开放教育研究*, (05), 63–75. = У, Ю., Цзян, Ю., Чэнь, Ю., & Чжан, В. (2024). Мультиагентные системы на основе больших языковых моделей: технологические пути, применение в образовании и перспективы на будущее. *Исследования в области открытого образования*, (5), 63–75.
9. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知. 国务院. (2017). = *Уведомление Государственного совета о выпуске плана развития искусственного интеллекта нового поколения: принят Государственным советом КНР*. (2026, 1 марта). https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5216427.htm.
10. 中华人民共和国个人信息保护法. 第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十次会议. (2021). = *Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации: принят на 13-м съезде ПК ВСНП 13-го созыва*. (2026, 1 марта). http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202108/t20210820_313088.html.
11. 生成式人工智能服务管理暂行办法. 国家互联网信息办公室, 中华人民共和国国家发展和改革委员会, 中华人民共和国教育部, 中华人民共和国科学技术部, 中华人民共和国工业和信息化部, 中华人民共和国公安部, & 国家广播电视总局. (2023). = *Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта: принят Управлением по вопросам киберпространства Китая, Государственным комитетом по развитию и реформам КНР, Министерством образования КНР, Министерством науки и технологий КНР, Министерством промышленности и информатизации КНР, Министерством общественной безопасности КНР, Государственным управлением радио и телевидения*. (2026, 1 марта). https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.html.

12. 中国高等教育学会关于征集“高校教学智思体工具及应用案例”的通知. 中国高等教育学会. (2025). = Объявление о сборе заявок для создания «Каталога интеллектуальных агентов для преподавания в вузах страны» и «Базы примеров применения интеллектуальных агентов для преподавания в вузах страны». *Китайская ассоциация высшего образования*. (2026, 1 марта). <https://heec.cahe.edu.cn/news/yaowen/19315.html>.
13. *Инициативы по развитию ИИ в Республике Корея. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*. (2025). (2026, 1 марта). <https://issek.hse.ru/news/1079272634.html>
14. Asim, S., Kim, H., & Aedo, C. (2024). Teachers are leading an AI revolution in Korean classrooms. *WorldBank*. (2026, 1 марта). <https://blogs.worldbank.org/en/education/teachers-are-leading-an-ai-revolution-in-korean-classrooms>
15. *America's AI Action plan*. (2025). (2026, 1 марта). <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf>
16. Vijayvargiya, A., Huang, S., Saharia, C., Yeh, C., Chen, M., Zhao, Z., & Lee, H. (2025). OpenAgentSafety: A comprehensive framework for evaluating real-world AI agent safety. *arXiv*. (2026, 1 марта). <https://arxiv.org/html/2507.06134v1>
17. Riedl, M. O., & Desai, D. R. (2025). *AI Agents and the Law*, 8(3). 2189–2198. *Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*
18. *The AI Agent Index*. (2025). (2026, March 1). <https://aiagentindex.mit.edu/>
19. Tamascelli, M. O., Bunch, J., Fowler, R., Taeb, F., & Cohen, R. (2025). Academic advising chatbot powered with AI agent. *Proceedings of the 2025 ACM Southeast Conference (ACM SE '25)* (p. 212–217).
20. Dieker, L., Hines, R., Wilkins, I., Hughes, C., Hawkins Scott, K., Smith, S., & Shah, S. (2024). Using an Artificial Intelligence (AI) Agent to support teacher instruction and student learning. *Journal of Special Education Preparation*, 4(2), 78–88.
21. Yao, H., Xu, W., Turnau, J., Kellam, N., & Wei, H. (2025). Instructional Agents: Reducing Teaching Faculty Workload through Multi-Agent Instructional Design. *arXiv*. (2026, 1 марта). <https://arxiv.org/abs/2508.19611>
22. *The challenges of governing AI Agents*. *AI Frontiers*. (2025). (2026, 1 марта). <https://ai-frontiers.org/articles/the-challenges-of-governing-ai-agents?clckid=955942c1>
23. Correia, A. P., Hickey, S., & Xu, F. (2025). Realizing the possibilities of the large language models: Strategies for prompt engineering in educational inquiries. *Theory Into Practice*, 64(4), 434–447.
24. Yu, J., Zhang, Z., Zhang-li, D., Tu, S., Hao, Z., Miao Li, R., Li, H., Wang, Y., Li, H., Gong, L., Cao, J., Lin, J., Zhou, J., Qin, F., Wang, H., Jiang, J., Deng, L., Zhan, Y., Xiao, C., Dai, X., et al. (2024). From MOOC to MAIC: Reshaping Online Teaching and Learning through LLM-driven Agents. Preprint: *arXiv*: 2409.03512. (2026, 1 марта). <https://arxiv.org/abs/2409.03512>
25. *AI Agents Are Set to Transform Higher Education — Here's How*. (2025). (2026, 1 марта). <https://www.forbes.com/sites/avivalegatt/2025/06/16/ai-agents-are-set-to-transform-higher-education-heres-how/?clckid=948f8654>

References

1. Tivyaeva, I. V., & Mikhaylova, S. V. (2025). Artificial Intelligence — a Fashion Trend or Real Help for a Teacher? *Russkaya slovesnost'*, (1), 3–10. (In Russ.).

2. Qu, X., Damoah, A., Sherwood, J., Liu, P., Shun Jin, Ch., Chen, L., Shen, M., Aleisa, N., Hou, Z., Zhang, Ch., Gao, L., Li, Y., Yang, Q., Wang, Q., & De Souza, Ch. (2025). A Comprehensive Review of AI Agents: transforming possibilities in technology and beyond. Preprint: *arXiv*: 2508.11957 (2026, March 1). <https://arxiv.org/abs/2508.11957>
3. MIT Technology Review. *Are we ready to hand AI agents the keys?* (2025). (2026, March 1). <https://www.technologyreview.com/2025/06/12/1118189/ai-agents-manus-control-autonomy-operator-openai/>
4. Berman, N. D. (2025). Overcoming the challenges of implementing AI agents in the educational environment: Focus on ethical aspects and risks. *CITISE*, 3(45), 166–177. (In Russ.).
5. *Effective context engineering for AI agents*. (2025). (2026, March 1). <https://www.anthropic.com/engineering/effective-context-engineering-for-ai-agents?clid=7012eb82>
6. Allmendinger, S., Bonenberger, L., Endres, K., Fetzer, D., Gimpel, H & Kühl, N. (2026). Multi-agent AI. *Electron Markets*, (36), 18.
7. Uchoa, A. P., Oliveira, C. E. T., Motta, C. L. R., & Schneider, D. (2026). Multi-stakeholder Alignment in LLM-Powered collaborative AI Systems: a multi-agent framework for intelligent tutoring. In J. F. Krems, H. P. da Silva, P. Cipresso (Eds.). *Computer-Human Interaction Research and Applications. CHIRA. Communications in Computer and Information Science. Springer, Cham*, 2835, 360–379.
8. 吴永和, 姜元昊, 陈圆圆, & 张文轩. (2024). 大语言模型支持的多智能体: 技术路径、教育应用与未来展望. *开放教育研究*, (05), 63–75. = Wu, Y., Jiang, Y., Chen, Y., & Zhang, W. (2024). Multi-agent systems supported by large language models: technological pathways, educational applications, and future prospects. *Kaifang jiaoyu yanjiu*, (5), 63–75. (In Chinese).
9. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知. 国务院. (2017). = *Notice of the State Council on Issuing the Development Plan for a New Generation of Artificial Intelligence*. The State Council. (2026, March 1). https://www.beijing.gov.cn/zhengce/zhengcefagui/201905/t20190522_60314.html (In Chinese).
10. 中华人民共和国个人信息保护法. 第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十次会议. (2021). = *Personal Information Protection Law of the People's Republic of China*, adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the 13th National People's Congress. (2026, March 1). http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202108/t20210820_313088.html (In Chinese).
11. 生成式人工智能服务管理暂行办法. 国家互联网信息办公室, 中华人民共和国国家发展和改革委员会, 中华人民共和国教育部, 中华人民共和国科学技术部, 中华人民共和国工业和信息化部, 中华人民共和国公安部, & 国家广播电视总局. (2023). = *Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services*, adopted by the Cyberspace Administration of China, the National Development and Reform Commission, the Ministry of Education, the Ministry of Science and Technology, the Ministry of Industry and Information Technology, the Ministry of Public Security, and the National Radio and Television Administration. (2026, March 1). https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm. (In Chinese).
12. 中国高等教育学会关于征集“高校教学智思体工具及应用案例”的通知. 中国高等教育学会. (2025). = *Announcement on Collecting the «University Teaching Intelligent Agent Tools and Application Case Catalog»*. China Association of Higher Education. (2026, March 1). <https://heec.cahe.edu.cn/news/yaowen/19315.html>. (In Chinese).

13. *Initiatives for the Development of AI in the Republic of Korea*. National Research University Higher School of Economics. (2025). (2026, March 1). <https://issek.hse.ru/news/1079272634.html>
14. Asim, S., Kim, H., & Aedo, C. (2024). Teachers are leading an AI revolution in Korean classrooms. *WorldBank*. (2026, March 1). <https://blogs.worldbank.org/en/education/teachers-are-leading-an-ai-revolution-in-korean-classrooms>
15. *America's AI Action plan*. (2025). (2026, March 1). <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf>
16. Vijayvargiya, A., Huang, S., Saharia, C., Yeh, C., Chen, M., Zhao, Z., & Lee, H. (2025). OpenAgentSafety: A comprehensive framework for evaluating real-world AI agent safety. *arXiv*. (2026, March 1). <https://arxiv.org/html/2507.06134v1>
17. Riedl, M. O., & Desai, D. R. (2025). *AI Agents and the Law*, 8(3), 2189–2198. Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society.
18. *The AI Agent Index*. (2025). (2026, March 1). <https://aiagentindex.mit.edu/>
19. Tamascelli, M. O., Bunch, J., Fowler, R., Taeb, F., & Cohen, R. (2025). Academic advising chatbot powered with AI agent. *Proceedings of the 2025 ACM Southeast Conference (ACM SE '25)* (p. 212–217).
20. Dieker, L., Hines, R., Wilkins, I., Hughes, C., Hawkins Scott, K., Smith, S., & Shah, S. (2024). Using an Artificial Intelligence (AI) Agent to support teacher instruction and student learning. *Journal of Special Education Preparation*, 4(2), 78–88.
21. Yao, H., Xu, W., Turnau, J., Kellam, N., & Wei, H. (2026) Instructional Agents: Reducing Teaching Faculty Workload through Multi-Agent Instructional Design. *arXiv*. (2026, March 1). <https://arxiv.org/abs/2508.19611>
22. *The challenges of governing AI Agents*. *AI Frontiers* (2025). (2026, March 1). <https://ai-frontiers.org/articles/the-challenges-of-governing-ai-agents?clckid=955942c1>
23. Correia, A. P., Hickey, S., & Xu, F. (2025). Realizing the possibilities of the large language models: Strategies for prompt engineering in educational inquiries. *Theory Into Practice*, 64(4), 434–447.
24. Yu, J., Zhang, Z., Zhang-li, D., Tu, S., Hao, Z., Miao Li, R., Li, H., Wang, Y., Li, H., Gong, L., Cao, J., Lin, J., Zhou, J., Qin, F., Wang, H., Jiang, J., Deng, L., Zhan, Y., Xiao, C., Dai, X., et al. (2024). From MOOC to MAIC: Reshaping Online Teaching and Learning through LLM-driven Agents. Preprint: *arXiv*: 2409.03512. (2026, March 1). <https://arxiv.org/abs/2409.03512>
25. *AI Agents Are Set to Transform Higher Education — Here's How*. (2025). (2026, March 1). <https://www.forbes.com/sites/avivalegatt/2025/06/16/ai-agents-are-set-to-transform-higher-education-heres-how/?clckid=948f8654>

Информация об авторах

Елена Генриховна Тарева — доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ.

Наталья Владимировна Вишневецкая — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Дарья Андреевна Коробко — старший преподаватель кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Elena G. Tareva — Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Director of the Institute of Foreign Languages, MCU.

Natalya V. Vishnevetskaya — PhD (Pedagogy), Associate Professor at the Department of English Philology of Foreign Languages, MCU.

Darya A. Korobko — Senior Lecturer at the Department of Chinese Language of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.

Научно-практическая статья

УДК [373.5.016:811].091.313.5

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-206-221

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Куклина Светлана Станиславовна¹,
Русинова Мария Владимировна²

^{1,2} Вятский государственный университет,
средняя школа № 27,
Киров, Россия,

¹ svstkuk47@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4838-9233>

² manyasha-ru@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость формирования читательской грамотности старшеклассников средствами дисциплины «Иностранный язык» и доказывается актуальность организации этого процесса для приобретения учащимися функциональной грамотности как условия их успешной жизнедеятельности в современном мире. Рассматривается значимость и практическая разработка средств формирования читательской грамотности старшеклассников на уроках иностранного языка. Используются ведущие методы исследования: теоретический анализ отечественных и зарубежных источников по проблеме, анализ образовательных документов и действующих учебников, а также опытно-экспериментальное обучение. Представлен уточненный набор умений читательской грамотности, отражающий уровневый характер понимания прочитанного, а также средства их развития как компоненты технологии формирования читательской грамотности старшеклассников. В качестве таких средств выступают аутентичные мультикультурные иноязычные тексты и комплексы рецептивных и продуктивных проблемно ориентированных упражнений, отобранные и организованные с опорой на адекватные критерии для приобретения этими средствами функциональной направленности. Опытнo-экспериментальная проверка разработанных материалов доказывает оптимальность выделенного набора умений читательской грамотности и эффективность созданных средств для их развития, что позволяет рекомендовать данные материалы к использованию в практике обучения иностранным языкам в старших классах.

Ключевые слова: читательская грамотность, функционально направленные средства обучения, критерии отбора и организации, иностранный язык, общеобразовательная школа.

Для цитирования: Куклина, С. С., Русинова, М. В. (2026). Формирование читательской грамотности старшеклассников в иноязычном образовательном процессе *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 206–221. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-206-221>

Scientific and practical article

UDC [373.5.016:811].091.313.5

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-206-221

DEVELOPING READING LITERACY IN HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE FOREIGN LANGUAGE EDUCATION PROCESS

Svetlana S. Kuklina¹,

Maria V. Rusinova²

^{1,2} Vyatka State University,
Secondary School № 27,
Kirov, Russia,

¹ svstkuk47@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4838-9233>

² manyasha-ru@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the need to develop high school students' reading literacy through the Foreign Language course and demonstrates the relevance of organizing this process for its contribution to students' acquisition of functional literacy as a prerequisite for their successful functioning in the modern world. In this regard, the article aims to provide a theoretical substantiation and practical development of tools for forming high school students' reading literacy in foreign language lessons. The leading research methods were theoretical analysis of domestic and foreign sources on the problem, analysis of educational documents and current textbooks, as well as experimental teaching. The article presents a refined set of reading literacy skills, reflecting the level-based nature of text comprehension as well as tools for their development as components of the technology for developing high school students' reading literacy. These skills are comprised of authentic multicultural foreign-language texts and sets of receptive and productive problem-oriented exercises, selected and organized using appropriate criteria to ensure their functional focus. The developed materials were tested experimentally, demonstrating both the optimality of the identified set of reading literacy skills and the effectiveness of the tools created for their development, which allows recommending these tools for use in the practice of teaching foreign languages in high school.

Keywords: reading literacy, functionally oriented teaching aids, selection and organization criteria, foreign languages, high school.

For citation: Kuklina, S. S., & Rusinova, M. V. (2026). Developing reading literacy in high school students in the foreign language education process. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 206–221. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-206-221>

Введение

Современный федеральный образовательный стандарт предъявляет высокие требования к освоению школьниками основной образовательной программы по дисциплинам учебного плана и достижению ими совокупности личностных, метапредметных и предметных результатов как необходимого условия активной деятельности выпускников во взрослой жизни. В нем особое внимание обращается на формирование функциональной грамотности (ЧГ), т. е. «способности решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности, включающей овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу готовности к успешному взаимодействию с изменяющимся миром и дальнейшему успешному образованию» (Федеральный..., 2021, с. 29).

Более того, уровень сформированности функциональной грамотности у выпускников школы становится показателем качества освоения ими программ общего образования. Данное утверждение говорит о том, что вышеперечисленные образовательные результаты должны приобрести качество функциональности, чтобы обеспечить их обладателям готовность и способность жить, учиться и трудиться, достигая своих целей и развивая собственный потенциал в современном постоянно меняющемся мультикультурном информационном мире.

В настоящей публикации обоснование функциональной грамотности дано применительно к входящей в учебные планы любого уровня иноязычного образования дисциплине «Иностранный язык», предметная цель которой — формирование иноязычной коммуникативной компетенции как готовности и способности учащихся осуществлять межличностное и межкультурное иноязычное общение с представителями иного социума. Поэтому как сама компетенция, так и содержание составляющих ее субкомпетенций, необходимые для осуществления того или иного вида речевой деятельности как формы иноязычного общения, должны приобрести функциональный характер.

Продemonстрируем это на примере обучения такому виду иноязычной речевой деятельности, как чтение, *актуальность* обращения к которому объясняется, во-первых, тем, что уровень владения чтением — один из показателей сформированности функциональной грамотности с момента появления данного термина во второй половине XX века (Edwards, Corson, 1997). Во-вторых, в Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) ЧГ включена в качестве главного компонента оценки функциональной грамотности школьников и измерения уровня образованности человека (OECD, 2019). И наконец, при всей важности чтения в жизни учащихся и его активного применения для получения информации, школьники по-прежнему испытывают трудности в выполнении ряда действий, значимых для функционирования чтения. Подтверждением тому служат результаты

констатирующего эксперимента, проведенного в старших классах с углубленным изучением английского языка (Русинова, Куклина, 2025), а также тестов, выполненных зарубежными исследователями (Arbarini et al., 2018; Surwanti, Hikmah, 2019).

Чтобы разрешить эту проблему и внести вклад в формирование функциональной грамотности учащихся средствами предмета «Иностранный язык», мы поставили перед собой *цель*: показать, каким образом организовать обучение чтению в старших классах, чтобы как содержание, так и используемые при этом средства обучения приобрели функциональную направленность и тем самым создали условия для становления школьника функционально грамотным человеком в области чтения.

Достижение цели предполагает такую последовательность действий: вначале представим чтение как ключевой источник получения информации, чтобы выявить набор умений, необходимых для его функционирования в жизнедеятельности человека, уровень владения которыми служит показателем сформированности ЧГ школьников. Затем обозначим средства обучения, с помощью которых учащиеся смогут приобрести эти умения, и опишем процесс их отбора и организации. Это станет фундаментом опытно-экспериментальной проверки, направленной на обоснование оптимальности набора умений ЧГ и доказательство эффективности целенаправленно отобранных и организованных средств формирования ЧГ при обучении старшеклассников чтению на иностранном языке.

Методология исследования

Для достижения обозначенной цели использовались такие методы исследования, как анализ теоретических источников по проблеме, ознакомление с практическим опытом обучения чтению, анализ образовательных документов, опытно-экспериментальное обучение.

Результаты исследования и их обсуждение

И. А. Зимняя, рассматривая чтение как сложный вид речевой деятельности, представляет его активным, целенаправленным, опосредованным знаково-символическими средствами процессом восприятия, осознания, анализа, синтеза и интерпретации графически закодированной в тексте информации в целях извлечения ее содержания для последующего адекватного понимания и воспроизведения. Оно включает в себя сам текст, содержащий смыслы и знания автора, используемые им знаки и символы, которые воспринимает читатель и с помощью таких действий по переработке информации, как восприятие, осознание, анализ, синтез и интерпретация, приходит к умозаключению, являющемуся продуктом осмысления содержания текста (Зимняя, 2001, с. 120).

Результатом деятельности чтения считается его понимание, которое традиционно оценивается по таким признакам, как *точность, полнота и глубина* проникновения в содержание и смысл воспринятого и осмысленного текста. Если точность понимания характеризует качественную сторону восприятия информации, а полнота отражает количественную меру ее получения, то глубина понимания выражается в интерпретации данных и полностью зависит от знаний, имеющихся у читающего, и его интеллектуальных способностей (Фоломкина, 2005, с. 50).

По мнению С. К. Фоломкиной, для успешного достижения такого результата обучающиеся должны овладеть, во-первых, *умениями, необходимыми для понимания содержания прочитанного текста*, в частности уметь выделять, обобщать, соотносить факты и события, работая с общим представлением о тексте; а во-вторых, *умениями, обеспечивающими осмысление его содержания*, т. е. определять замысел автора, формулировать умозаключение и выводить свое суждение, оценивать содержание текста в целом и реализацию авторского замысла (Фоломкина, 2005, с. 27–30).

Такой уровень понимания прочитанного текста З. Н. Клычникова называет высоким; благодаря достаточному лексическому запасу и качественному владению грамматикой иностранного языка происходит восприятие общей идеи и деталей текста, осуществляются аналитико-синтетические процессы интеграции его частей для определения смысла, распознавания логического и эмоционального планов (Клычникова, 1983, с. 100). Именно этот уровень развития умений чтения текстов различных жанров, видов (художественные фрагменты, научно-популярные и публицистические статьи, инструкции, электронные письма и поэтические произведения) и форматов (сплошные и несплошные) ожидается от старшеклассников на уроках английского языка (Федеральный..., 2021).

В то же время, как отмечает С. Л. Климинская, чтение подразумевает не только умение читать и понимать прочитанное, но и умение оценивать текст, сопоставлять факты, выражать собственное мнение, а также использовать полученную информацию для достижения поставленной цели (Климинская, 2023, с. 75). Подобного же мнения придерживаются другие авторы, которые рассматривают чтение как «способность эффективно понимать, интерпретировать и критически оценивать письменную информацию различных форматов и жанров, применяя полученные знания и умения в повседневной жизни, профессиональной деятельности и социальном взаимодействии» (Алексашина и др., 2019, с. 12).

Приведенные положения служат аргументом в пользу идеи уровневого понимания текста, сформулированной З. Н. Клычниковой, которая, кроме высокого уровня понимания, представленного ранее, выделила уровни критического и поступочного понимания. Если критическое понимание предполагает глубокое погружение в текст, понимание его переносного смысла и подтекста благодаря знанию метафорических значений слов, устойчивых выражений

и идиом иностранного языка, то поступочное — выражается в конкретных действиях или решениях самого читателя, вызванных глубоким проникновением в логические, эмоциональные и волевые составляющие текста, его воздействием на чувства и эмоции читающего (Клычникова, 1983, с. 100–101). Такие действия являются ответной реакцией читателя, выступающей показателем успешности чтения как такового (Зимняя, 2001, с. 82) и его готовности функционировать в жизнедеятельности человека.

Подтверждение этому мы находим в Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA – 2018). В ней *читательская грамотность* рассматривается как способность человека к «пониманию письменных текстов, к их использованию, оценке, осмыслению и взаимодействию с ними для достижения своих целей, развития своих знаний, потенциала и участия в жизни» (OECD, 2019, с. 28). *Понимание* в данном толковании предполагает интеграцию информации из текстов со знаниями читателя и ее соотнесенность с окружающим миром, а *использование* — применение того, что прочитали, в различных жизненных ситуациях. *Оценивание* текстов осуществляется с учетом их соответствия целям читателя, достоверности содержащихся в них аргументов и надежности представленной информации.

Что касается *осмысления*, то оно связано с *взаимодействием* читателя с текстами и включено в этот ряд, чтобы подчеркнуть интерактивность чтения, т. е. взаимодействия мыслей и жизненного опыта читателя с информацией текстов. В ходе процесса читающий обдумывает содержание текста, сверяя прочитанное с имеющимися знаниями и взвешивая утверждения автора. Благодаря таким размышлениям он может изменить не только свое восприятие мира, но и отношение к чтению, проявляющееся в вовлеченности человека в чтение с присущими ей эмоциональными и поведенческими характеристиками. По мнению авторов документа, человек, умеющий читать грамотно, не только обладает умениями и знаниями, необходимыми для такого чтения, но и ценит чтение и использует его для достижения различных целей (OECD, 2019, с. 30).

Данное толкование ЧГ легло в основу примеров открытых заданий PISA по читательской грамотности, где обозначены читательские умения, считающиеся ключевыми при ее оценке: а) найти и извлечь информацию; б) интегрировать и интерпретировать ее; в) осмыслить и оценить. Так, вторая группа умений включает в себя действия по обобщению полученной информации и формулированию итоговых выводов. В третью группу входят действия размышления над содержанием текстов, выявления точки зрения автора и определения своего мнения; верификации информации с точки зрения ее достоверности и актуальности; поиск противоречий и их возможного устранения (Примеры..., 2018, с. 6).

Сравнение набора умений, перечисленных в определении ЧГ, с их толкованием в сборнике заданий говорит о том, что в последних отсутствует такая важная составляющая ЧГ, как способность использовать полученную информацию в различных жизненных ситуациях. Функциональная значимость

этих умений подчеркивается А. А. Леонтьевым, когда он пишет о функционально грамотном человеке как об использующем знания, навыки и умения для решения «диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» (Леонтьев, 2003, с. 24). Эти умения соответствуют поступочному уровню понимания текста в концепции З. Н. Клычниковой, который, по нашему мнению, выступает показателем готовности читательских умений к использованию в деятельности человека.

Такая ситуация побуждает уточнить набор умений, необходимых для формирования у школьников ЧГ, которые придадут содержанию компонентов иноязычной коммуникативной компетенции функциональный характер. В него входят умения: а) найти и извлечь информацию из прочитанных текстов в соответствии с учебно-речевой задачей; б) интегрировать информацию со знаниями школьника, обобщать и интерпретировать ее с учетом существующей проблемной ситуации; в) осмысливать информацию для выявления точки зрения автора и критически оценивать ее значимость для решения учебно-речевой задачи в заданной ситуации, а также сформулировать свое мнение; г) использовать полученный материал в подобных ситуациях повседневной жизни для участия в иноязычном общении и вовлечения в чтение на иностранном языке.

Представленные умения ЧГ необходимы учащимся на уроках иностранного языка при чтении текстов разных форматов, жанров и видов, как его неотъемлемые составляющие, содержание которых обеспечит школьников новой информацией для ознакомления, осмысления и ее дальнейшего применения. В данном контексте речь идет об аутентичных текстах, заимствованных из коммуникативной практики носителей иностранного языка, т. е. созданных носителями языка для носителей языка и не предназначенных для учебных целей (Смирнова, 2016). На уроках иностранного языка таковыми являются мультикультурные тексты, ибо они не только отражают реальные культурные контексты изучаемого языка, функциональная сущность которых, по мнению А. А. Леонтьева, определяется их ролью в качестве «инструмента социального взаимодействия людей» (Леонтьев, 2003, с. 22), но и могут быть опорой для собственных высказываний школьников.

Содержание аутентичных текстов, кроме того, создает ситуации, которые могут быть связаны с личными или деловыми интересами учащихся в реальной жизни, с процессом обучения или будущей профессией, а также с их взаимодействием в общественной жизни (OECD, 2019). Подобные ситуации побуждают учащихся решать поставленные перед ними учебно-речевые задачи, успех выполнения которых во многом зависит от уровня владения школьниками умениями функционального чтения (Батырова, 2025). Поэтому мультикультурные аутентичные иноязычные тексты можно назвать средством формирования ЧГ старшеклассников, но при условии их грамотного отбора и организации в целях получения учащимися информации, важной для их деятельности в современном мире.

Необходимость целенаправленного отбора и организации иноязычных аутентичных текстов объясняется тем, что информация в них недостаточно

актуальна для современных учеников или надежна, тексты часто сложны для них по причине большого количества незнакомой лексики, сложных грамматических конструкций и нестандартной логики изложения. Кроме того, такие тексты не всегда отвечают требованию функциональной направленности, т. е. не содержат информации, связанной, например, с личными или деловыми интересами учащихся.

Такая же картина наблюдается при анализе текстов УМК «Английский язык. 10, 11 класс», углубленный уровень (Афанасьева, Михеева, 2019), который показал, что хотя многие из них и носят мультикультурный характер, информационно насыщены и частично учитывают возрастные особенности учащихся, но информация в них малозначима для решения жизненно важных проблем современных школьников (Русинова, Куклина, 2025). Осложняет ситуацию и то, что упражнения, сопровождающие текстовый материал учебника и выступающие вторым средством формирования ЧГ старшеклассников, нацелены лишь на развитие умений, необходимых для понимания содержания прочитанного текста и его осмысления. Так, в учебнике недостаточно упражнений на обобщение и преобразование материала текста; не присутствуют упражнения на применение полученной информации в повседневной жизни школьников. Отсутствие таких упражнений или их малое количество вряд ли позволят учащимся овладеть полным набором умений ЧГ, что станет препятствием на пути приобретения этим видом речевой деятельности функционального характера.

Подобные факты побудили нас провести работу по целенаправленному отбору и организации средств формирования ЧГ старшеклассников, чтобы обеспечить каждому из них функциональную направленность и тем самым создать условия для приобретения умений функционального чтения на иностранном языке и их становления функционально грамотными людьми в области чтения. Эта работа осуществлялась в рамках технологии формирования читательской грамотности старшеклассников, которую мы понимаем как образовательную технологию, представляющую собой системно-структурное образование (Куклина, 2023, с. 72) в составе целевого, концептуального, содержательного, процессуального и результативного компонентов (Селевко, 2005).

Исходя из цели статьи и нашего понимания средств формирования ЧГ, в центре внимания далее будут процессуальный и результативный компоненты названной технологии. Если первый из них включает в себя аутентичные мультикультурные иноязычные тексты разных форматов, жанров и видов, а также упражнения, предназначенные для развития у старшеклассников умений ЧГ, то второй — средства диагностики результатов, полученных в ходе их апробации.

Представление *процессуального компонента* начнем с отбора и организации средств формирования ЧГ, а также выявления критериев, необходимых для достижения этой цели. Процесс отбора, т. е. выбора аутентичного иноязычного текстового материала функциональной направленности осуществлялся

с учетом критериев, выделенных из многообразия критериев, предлагаемых в методической литературе (Гальскова и др., 2017; OECD, 2019). Таковыми стали:

- мультикультурность и информационная насыщенность текстов;
- соответствие возрастным особенностям старшеклассников, их личным, деловым или профессиональным интересам;
- возможность использовать текстовый материал для разработки заданий, развивающих умения ЧГ, необходимые учащимся в повседневной жизни;
- разнообразие текстов с точки зрения их формата, жанра и вида.

Воспользовавшись этими критериями, мы провели отбор аутентичных текстов в рамках таких тем учебника «Английский язык. 10, 11 класс», углубленный уровень (Афанасьева, Михеева, 2019), как «Man — the Seeker of Happiness» («Человек — искатель счастья») и «Man As the Greatest Wonder of the World» («Человек как величайшее чудо света»), а затем оценили степень их функциональной направленности. Ее наивысшей оценкой является 20 баллов, которая представляет сумму баллов, полученную текстом по каждому из четырех критериев. Среди отобранных текстов, например, наивысший балл получил текст — интернет-страница, 18 баллов присвоено тексту-афише, а 15 — биографическому описанию.

Вслед за отбором осуществлялся процесс организации аутентичных текстов, т. е. внутренней упорядоченности, согласованности отдельных частей целого для его функционирования в такой форме, которая обеспечивает достижение запланированного результата в существующих внешних условиях (Парахина, Федоренко, 2007, с. 33). В нашем случае целью организации отобранных текстов функциональной направленности была логическая упорядоченность их отдельных частей для успешного восприятия, осмысления и понимания учащимися текста, а также для лучшего воспроизведения и применения в актуальных ситуациях иноязычного общения. Поэтому производились частичное сокращение отдельных частей текста, незначительная реконструкция логики изложения, а также некоторое упрощение лексико-грамматического материала и сложных синтаксических конструкций (Мирошникова, 2016). Во внимание принимались такие критерии организации, как: а) соблюдение полноты информации, необходимой для достижения поставленных целей; б) обеспечение глубины понимания при логической упорядоченности частей текста; в) обеспечение доступности содержания в ходе некоторого упрощения языкового наполнения текста.

Поскольку упражнения как средство развития умений ЧГ учащихся необходимы им для работы с аутентичными иноязычными текстами разной степени функциональной направленности и для получения информации, значимой в повседневной жизни, то им также следует придать функциональный характер. В данном случае нас интересует как качество этих упражнений, так и их количественное соотношение и последовательность в комплексе, предназначенном для развития полного набора умений ЧГ.

Что касается качественной стороны упражнений, то ведущим критерием отбора служит их адекватность реальному письменному общению, т. е. процессу восприятия, анализа, синтеза и интерпретации информации, содержащейся в иноязычном печатном тексте. В качестве таких упражнений выступают рецептивные упражнения (Куклина, Шевченко, 2019), которые мы интерпретировали применительно к цели исследования. Ими стали рецептивные содержательно-поисковые, содержательно-смысловые поисковые и смысловые функционально заостренные упражнения.

При выявлении второго критерия отбора мы исходили из того, что информация из текста нужна учащимся для применения в реальных ситуациях не только письменного, но и устного иноязычного общения, чтобы они смогли участвовать в обсуждении поставленных задач. Поэтому вслед за рецептивными упражнениями в комплекс для формирования умений ЧГ включены продуктивные речевые упражнения. Важность третьего критерия определялась тем, что в ходе чтения школьники должны приобрести способность решать учебно-речевые задачи в жизненно важных проблемных ситуациях. В связи с этим нужны проблемно ориентированные упражнения, в которых учащиеся будут решать проблемные учебно-речевые задачи разной степени интеллектуального затруднения (Куклина, 2024, с. 47–48) в реальных ситуациях, связанных с их интересами и потребностями.

Например, в содержательно-смысловых поисковых упражнениях могут решаться проблемные поисково-творческие задачи, предполагающие осмысление школьниками информации для выявления точки зрения автора и формулировки собственного мнения. Проблемные творческие задачи станут компонентом рецептивных смысловых функционально заостренных упражнений и следующих за ними речевых упражнений, направленных на интеграцию полученной информации с имеющимися знаниями, ее интерпретацию, критическое осмысление (для выбора наиболее актуальной) и использования при обсуждении в реальных ситуациях иноязычного общения.

Оптимальная организация представленных упражнений в отдельном комплексе зависит от набора необходимых при чтении текста умений ЧГ, уровня их развития у учащихся, а также от показателя функциональной направленности текста. Именно перечисленное обуславливает, с одной стороны, набор и организацию упражнений в единый комплекс, а с другой — количество и последовательность рецептивных и продуктивных упражнений, которые обеспечат эффективное овладение старшеклассниками полным набором умений ЧГ.

Далее представим *результативный компонент* технологии формирования ЧГ старшеклассников, который содержит контрольно-оценочный аппарат, позволяющий определить уровень развития умений ЧГ как показатель ее сформированности. Этот аппарат представляет собой совокупность качественных и количественных показателей, демонстрирующих уровень способности старшеклассников решать проблемные учебно-речевые задачи, проникая в содержание иноязычного текста для его оценки, осмысления и применения в жизненных ситуациях для достижения своих целей (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Уровень развития умений читательской грамотности обучающихся
Level of students' reading literacy skills development

Уровень	Критерии	Процентное отношение, %
Высокий	Учащиеся владеют полным набором умений ЧГ, умеют работать со всеми видами текстов с разными показателями функциональной направленности	90–100
Средний	Учащиеся владеют достаточным набором умений ЧГ, но сталкиваются с трудностями при его использовании в текстах со средним и высоким показателями функциональной направленности	89–70
Низкий	Учащиеся владеют неполным набором умений ЧГ, испытывают трудности при чтении текстов с любым показателем функциональной направленности, затрудняются формулировать свое отношение к прочитанному и его значимость в реальной жизни	69 до 50

Чтобы обеспечить измеримость полученных результатов и их анализ, в качестве показателя уровня сформированности ЧГ учащихся определен коэффициент, который рассчитывается по формуле:

$$K = a / n,$$

где a — количество полученных баллов, n — максимально возможное количество. Результатом стала шкала оценки уровня сформированности ЧГ, где K , равный 0,9–1, соответствует высокому уровню; 0,7–0,8 — среднему; 0,6–0,5 — низкому, а K ниже 0,5 демонстрирует неудовлетворительный уровень владения умениями ЧГ.

Апробация разработанных материалов проходила в 10-м и 11-м классах с углубленным изучением английского языка средней школы № 27 г. Кирова. Необходимо было доказать следующую *гипотезу*: уровень владения старшеклассниками умениями функционального чтения на иностранном языке повысится и обеспечит успешное формирование у них читательской грамотности, если выявлен оптимальный набор этих умений и эффективных средств их приобретения учащимися, которые целенаправленно отобраны и организованы для достижения обозначенной цели.

В качестве примера приведем результаты, полученные учащимися 11-го класса до и после опытно-экспериментального обучения; эти результаты демонстрируют изменения уровня сформированности ЧГ. Оценка результатов производилась в баллах (210 баллов за работу с тремя текстами), исходя из количества правильно решенных проблемных учебно-речевых задач с помощью адекватного набора умений ЧГ, а уровень сформированности ЧГ — с помощью коэффициента K (табл. 2).

Представленные в таблице результаты показывают, что средний уровень развития умений ЧГ и соответственно сформированности читательской

Таблица 2 / Table 2

Результаты сформированности читательской грамотности учащихся 11 «А» класса
Results of the reading literacy development in 11th «A» class grade students

11 «А» класс	Входная диагностика			Итоговая диагностика		
Имя учащегося	Общее количество баллов, <i>max 210 баллов</i>	Общий процент выполнения, <i>100 %</i>	Уровень сформированности ЧГ, <i>коэффициент К</i>	Общее количество баллов, <i>max 210 баллов</i>	Общий процент выполнения, <i>100 %</i>	Уровень сформированности ЧГ, <i>коэффициент К</i>
Анна	162	77	0,7	165	79	0,8
Александра	187	90	0,9	191	91	0,9
Александр	113	54	0,4	119	57	0,6
Егор	126	60	0,6	166	75	0,8
Кирилл	124	59	0,6	176	84	0,8
Екатерина	185	88	0,9	190	90	0,9
Анастасия	183	87	0,7	196	93	0,9
Мария	185	88	0,9	199	95	0,9
Арсений	183	87	0,8	189	90	0,9
Ольга	125	58	0,6	138	65	0,7
Дмитрий	151	72	0,7	144	69	0,7
Яна	122	58	0,6	146	70	0,7
Средний показатель по группе	153	73	0,7	168	80	0,8

грамотности старшеклассников повысился. После апробации в группе появились учащиеся с высоким уровнем развития умений ЧГ (41 %) и уменьшилось с 42 до 25 % число старшеклассников с низким уровнем. Такой же результат демонстрирует коэффициент сформированности ЧГ, что говорит об отсутствии школьников, не владеющих соответствующими умениями. Все это не только подтверждает выдвинутую гипотезу, но и доказывает оптимальность выделенного набора умений читательской грамотности и эффективность средств их развития.

Заключение

Проведенный анализ теоретических источников по проблеме создания оптимальных условий для формирования ЧГ старшеклассников в иноязычном образовательном процессе позволил уточнить совокупность умений функционального чтения, которые необходимы выпускникам школы для получения информации, значимой в современном меняющемся мультикультурном информационном мире.

Средствами развития этих умений на уроках иностранного языка служат аутентичные мультикультурные иноязычные тексты и комплексы рецептивных и продуктивных проблемно ориентированных упражнений, которые

отобраны и организованы для достижения названной цели и приобретения качества функциональности. Эффективность созданных материалов для формирования ЧГ старшеклассников и адекватность критериев оценивания их функциональной направленности подтверждены результатами опытного обучения.

Перспективы дальнейшего исследования авторы видят в разработке аналогичных материалов, предназначенных для формирования других компонентов функциональной грамотности обучающихся на разных уровнях иноязычного образования.

Список источников

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования*. (2021). Приказ Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 287. Минпросвещения России.
2. Edwards, V., & Corson, D. (1997). Functional literacy. *Encyclopedia of language and education*. Vol. 2: Literacy, 127–132. <https://doi.org/10.1007/978-94-011-4540-4>
3. OECD. (2019). *PISA 2018 Assessment and analytical framework*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/b25efab8-en3Ш>
4. Русинова, М. В., & Куклина, С. С. (2025). Анализ условий формирования функциональной грамотности старшеклассников в действующих учебниках по английскому языку. *Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности* (с. 205–208). Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. Комсомольский-на-Амуре государственный университет.
5. Arbarini, M., Sri, J., & Soetarno, J. (2018). Effect of participatory learning model on functional literacy education. *Journal of Nonformal Education*, (4), 13–24. <https://doi.org/10.15294/jne.v4i1.13570>
6. Surwanti, D., & Hikmah, I. (2019). Improving students' awareness of functional literacy. *English Language Teaching Educational Journal*, 2(2), 79–89.
7. Зимняя, И. А. (2001). *Лингвopsихология речевой деятельности*. Московский психолого-социальный институт, МОДЭК.
8. Фоломкина, С. К. (2005). *Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе*. Учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. Высшая школа.
9. Клычникова, З. И. (1983). *Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке*. Просвещение.
10. Климинская, С. Л. (2023). Функциональный подход в обучении иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, (13) (спецвыпуск), 72–77.
11. Алексашина, И. Ю., Абдулаева, О. А., & Киселев, Ю. П. (2019). Вектор развития содержания общего образования: от академической к функциональной грамотности. *Человек и образование*, (2), 9–13.
12. Примеры открытых заданий PISA по читательской, математической, естественнонаучной, финансовой грамотности и заданий по совместному решению задач. (2018). СПб ГБНОУ «Центр регионального и международного сотрудничества».
13. Леонтьев, А. А. (2003). Что такое деятельностный подход в образовании? *Образовательная система «Школа 2100»*. Педагогика здравого смысла (с. 22–25). Сборник материалов. Баласс, Издательский дом РАО.

14. Смирнова, Л. Е. (2016). Методическая аутентичность в обучении иностранному языку. *Инновационная наука*, (11–2), 129–131.
15. Батырова, З. Р. (2025). Проблемы повышения качества читательской грамотности на уроках английского языка на уровне среднего общего образования. *Иностранные языки в школе*, (5), 38–45.
16. Афанасьева, О. В., & Михеева, И. В. (2019). *Английский язык*. 10, 11 класс. Просвещение.
17. Куклина, С. С. (2023). Технологии в школьном иноязычном образовании. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. *Проблемы языкознания и педагогики*, (4), 67–82.
18. Селевко, Г. К. (2005). *Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления учебно-воспитательным процессом*. НИИ школьных технологий.
19. Гальскова, Н. Д., Василевич, А. П., & Акимова, Н. В. (2017). *Методика обучения иностранным языкам*. Учебное пособие. Феникс.
20. Афанасьева, О. В., & Михеева, И. В. (2019). *Английский язык*. 10, 11 класс. Просвещение.
21. Парахина, В. Н., & Федоренко, Т. М. (2007). *Теория организации*. Учебное пособие. 3-е изд. КНОРУС.
22. Мирошникова, Е. А. (2016). Адаптация текстового учебного материала при дифференцированном обучении иностранному языку. *Вестник Брянского государственного университета*, (3), 229–235.
23. Куклина, С. С., & Шевченко, А. И. (2019). Формирование межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде вуза. *Язык и культура*, (47), 197–216.
24. Куклина, С. С. (2024). Деятельностные средства овладения обучающимися иноязычным общением как стратегический компонент процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции. *Деятельностные средства овладения обучающимися иноязычным общением в современном информационно-коммуникационном образовательном пространстве* (с. 40–51). Коллективная монография. Радуга-Пресс.

References

1. Federal state educational standard of basic general education. (2021). *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 05/31/2021 № 287*. Ministry of Education of Russia. (In Russ.).
2. Edwards, V., & Corson, D. (1997). Functional literacy. *Encyclopedia of language and education*. Vol. 2: Literacy, 127–132. <https://doi.org/10.1007/978-94-011-4540-4>
3. OECD. (2019). *PISA 2018 Assessment and analytical framework*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/b25efab8-en>
4. Rusinova, M. V., & Kuklina, S. S. (2025). Analysis of the conditions for developing functional literacy in high school students in current English language textbooks. *Social sciences and humanities in the context of modern challenges* (p. 205–208). Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with international participation. Komsomolsk-on-Amur State University. (In Russ.).
5. Arbarini, M., Sri, J., & Soetarno, J. (2018). Effect of participatory learning model on functional literacy education. *Journal of Nonformal Education*, (4), 13–24. <https://doi.org/10.15294/jne.v4i1.13570>

6. Surwanti, D., & Hikmah, I. (2019). Improving students' awareness of functional literacy. *English Language Teaching Educational Journal*, 2(2), 79–89.
7. Zimnyaya, I. A. (2001). Lingvopsychology of speech activity. Moskovskij psixologo-social'ny'j institut, MODEK. (In Russ.).
8. Folomkina, S. K. (2005). *Teaching reading in a foreign language at a non-linguistic university: educational and methodological manual*. 2nd ed., rev. Vy'sshaya shkola. (In Russ.).
9. Klychnikova, Z. I. (1983). Psychological Features of Teaching Reading in a Foreign Language. Prosveshchenie. (In Russ.).
10. Kliminskaya, S. L. (2023). Functional approach to teaching a foreign language to students of non-linguistic programs of study. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, (13) (special issue), 72–77. (In Russ.).
11. Aleksashina, I. Yu., Abdullayeva, O. A., & Kiselev, Yu. P. (2019). Vector of development of the contents of general education: from academic to functional literacy. *Man and education*, (2), 9–13. (In Russ.).
12. Examples of PISA Open-Ended Tasks in Reading, Mathematics, Science, and Financial Literacy, and Tasks on Collaborative Problem Solving. (2018). *SPb GBOU «Tsentr regional'nogo i mezhdunarodnogo sotrudnichestva»*. (In Russ.).
13. Leontiev, A. A. (2003). What is an activity-based approach in education? *The educational system «School 2100». Pedagogy of common sense* (p. 22–25). Sbornik materialov. Balass, Izdatel'skij dom RAO. (In Russ.).
14. Smirnova, L. E. (2016). Methodological authenticity in teaching a foreign language. *Innovatsionnaya nauka*, (11–2), 129–131. (In Russ.).
15. Batyrova, Z. R. (2025). Problems of improving the quality of reading literacy in english lessons at the secondary general education level. *Inostranny'e yazy'ki v shkole*, (5), 38–45. (In Russ.).
16. Afanasyeva, O. V., & Mikheeva, I. V. (2019). *English Language*. Grades 10, 11. Prosveshchenie. (In Russ.).
17. Kuklina, S. S. (2023). Technologies in school foreign language education. *PNRPU Linguistics and pedagogy bulletin*, (4), 67–82. (In Russ.).
18. Selevko, G. K. (2005). Pedagogical technologies based on activization, intensification and effective management of the educational process. NII shkol'ny'x texnologij. (In Russ.).
19. Gal'skova, N. D., Vasilevich, A. P., & Akimova, N. V. (2017). *Methods of teaching foreign languages*. Textbook. Feniks. (In Russ.).
20. Afanasyeva, O. V., & Mikheeva, I. V. (2019). *English Language*. Grades 10, 11. Prosveshchenie. (In Russ.).
21. Parakhina, V. N., & Fedorenko, T. M. (2007). *Organization theory*. A study guide. 3rd ed. Knorus. (In Russ.).
22. Miroshnikova, E. A. (2016). Adaptation of text educational material in differentiated teaching of a foreign language. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 229–235. (In Russ.).
23. Kuklina, S. S., & Shevchenko, A. I. (2019). Formation of intercultural competence in a professionally oriented information educational environment of a university. *Yazy'k i kul'tura*, (47), 197–216. (In Russ.).
24. Kuklina, S. S. (2024). Activity-based means of mastering foreign language communication by students as a strategic component of the process of forming foreign language

communicative competence. *Activity-based means of mastering foreign language communication by students in the modern information and communication educational space* (p. 40–51). A collective monograph. Raduga-Press. (In Russ.).

Информация об авторах

Светлана Станиславовна Куклина — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета.

Мария Владимировна Русинова — магистр педагогического образования, учитель английского языка средней школы № 27.

Information about the authors

Svetlana S. Kuklina — Dr. Sc (Pedagogy), Docent, Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Vyatka State University.

Maria V. Rusinova — Master of Pedagogy, English Teacher, Secondary School № 27.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.

Научно-практическая статья

УДК [378.016:811.581].018.43

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-222-234

МЕТОДЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ ЗАДАНИЯ С КОНТРОЛИРУЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Чистова Елена Викторовна

Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского,
Москва, Россия,

kovelena82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4016-7935>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме ограничения зависимости от сгенерированных искусственным интеллектом (ИИ) текстов в онлайн-обучении китайскому языку через задания с контролируемой самостоятельностью. Автор предлагает технологию, направленную на минимизацию рисков бесконтрольного использования больших языковых моделей, таких как снижение когнитивной нагрузки, ослабление самостоятельного мышления и формирование иллюзии компетентности. В исследовании применяется комплекс методов: анкетирование студентов и преподавателей, педагогический эксперимент с участием 78 учащихся разного уровня мотивации, анализ качественных и количественных параметров речи. Экспериментальная группа выполняла задания с элементами контролируемой самостоятельности, включая критический анализ сгенерированных ИИ текстов, нейросетевой промптинг и методическую рефлексию. Контрольная группа работала по традиционной схеме с неограниченным доступом к ИИ. Результаты показали превосходство предложенного подхода: экспериментальная группа продемонстрировала более высокие показатели в усвоении материала (выше на 35 %), запоминании лексики, проактивности и скорости коммуникативных реакций. Новизна исследования заключается в разработке системы заданий, трансформирующих ИИ из инструмента выполнения заданий в средство обучения, стимулирующее аналитическое мышление и глубокое погружение в предмет. Полученные результаты подтверждают эффективность методов контролируемой самостоятельности для развития говорения, критического мышления и аргументации. Подход обеспечивает объективность оценки реальных знаний студентов и способствует формированию академической осознанности. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанной системы заданий в онлайн-обучении китайскому языку для русскоязычной аудитории. Идеи критического анализа сгенерированного ИИ-контента и развития академической осознанности учащихся представляют ценность для современного языкового образования в целом.

Ключевые слова: лингводидактика, искусственный интеллект (ИИ), академическая осознанность, онлайн-обучение, китайский язык, мотивация.

Для цитирования: Чистова, Е. В. (2026). Методы ограничения зависимости от искусственного интеллекта в онлайн-обучении китайскому языку через задания с контролируемой самостоятельностью. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 222–234. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-222-234>

Scientific and practical article

UDC [378.016:811.581].018.43

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-222-234

LIMITING ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEPENDENCY IN ONLINE CHINESE LANGUAGE LEARNING THROUGH CONTROLLED AUTONOMY TASKS

Elena V. Chistova

Zhirinovsky University of World Civilizations,
Moscow, Russia,

kovelena82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4016-7935>

Abstract. The paper refers to the pressing issue of mitigating dependence on artificial intelligence in online Chinese language learning through tasks incorporating controlled autonomy. The author proposes a methodology aimed at minimizing the risks associated with the uncontrolled use of large language models, such as reduced cognitive load, weakened independent thinking, and the formation of an illusion of competence. The study employs a comprehensive set of methods: a survey of students and teachers, a pedagogical experiment involving 78 learners with varying levels of motivation, and an analysis of qualitative and quantitative speech parameters. The experimental group completed tasks with elements of controlled autonomy, including critical analysis of AI-generated texts, neural network prompting and methodological reflection. The control group followed a traditional approach with unrestricted access to AI. The results demonstrated the superiority of the proposed approach: the experimental group showed 35 % higher outcomes in material acquisition, vocabulary retention, proactivity, and the speed of communicative reactions. The novelty of the research lies in the development of a task system that transforms AI from a task-completion tool into a learning instrument that stimulates analytical thinking and deep subject engagement. The findings confirm the effectiveness of controlled autonomy methods for developing speaking skills, critical thinking, and argumentation. This approach ensures objective assessment of students' actual knowledge and fosters academic awareness. The practical significance of the study lies in the applicability of the developed task system to online Chinese language instruction for a Russian-speaking audience. The concepts of critical analysis of AI-generated content and the cultivation of students' academic awareness offer valuable insights for contemporary language education in general.

Keywords: linguodidactics, artificial intelligence (AI), academic awareness, online learning, Chinese language, motivation, controlled autonomy.

For citation: Chistova, E. V. (2026). Limiting artificial intelligence dependency in online Chinese language learning through controlled autonomy tasks. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 222–234. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-222-234>

Введение

В эпоху активного внедрения ChatGPT и других больших языковых моделей (БЯМ) в онлайн-обучение китайскому языку возникает критическая необходимость разработки методов, ограничивающих чрезмерную зависимость учащихся от искусственного интеллекта (ИИ). Хотя БЯМ значительно упрощают доступ к информации и генерации языковых конструкций, их бесконтрольное использование может привести к снижению когнитивной нагрузки, ослаблению самостоятельного мышления и поверхностному усвоению материала.

Актуальность обусловлена, во-первых, педагогическими рисками. Пассивное копирование ответов ИИ минимизирует практику живого общения и анализа ошибок, что критично для языков с высокой контекстной нагрузкой, таких как китайский (Zhang, et al., 2025). Во-вторых, злободневность темы вызвана психологическим риском (Zhang, 2025), связанным с формированием иллюзии компетентности у учащихся, когда они переоценивают свои навыки из-за мгновенных подсказок ИИ. В-третьих, необходимость изучения вопроса продиктована технологическим балансом (Azhar1, Abdullah, 2024). Для эффективного использования БЯМ в учебном процессе критически важно интегрировать их исключительно в качестве вспомогательного инструмента. Задания должны быть разработаны по принципу контролируемой самостоятельности, где БЯМ выступает в роли ассистента или источника данных, в то время как студент сохраняет за собой роль главного исполнителя, неся полную ответственность за анализ, синтез и конечный результат работы.

Цель статьи — предложить систему заданий, минимизирующих зависимость от ИИ в онлайн-обучении китайскому языку. Исследование предполагает эксперимент с применением конкретных методик, направленных на сохранение языковой автономии учащихся. Это особенно важно для русскоязычной аудитории, где самостоятельный анализ контекста иероглифов и грамматики играет ключевую роль.

Научная новизна работы заключается в разработке и эмпирической верификации системы заданий, трансформирующей учащегося из пассивного потребителя ИИ-контента в субъекта, управляющего работой нейросети через аналитическую деятельность с лексикой и грамматикой, а также в создании диагностического инструментария для объективного выявления зависимости от искусственного интеллекта.

В исследовании применяются такие методы, как анкетирование (отдельно студентов и преподавателей по разным вопросам и с разной целью), эксперимент

с двумя группами студентов (контрольной и экспериментальной), анализ качественных и количественных параметров речи.

Теоретический обзор

В последние годы в научной литературе наблюдается значительный рост публикаций, посвященных применению ИИ в образовании (Azhar1, Abdullah, 2024). Наряду с преимуществами и новыми возможностями все большее внимание уделяется и системным рискам его внедрения. Среди ключевых проблем в общей образовательной и научной сфере выделяются: появление новых форм академического мошенничества, таких как ИИ-плагиат; правовая неопределенность; этические дилеммы, связанные с разграничением вспомогательного использования технологий и полной подмены интеллектуального труда; угрозы безопасности персональных данных; потенциальное негативное влияние на ценностно-смысловую и когнитивную сферы личности (Бакулина, 2025; Исаева, 2025; Vo, 2025).

Исследования подтверждают, что влияние ИИ на познавательные способности неоднозначно и зависит от уровня развития ценностно-мировоззренческих качеств человека. Лица с развитым мировоззрением задействуют ИИ как инструмент для расширения когнитивных возможностей, в то время как у других может наблюдаться ослабление памяти, снижение творческого и критического мышления из-за недооценки важности самостоятельной интеллектуальной работы (Григорьев, 2025). Например, исследование научного коллектива из Германии доказало, что использование БЯМ, таких как ChatGPT 3.5, значительно снижает когнитивную нагрузку на студентов, но при этом приводит к формулированию менее качественных и аргументированных выводов, т. е. хотя БЯМ облегчают процесс сбора информации, они не способствуют более глубокому освоению материала (Stadler et al., 2024). Более того, БЯМ демонстрируют способность намеренно снижать уровень сложности ответов в зависимости от запрашиваемой роли. Например, при имитации общения с ребенком модель упрощает язык и когнитивную нагрузку ответов, демонстрируя способность адаптироваться под восприятие пользователя (Milička et al., 2024). Это означает, что БЯМ могут гибко управлять своими возможностями: общаться на высоком уровне с подготовленным пользователем и сознательно упрощать аргументацию для аудитории с менее развитыми навыками.

Что касается сферы обучения иностранным языкам, то к недостаткам применения ИИ ученые (Землякова, Земляков, 2021) относят снижение мотивации к изучению языка из-за доступности электронных переводчиков, которые создают иллюзию достаточности без глубокого освоения языка (Ma, Chen, 2025). Машинный перевод часто не обеспечивает точности и контекстуальной адекватности, особенно при работе с многозначными словами или идиоматическими выражениями. Внедрение ИИ также ослабляет самостоятельную работу учащихся: они перестают работать со словарями, анализировать грамматические

структуры и развивать критическое мышление. Важным ограничением выступает неспособность ИИ формировать спонтанные коммуникативные умения (например, говорение) (Zhang et al., 2025), так как системы лишены когнитивного сознания и гибкости, присущих человеческому общению. Наконец, существует риск формирования пассивности и интеллектуальной лени среди обучающихся.

В контексте преподавания и изучения китайского языка, в том числе в онлайн-формате, риски и преимущества приобретают специфические черты. С одной стороны, ИИ, в частности ChatGPT, может предоставлять разнообразные, персонализированные и интерактивные учебные ресурсы — от методической подготовки к занятиям (Соболева, Украинская, 2024; Тихонова, Крайдер, 2025) до методических рекомендаций по развитию иероглифической компетенции (Чжао, Дворядкина, 2024). Это помогает повысить качество преподавания, стимулировать мотивацию учащихся и способствовать межкультурному общению (Wang, 2023; Yuan, 2025). ИИ предлагает персонализированный подход и высокую эффективность обучения благодаря адаптивным методам и оптимизации ресурсов (Mo, 2024).

С другой стороны, внедрение ИИ сталкивается с техническими проблемами (нестабильность сетей, ограничения алгоритмов), этическими вопросами и рисками нарушения конфиденциальности данных (Mo, 2024). Как отмечают исследователи, применение ChatGPT требует изменений в системе оценивания и реформирования методов преподавания, а также порождает проблемы разделения обучения и изучения, этические дилеммы и риск разрушения традиционных систем образования (Yin, 2024). Китайские ученые также указывают на наличие технических ограничений и скрытых опасностей с точки зрения социальной этики, призывая преподавателей и учащихся повышать бдительность и обеспечивать безопасное развитие систем защиты данных (Wang, 2023).

Таким образом, хотя ИИ открывает значительные перспективы для персонализации обучения (Сысоев, 2025) и автоматизации рутинных задач, его внедрение требует разработки комплексных нормативных, педагогических и этических мер, а также сохранения ключевой роли педагога (Сафонцева, Кривенко-Бахмутская, 2025). Для успешного развития технологий в сфере онлайн-обучения китайскому языку необходимо совместное участие государства, образовательных учреждений и IT-сектора (Mo Zengxian, 2024), включая сотрудничество между университетами для разработки образовательно адаптированных ИИ-решений (Yin, 2024).

Методика эксперимента и фокусная группа

В качестве гипотезы исследования предполагается, что включение в учебный процесс заданий с контролируемой самостоятельностью, при которых учащиеся не просто получают готовый продукт от ИИ, а выступают в роли

методистов и критиков (составляя промпты и анализируя результаты), позволит сохранить учебную мотивацию и когнитивную вовлеченность, глубже понять структуру языка (через анализ того, как ИИ строит задания), а также сформировать более прочные лексико-грамматические навыки и спонтанные монологические умения по сравнению с группой, использующей ИИ бесконтрольно.

Цель эксперимента заключается в сравнении эффективности двух подходов к обучению (традиционного онлайн-обучения с неконтролируемым доступом к ИИ и обучения с элементами контролируемой самостоятельности через нейросетевой промптинг) на уровень сформированности лексико-грамматических навыков и спонтанных монологических умений.

В исследовании задействовано 78 учащихся из двух университетов и двух частных школ, изучающих китайский язык онлайн и владеющих им на уровне HSK 3 (средний пороговый уровень). Стоит отметить, что состав групп по уровню мотивации характеризуется как гетерогенный, т. е. включает в себя как высокомотивированных, так и слабомотивированных студентов. Согласно данным предварительного анкетирования, 42 % обучающихся выбрали специальность не по своей воле (один из распространенных ответов: «Родители считают, что с китайским можно много зарабатывать, поэтому настояли/заставили пойти на это направление»); 19 % выбрали специальность по своему желанию, но не ожидали таких сложностей; 4 % выбрали китайский язык по настоятельной рекомендации взрослых, но им очень понравилось его изучать; 35 % сознательно выбрали направление и имеют высокую мотивацию. Гетерогенный состав групп обеспечивает репрезентативность выборки.

Объектом изучения в эксперименте, который продлился два месяца, выступает процесс формирования лексико-грамматических навыков и спонтанных монологических умений учащихся.

Группа А (контрольная). Студенты получают задания с неконтролируемым доступом к ИИ, такие как традиционные упражнения из рабочих тетрадей или учебников (подстановка, перевод, составление предложений и др.), но выполняемые в цифровой среде. Учащиеся могут свободно пользоваться любыми онлайн-переводчиками и чат-ботами (ChatGPT, DeepSeek и др.) для поиска готовых ответов.

В качестве примера приведем задание «Составьте 5 предложений с новой лексикой». В итоге большинство студентов группы А копируют список слов в чат-бот и переписывают готовый результат. В ходе выполнения такого задания, как «Прочитайте текст (с преимущественно изученной лексикой и 4–5 новыми словами) и выпишите все незнакомые слова». Списки из 15–25 незнакомых слов сразу выявляют студентов, не освоивших требуемую лексику.

Группа Б (экспериментальная). Студентам предлагаются задания с элементами контролируемой самостоятельности. Основная задача состоит не в том, чтобы получить ответ, а в том, чтобы научиться его конструировать через аналитические упражнения и нейросетевой промптинг.

В качестве примера учащиеся оценивают детективную/юмористическую историю (в объеме ~500 иероглифов), составленную ИИ по заданному промпту (например, «С использованием слов уровня HSK3 [предоставить список], составь...»). Вопросы на занятии звучат следующим образом: «Получился ли детектив? Была ли развязка неожиданной? Что показалось странным? Какие слова пришлось искать в словаре? Какой уровень сложности у текста?». Такие аналитические упражнения мотивируют студентов критиковать ИИ, а не себя, что повышает вовлеченность.

Технология работы с лексикой включает в себя обучение составлению промптов. Учащийся в качестве домашнего задания должен сформулировать запрос для ИИ, выступающего в роли учителя. Например: «Выступи в роли методиста. Разработай для меня задания с лексикой [перечислить 10 слов по теме “Еда”] для: а) определения синонимов/антонимов; б); верификации сочетаемости; в) перевода на русский язык». Студент письменно выполняет сгенерированные ИИ упражнения, а на занятие приносит не только упражнения, которые сделал, но и критический анализ промпта и результата: «Все ли задания были релевантны? Где ИИ ошибся? Какое задание было самым полезным для запоминания и почему?».

В ходе работы с грамматикой и монологом учащийся также формулирует запрос. Например: «Выступи в роли учителя. Разработай для меня упражнения на грамматику (результативные морфемы и 把). Используй коммуникативные задания: “Докажите другу, что 把 необходим”, “Приведите примеры из жизни, как вы используете эту конструкцию”, “Сформулируйте советы тем, кто путает порядок слов” и др.». ИИ генерирует речевые ситуации. Студент в домашних условиях готовит ответы для решения поставленных коммуникативных задач. На занятии он участвует в дискуссии или неподготовленном монологическом высказывании, но опираясь на те коммуникативные умения, которые приобрел посредством выполнения и проверки заданий, предоставленных ИИ. В качестве рефлексии проводится обсуждение в группе: «Какие задания получились эффективными для развития речи, а какие — шаблонными/неадекватными и т. п.?».

Критерии оценивания подобных заданий основываются на принципах:

1) процессуальности: оценивается не только конечный продукт (выполненное упражнение), но и качество взаимодействия с ИИ (промптинг) и глубина рефлексии. Это смещает фокус с результата на процесс познания;

2) метакогнитивизма: включены критерии, оценивающие способность студента анализировать собственные стратегии обучения и качество «чужого» интеллектуального труда (ИИ);

3) автономии: поощряются самостоятельность, спонтанность и критичность, что напрямую противостоит иллюзии компетентности и зависимости от ИИ;

4) прозрачности: студент заранее знает, за что снижаются баллы, что мотивирует его не просто скопировать ответ, а качественно проработать материал.

Объектом контроля экспериментального исследования явились результаты лексико-грамматического теста и итогового монологического высказывания.

Посредством лексико-грамматического теста (письменная часть) оценивается точность использования изученной лексики (из списка HSK 3) и грамматических конструкций в тестовых заданиях закрытого и полукрытого типов. Максимальное количество — 40 баллов.

При контроле спонтанного монологического высказывания (устная часть с максимальными 28 баллами) учащемуся дается тема (из числа изученных), 1 минута на подготовку (без доступа к ИИ и Интернету) и предлагается высказаться в течение 1,5–2 минут. В качестве количественных параметров оцениваются:

1) темп речи (ожидается скорость, приближающаяся к 100–140 иероглифам в минуту; фиксируется количество неоправданно длинных пауз (более 3–5 секунд) на единицу времени, где нормативный темп — речь с минимальными запинками, характерными для уровня HSK 3 (0–3 балла);

2) объем высказывания (количество предложений/иероглифов) при норме не менее 10–15 фраз (0–3 балла).

Среди качественных параметров оцениваются:

3) соответствие теме и ситуации: полнота раскрытия темы (0–5 баллов);

4) лингвистическая нормативность: адекватность употребления изученной лексики и грамматики (0–5 баллов);

5) логичность высказывания: наличие связующих слов (因为...所以..., 但是, 然后), структура (вступление, основная часть, заключение) (0–4 балла);

6) эмоциональная окрашенность: использование модальных частиц (啊, 吧, 呢), оценочной лексики, отражающей личное отношение (0–3 балла);

7) самостоятельность высказывания: отсутствие заученных клише, скопированных из ИИ, способность перефразировать мысль при забывании слова и др. (0–5 баллов).

Результаты итогового среза высчитываются в процентах по формуле: совокупность баллов за лексико-грамматический тест и монолог делится на максимальный балл и умножается на 100. Затем сравнивается средний процент в группах А и Б. Отдельно анализируется разница в качественных показателях, особенно таких как самостоятельность высказывания и эмоциональная окрашенность.

В заключение проводится анкетирование учащихся группы Б для выявления их субъективной оценки методики работы с ИИ (сложно/легко/интересно).

Результаты исследования

В завершении эксперимента группа А продемонстрировала высокие достижения в лексико-грамматическом тесте, однако в большинстве ответов было очевидным, что значительная доля студентов обращались к ИИ: в предложениях встречались грамматические конструкции и лексика, которые еще не изучались; переводы предложений звучали неестественно гладко

и подробно; составленные с изученной лексикой предложения выглядели сложными, характерными для уровня HSK 5 – HSK 6, что указывало на использование машинного перевода. Опрос более 50 преподавателей из российских и китайских вузов показал, что 92 % из них интуитивно определяют случаи применения ИИ студентами. Это заметно как в онлайн-, так и в офлайн-формате, когда студенты задействуют ИИ-технологии прямо на занятиях.

Что касается монологического высказывания, то результаты группы А не были впечатляющими. Их монологическая речь звучала менее спонтанной и более шаблонной. Был установлен факт использования генеративных нейросетей отдельными обучающимися. Диагностическим показателем послужило несоответствие между письменным продуктом и уровнем владения устной речью: учащиеся не могли бегло озвучить подготовленный текст, демонстрируя наличие продолжительных хезитационных пауз и нарушение слоговой слитности. Подобные фонетические и просодические сбои указывают на отсутствие глубинного понимания смысла и/или недостаточную сформированность лексических навыков.

Эксперимент подтвердил гипотезу исследования, поскольку группа Б (экспериментальная) достигла более высоких результатов в общем зачете (на 35 % успешнее) и отдельно по критериям «самостоятельность высказывания» и «логичность», а также добилась большей вариативности лексики.

Эксперимент подтвердил, что обучение осознанному взаимодействию с ИИ (посредством таких критериев оценивания, как качество промпта, критический анализ промпта, критический анализ результата ИИ, методологическая рефлексия и др.) нивелирует когнитивную зависимость, превращая нейросеть из решебника в тренажер. Проведенный эксперимент наглядно показывает, что подход, допускающий контролируемую самостоятельность при работе с ИИ, значительно более эффективен, нежели модель неконтролируемого доступа.

Контролируемое использование ИИ способствует глубокому усвоению материала. Методы, при которых студенты не пассивно копируют готовые решения, а активно взаимодействуют с продуктами ИИ (анализируют, критикуют, редактируют), приводят к эффективному формированию лексико-грамматических навыков и способствуют успешной демонстрации монологических умений.

Критический анализ и геймификация повышают мотивацию, согласно анкетированию на субъективную оценку методики работы учащихся с ИИ. Превращение задания из скучного упражнения в интересную проблему, которую нужно решить (например, найти ошибки у ИИ или представить методическую рефлексия), значительно увеличивает вовлеченность и проактивность студентов. Цель метода контролируемой самостоятельности — развитие спонтанной речи, умения импровизировать, аргументировать свою позицию и критически мыслить. Эти практические навыки успешнее формируются в условиях, когда студенты лишены возможности просто делегировать задание ИИ. Данный

подход обеспечивает прозрачность и объективность оценки. Преподаватель получает реальное представление о знаниях студента, а не о способности ИИ генерировать тексты. Это позволяет точно оценить прогресс и выявить пробелы.

Заключение

Таким образом, интеграция ИИ в образовательный процесс не должна заключаться в простом предоставлении к нему доступа. Необходимо разрабатывать такие педагогические практики, которые превращают ИИ из инструмента для выполнения заданий в инструмент для обучения, стимулирующий аналитическое мышление, творческий подход и глубокое погружение в предмет.

Крайне важно развивать академическую осознанность студентов, открыто объясняя им причины таких изменений. Преподаватель, находясь в курсе возможностей и ограничений машинных переводчиков, генеративного ИИ и других инструментов (таких как программы для чтения по транскрипции), сознательно меняет формат заданий. Цель заключается не в том, чтобы усложнить процесс обучения, а в том, чтобы сместить акцент с конечного результата на сам процесс познания. Это позволяет оценить реальные знания, интеллектуальные усилия и персональный прогресс каждого студента, обеспечивая честное и объективное оценивание.

Список источников

1. Zhang, J., Zhou, X., & Goh, Y. S. (2025). Unpacking AI-supported Chinese as a foreign language learning: How beginner-level learners' cognitive and motivational factors predict speaking proficiency. *Acta Psychologica*, (260), 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105703>
2. Zhang, Z. (2025). The role of Artificial Intelligence tools on Chinese EFL learners' self-regulation, resilience and autonomy. *European Journal of Education*, 60(2), 1–18. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ejed.70127>
3. Azhar1, A., & Abdullah, A. (2024). Artificial Intelligence (AI) in Language Learning Autonomy (LLA): a systematic literature review uncovering learning autonomy. *International Journal for Multidisciplinary Research*, 6(6), 1–17. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i06.31045>
4. Бакулина, Р. А. (2025). Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: правовые и этические аспекты. *Политика и Общество*, (3), 61–74. https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=75253 <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.3.75253>
5. Исаева, Т. Е. (2025). Педагогическая профилактика электронного академического мошенничества. *Концепт*, (4), 249–264. <http://e-koncept.ru/2025/251070.htm>
6. Vo, T. K. A. (2025). Transforming language learning with AI: adaptive systems, engagement, and global impact. *Engineering Proceedings*, 107(1), 7. <https://doi.org/10.3390/engproc2025107007>

7. Григорьев, В. П. (2024). Влияние искусственного интеллекта на когнитивные функции человека: потенциальные риски. *Когнитивная психология*, 12(2), 45–53.
8. Stadler, M., Bannert, M., & Sailer, M. (2024). Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry. *Computers in Human Behavior*, 160. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563224002541?via%3Dihub>
9. Milička, J., Marklová, A., VanSlambrouck, K., Pospíšilová, E., Šimsová, J., Harvan, S., & Drobil, O. (2024). Large language models are able to downplay their cognitive abilities to fit the persona they simulate. *PLoS ONE*, 19(3). <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0298522>
10. Землякова, Т. А., & Земляков, В. Д. (2021). Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта при изучении иностранного языка. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (2), 126–129.
11. Ma, Y., & Chen, M. (2025). The human touch in AI: optimizing language learning through self-determination theory and teacher scaffolding. *Frontiers in Psychology*, (16), 1–17. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1568239>
12. Соболева, Ж. С., & Украинская, В. Д. (2024). Возможности применения искусственного интеллекта и нейросетей при организации урока китайского языка. *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*, 18(1), 132–138.
13. Тихонова, Е. В., & Крайдер, А. В. (2025). Применение генеративного ИИ при разработке материалов по обучению переводу с китайского языка. *Иностранные языки в школе*, (2), 33–40.
14. Чжао, М., & Дворядкина, Н. А. (2024). Влияние технологии искусственного интеллекта на формирование иероглифической компетенции студентов, изучающих китайский язык. *Kant*, 2(51), 441–447.
15. Wang, L. (2023). The application and impact of Artificial Intelligence in international Chinese language education: a case study of ChatGPT. *Education Language and Sociology Research*, 4(3). <https://scispace.com/pdf/the-application-and-impact-of-artificial-intelligence-in-zaz8ujiz2e.pdf>
16. Yuan, H. (2025). Artificial Intelligence in language learning: biometric feedback and adaptive reading for improved comprehension and reduced anxiety. *Humanities and Social Sciences Communications*, (12), 556. <https://www.nature.com/articles/s41599-025-04878-w>
17. Mo, Z. (2024). Artificial Intelligence empowering online teaching of Chinese as a foreign language: opportunities, challenges, and future prospects. *Education Insights*, 1(5). <https://doi.org/10.70088/nwwqch86>
18. Yin, F. (2024). Addressing ChatGPT Localization and Instructional Separation Challenges in Chinese Higher Education. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 26, 912–919. <https://drpress.org/ojs/index.php/EHSS/article/view/17975>
19. Сысоев, П. В. (2025). Персонализированное обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта. *Иностранные языки в школе*, (2), 4–12.
20. Сафонцева, Н. Ю., & Кривенко-Бахмутская, Ю. Н. (2025). Искусственный интеллект в образовании: технологические смыслы и ценностные риски. *Ценности и смыслы*, 1(95), 19–37.

References

1. Zhang, J., Zhou, X., & Goh, Y. S. (2025). Unpacking AI-supported Chinese as a foreign language learning: How beginner-level learners' cognitive and motivational factors predict speaking proficiency. *Acta Psychologica*, (260), 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105703>
2. Zhang, Z. (2025). The role of Artificial Intelligence tools on Chinese EFL Learners' self-regulation, resilience and autonomy. *European Journal of Education*, 60(2), 1–18. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ejed.70127>
3. Azhar1, A., & Abdullah, A. (2024). Artificial Intelligence (AI) in Language Learning Autonomy (LLA): a systematic literature review uncovering learning autonomy. *International Journal for Multidisciplinary Research*, 6(6), 1–17. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i06.31045>
4. Bakulina, R. A. (2025). Artificial Intelligence as a tool of academic fraud: legal and ethical aspects. *Politika i Obshchestvo*, (3), 61–74. https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=75253 (In Russ.).
5. Isaeva, T. E. (2025). Pedagogical prevention of electronic academic fraud. *Koncept*, (4), 249–264. <http://e-koncept.ru/2025/251070.htm> (In Russ.).
6. Vo, T. K. A. (2025). Transforming language learning with ai: adaptive systems, engagement, and global impact, engineering proceedings, 107(1), 7. <https://doi.org/10.3390/engproc2025107007>
7. Grigoriev, V. P. (2024). The impact of Artificial Intelligence on human cognitive functions: potential risks. *Cognitive Psychology*, 12(2), 45–53. (In Russ.).
8. Stadler, M., Bannert, M., & Sailer, M. (2024). Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry. *Computers in Human Behavior*, 160. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563224002541?via%3Dihub>
9. Milička, J., Marklová, A., VanSlambrouck, K., Pospíšilová, E., Šimsová, J., Harvan, S., & Drobil, O. (2024). Large language models are able to downplay their cognitive abilities to fit the persona they simulate. *PLoS ONE*, 19(3). <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0298522>
10. Zemlyakova, T. A., & Zemlyakov, V. D. (2021). Advantages and disadvantages of using Artificial Intelligence in foreign language learning. *Psychology and Pedagogy of Service Activities*, (2), 126–129. (In Russ.).
11. Ma, Y., & Chen, M. (2025). The human touch in AI: optimizing language learning through self-determination theory and teacher scaffolding. *Frontiers in Psychology*, (16), 1–17. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1568239>
12. Soboleva, Zh. S., & Ukrainskaya, V. D. (2024). Possibilities of using Artificial Intelligence and neural networks in organizing Chinese language lessons. *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*, 18(1), 132–138. (In Russ.).
13. Tikhonova, E. V., & Krayder, A. V. (2025). The use of generative AI in developing materials for teaching Chinese translation. *Inostranny'e yazy'ki v shkole*, (2), 33–40. (In Russ.).
14. Zhao, M., & Dvoryadkina, N. A. (2024). The impact of Artificial Intelligence technology on the formation of character competence in students learning Chinese. *Kant*, 2(51), 441–447. (In Russ.).

15. Wang, L. (2023). The application and impact of Artificial Intelligence in international Chinese language education: a case study of ChatGPT. *Education Language and Sociology Research*, 4(3). <https://scispace.com/pdf/the-application-and-impact-of-artificial-intelligence-in-zaz8ujiz2e.pdf>
16. Yuan, H. (2025). Artificial intelligence in language learning: biometric feedback and adaptive reading for improved comprehension and reduced anxiety. *Humanities and Social Sciences Communications*, (12), 556. <https://www.nature.com/articles/s41599-025-04878-w>
17. Mo, Z. (2024). Artificial intelligence empowering online teaching of Chinese as a foreign language: opportunities, challenges, and future prospects. *Education Insights*, 1(5). <https://doi.org/10.70088/nwwqch86>
18. Yin, F. (2024). Addressing ChatGPT Localization and Instructional Separation Challenges in Chinese Higher Education. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 26, 912–919. <https://drpress.org/ojs/index.php/EHSS/article/view/17975>
19. Sysoev, P. V. (2025). Personalized foreign language learning based on Artificial Intelligence technologies. *Inostranny'e yazy'ki v shkole*, (2), 4–12. (In Russ.).
20. Safontseva, N. Yu., & Krivenko-Bakhmutskaya, Yu. N. (2025). Artificial Intelligence in education: technological meanings and value risks. *Values and Meanings*, 1(95), 19–37. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Викторовна Чистова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, практики и дидактики перевода Института лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций Университета мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского.

Information about the author

Elena V. Chistova — Dr. Sc. (Philology), Docent, Associate Professor, Professor of the Department of Theory, Practice and Didactics of Translation, Zhirinovsky University of World Civilizations.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только **оригинальные, высококачественные научные работы** (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... (200–250 слов).

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма (3–15 слов / словосочетаний).

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC 82-1: 82-193.3

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,
nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... 200–250 words.

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme (3–15 words).

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что “only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual’s awareness ‘to burn always with this hard, gem-like flame’” (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонил для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3(56), 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина]. РГБ.
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. РГБ.
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томский гос. ун-т]. РГБ.
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. Николукин, А. Н. (Ред.). (2001). *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, (10), 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy'kognitivnoj lingvistiki*, 3(56), 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazanckij gos. un-t im. V. I. Ul'yanova-Lenina]. RSL. (In Russ.).

6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena]. RSL. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomskij gos. un-t]. RSL. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. Nikolyukin, A. N. (Ed.). (2001). *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru/137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy' literatury'*, (10), 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate professor at English Philology Department of Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Н. В. Матюшина, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

— литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации, языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): matushinnanv@mgpu.ru;

— литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2026, № 2 (62)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Н. В. Матюшина

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 28.07.2026 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 15 печ. л. Тираж: 1 000 экз.